Дб
380
Н-30

Народовольцы 80-х и 90-х годов.
М., 1929.

380
Н-30

ТРУДЫ КРУЖКА НАРОДОВОЛЬЦЕВ
ПРИ ВСЕСОЮЗНОМ О-ВЕ ПОЛИТКАТОРЖАН И СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ

9(47)323.2
Н.30

НАРОДОВОЛЬЦЫ

80-Х И 90-Х ГОДОВ

24
2
37 (1)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
МОСКВА—1929

ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
И
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН
И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

КНИГА XXXIX

МОСКВА

380
130

ТРУДЫ КРУЖКА НАРОДОВОЛЬЦЕВ
ПРИ О-ВЕ ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

9(47)3
Н 30

II

НАРОДОВОЛЬЦЫ

80-х и 90-х ГОДОВ

СБОРНИК СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, СОСТАВЛЕННЫЙ УЧАСТНИКАМИ НАРОДОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
А. В. ЯКИМОВОЙ-ДИКОВСКОЙ, М. Ф. ФРОЛЕНКО,
И. И. ПОПОВА, Н. И. РАКИТНИКОВА и В. В. ЛЕОНОВИЧА-АНГАРСКОГО

Долгачево

Проверено 1937 г.

1929

4 й экз.

КУТВ
ГОГАЧЕВКА
им СТАЛИНА

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
5/9945

Москва. Главлит А 29285 3.000 экз.

«Мосполиграф», 16-я тип., Трехпрудный, 9.

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
1.	От редакции	7
2.	**Семидесятница.** С. А. Иванова-Борейшо	9
3.	**В. А. Бодаев.** Н. М. Флеров и «подготовительная группа партии «Народной Воли»	15
4.	**Б. Н-ский.** Из народовольческих воспоминаний С. А. Иванова (письма С. А. Иванова к П. В. Карповичу)	24
5.	**М. П. Шебалин.** Киевский процесс 12-ти народовольцев в 1884 году (из воспоминаний участника)	66
6.	**Л. Берман.** Дополнения к статье М. П. Шебалина	81
7.	**Р. М. Кантор.** О Дерптской народовольческой типографии	94
8.	**З. Коган.** Тульская типография партии «Народной Воли»	105
9.	**М. А. Брагинский.** Из воспоминаний о военно-революционной организации (1884—1886 г.г.)	113
10.	**В. П. Денисенко.** Харьковская группа партии „Народной Воли“ (1885—1887 г.г.)	128
11.	**Л. В. Фрейфельд.** Из жизни народовольческих организаций конца 80-х годов	143
12.	**И. И. Ракитникова (Альтовская).** Революционная молодежь 90-х годов на работе в деревне	157
13.	**Н. Е. Смирнов.** Черты из жизни Лахтинской типографии	178
14.	**И. И. Попов.** Необходимые поправки к сборнику „Народовольцы после 1-го марта 1881 года“	210
15.	**В. М. Крутовский.** Заметка	213
16.	**Именной указатель**	215

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий сборник, как и предыдущий, посвящен периоду после 1-го марта 1881 г. Он составился также главным образом из воспоминаний участников народовольческого движения 80-х и 90-х годов. Лишь статья Р. М. Кантора о дерптской типографии, добавления т. Бермана к воспоминаниям М. П. Шебалина о киевском процессе 12 да заметка Б. Н—ского к письмам С. А. Иванова, писанным им в Шлиссельбургской крепости к П. В. Карповичу, составлены на основании архивных и литературных материалов.

Материал расположен нами в хронологическом порядке и охватывает период от осени 1880 по 1896 г., когда была ликвидирована царским правительством последняя революционная организация, принявшая имя «Народной Воли». Хотя первыми двумя выпусками охвачен весь послемартовский период истории «Нар. Воли» и в них нашли место все наиболее крупные об'единительные попытки и народовольческие «дела» этого полутора-десятилетия, все-таки изучение этого периода нашей революционной истории стоит еще в самом начале. Мы все еще очень мало знаем о работе народовольческих организаций даже в наиболее крупных наших провинциальных центрах, а между тем, как видно из печатаемых ниже материалов, отдельные лица и группы были даже в таких захолустьях, как г. Орша и подобные ему места, и, без сомнения, постепенно распространялись все более по градам и весям бывшей Российской империи.

Задачей своих сборников Кружок Народовольцев и ставит изображение народовольческого движения, как определенного этапа *массового социалистического движения*, начатого знаменитым хождением в народ и с тех пор ни на минуту не прекращавшегося. Разгром Исполнительного К-та «Народной Воли» и неудача последующих попыток восстановления центральной организации приветствовались правительством и реакционными кругами, как окончательная победа над грозным врагом. На самом же деле «Нар. Воля» потерпела неудачу лишь в своей попытке взять одним приступом твердыню самодержавия. Царское правительство, напуганное революционерами, вынуждено было прибегнуть к мерам

пресловутой «народной» политики (отмена соляного налога, разрешение переселений, учреждение Крестьянского Банка, понижение выкупных платежей, некоторые меры фабричного законодательства), как в 1905 г. оно, чтобы удержаться у власти, дало видимость конституции и политических свобод и столыпинскую аграрную реформу. Но неудача приступа ни на минуту не прекращала органической работы, конечно, не столь заметной, как акты центрального террора. Движение не только не замирало, но ширилось, охватывало все новые и новые массы. И, поскольку эта пропагандистская и агитационная работа шла под знаменем «Народной Воли», поскольку она вдохновлялась комплексом идей народнического социализма, постольку она входит в историю партии «Нар. Воли». С этой точки зрения редакция дала место и статье И. И. Ракитниковой, хотя та группа молодежи, о работе которой идет в статье речь, формально и не являлась народовольческой организацией.

Понимая таким образом задачу своих сборников, редакция просит всех участников народовольческого движения и всех лиц, работающих над историей революционного движения, помочь ей в ее работе присылкой статей, воспоминаний, биографий деятелей, их писем и т. п. по указанному на обложке адресу.

Софья Андреевна Иванова-Борейшо.

(Скончалась 22 июня 1927 г.).

Софью Андреевну Иванову-Борейшо я знала ровно 51 год: в тюрьме, на каторге, на поселении, дивилась ее выносливости в периоды страшных переживаний и, затем, долгие годы знала ее в частной жизни.

Все эти годы мы были связаны нераздельной дружбой. Отличительной чертой характера этой строгой женщины была ее прямота, вытекавшая из вполне ясного сознания как основ собственной души своей, так и тех условий, в которых ей приходилось жить и действовать. Она не переоценивала ни того, ни другого, а бралась только за то, что могла выполнить безукоризненно. Она была выше всякой лжи и малейшего притворства—перед людьми и перед собой. Натура, выкованная из цельного металла, а потому несколько суровая.

Родилась Соня далеко и высоко. Над самым Каспийским морем, на высокой, пустынной скале у городка Шуша, в местечке Хан-Кенды, населенном татарами и армянами. В половине прошлого столетия там стоял отряд русского войска, а начальником его был майор Иванов. Человек он был добрый, солдаты его любили. После смерти осталась его большая библиотека с книгами на разных языках. Майор был женат, детей имел 10 человек: трех дочерей, остальные мальчики.

В то время офицеры, служившие в полудиких местах Кавказа, имели большие привилегии и льготы, в виду окружавших опасностей. Шуша была окружена враждебными племенами; днем и ночью часто подымались тревоги.

Всех своих сыновей офицеры могли воспитывать на казенный счет в корпусах. По мере того, как мальчики подрастали, их отвозили в ученье. Ни железных дорог, ни почтовых тогда еще не было, и детей отправляли в фургоне при «оказии» и под охраной. Ехали долго, неделями.

Маленькие Ивановы поступали в корпуса, учились хорошо, но гибельно на них отзывалась перемена климата, и после трех-четырех лет ученья они умирали один за другим, кроме трех братьев. Один из них дожил до чина капитана и умер в ссылке, как политический поселенец [1]), другой дожил до «военного прокурора», а третий поступил в университет и, кончив на доктора, скончался. Но не будем забегать вперед.

Дома, в Шуше, оставались три девочки при матери, уже овдовевшей. Старшей было 17 лет, и оказалась она светской девицей, увлекалась нарядами и офицерскими балами, к ученью и книгам была равнодушна. Кончила свою юную жизнь от скоротечной формы туберкулеза. Средняя, Соня, 15-ти лет, решила следовать за братьями, т.-е. учиться. Она много читала, пользуясь отцовской библиотекой, переписывалась с уцелевшими братьями и умоляла их выручить ее из безнадежного захолустья. Студент-медик послал ей денег на дорогу; отца и матери уже не было в живых. Летом 1872 г. Соня распростилась с горным гнездом своим и в таком же фургоне, как возились кадеты, тронулась в далекий путь, мечтая о новой жизни среди книг и учащихся. Бодрая, остроумная, живо воспринимала она новые, красивые впечатления в ожидании новой жизни в Москве.

В то время одним из виднейших революционных деятелей в Москве был Ипполит Мышкин, гениальный самородок-оратор. Он глубоко верил в благо просвещения и все свои средства, заработанные тяжелым трудом, обращал в книги и их напечатанье. В Москве, на Арбате, он уже имел свою типографию и первый открыл двери женскому труду в этой области.

В это время приехали в Москву из далекого Архангельска несколько молодых девушек, дочерей ссыльных поляков, и их приятельниц искать в Москве труда и просвещения и поступили наборщицами в типографию Мышкина, уже имевшего близкие сношения с Ковaликом и Войнаральским. В типографии отведено было особое помещение для набора революционной литературы.

В поисках труда Соня Иванова сначала попала к немке-портнихе, платившей 8 руб. в месяц за 11-часовой ежедневный труд, а затем, по рекомендации квартирного хозяина, поступила наборщицей в типографию Мышкина, не подозревая, каким роковым этот шаг окажется—и скоро.

Архангельские девушки весело встретили «новенькую», участливо расспросили, и юная, симпатичная Соня, всегда находчивая и прямая, завладела их доверием.

У Мышкина уже работали нелегальную литературу: офицер Фетисов с женой, Фруза Супинская, две сестры Прушакевич, из коих одна, Елена, вышла потом замуж за Аверкиева, в свою очередь имела на революционной работе шесть дочерей и сына, убитого

[1]) Судился по процессу «50».

во время гражданской войны, Ермолаева, «тетушка» Заруднева Лариса с племянницей Лизой и еще кто-то.

Соня была не только принята, но и поставлена на работу в комнате, где набиралась нелегальная литература. Смышленая, сообразительная и начитанная—Соня скоро поняла, с какой работой она имеет дело, и не только не обеспокоилась, а, напротив, удвоила усердие свое. Дружная, бодрая компания работала весело, ни в ком и ни в чем не возбуждая подозрения. Кипы готовых листов отправлялись ящиками в Саратов в распоряжение Ковалика и Войнаральского, распределявших их по Волге.

Увы, так шло недолго. Саратов провалился, а с ним и адрес типографии Мышкина.

Работали спокойно, когда недоумевающая полиция вошла в помещение, не понимая, в чем дело. Это замешательство дало время нелегальным работникам сговориться, и до прихода жандармов было условлено никаких показаний не давать. Но вот явились жандармы, всех арестовали и рассадили по «частям». Соня знала лишь одно: показаний не давать, и на все вопросы и допросы неизменно отвечала: «Ничего не знаю, ничего не могу сказать».

Одна, без переписки и без денег, просидела она семь месяцев, когда получила письмо от брата-медика, вернувшегося после трудного лечения из Крыма. Им дали свидание, и жандармы уговаривали молодого Иванова убедить сестру дать показания.

— Мы бы ее давно отпустили на свободу, в виду ее молодости и неопытности. Пусть только ответит на вопросы.

— Сестра моя уже не маленькая, сама сознает, что делает. Я не могу насиловать ее воли.

В то же время он стал хлопотать о том, чтобы Соню выпустили на поруки. Либеральный купец Хлудов вложил деньги, и Соня свободна. Но ее ждал еще удар. Брат быстро хирел и скончался.

Снова одна, без средств и работы. Но Соня уже не та. Она уже знакома не только с жизнью бездомного и бескровного человека—уже имеет обширное знакомство среди опальных девушек и мужчин и смело берет в свои руки дальнейшую судьбу свою. Надо перебираться в Петербург, чтобы иметь свидание с братом, арестованным по делу 50-ти. Но Соня уже не смущается незнакомого большого города. Ремесло в руках имеется, и среда идейная там много шире. Значит, найдется приложение и физическим, и духовным силам.

И вот она в Питере, в самой гуще революционной молодежи. Она хорошо принята, у нее уже имеется рекомендующее ее прошлое. Соня числится за«делом» великого «хождения в народ» и в ожидании суда состоит на поруках. Но жизнь не дремлет, организация готовится к Казанской демонстрации, и вместе с подругами наша девушка шьет красное знамя, распевая своим прекрасным грудным контральто революционные песни.

Конец 1876 года. Люди постарше плотно сидели по тюрьмам, когда в Дом Предварительного Заключения привезли Соню, уже 20-летней девушкой, обвиняемой по двум преступлениям: печатанью нелегальной литературы и участии в революционной демонстрации.

Тогда впервые я с ней познакомилась. Меня удивил несколько развязно-иронический тон, с каким Соня говорила о себе, о своем участии в делах организации. Но вскоре я поняла, что это происходило от нежелания откровенности с мало ей знакомым человеком. Сближение наше пошло быстрым темпом, перейдя в крепкую дружбу.

Спокойная уверенность и прирожденное благородство С. А. действовали обаятельно положительно на всех. По делу о демонстрации ей дали Сибирь, а когда через год она судилась вместе с нами по процессу 193-х, ее приговорили по какому-то недоразумению по совокупности преступлений к ссылке в Архангельскую губернию, к большому всех удивлению. Ни единой бумаги начальству она не писала, ни с какой просьбой не обращалась, на суде держала себя с неподдельным спокойствием и всегда и везде несколько гордым видом. Никогда никакой аффектации.

Прозванная Шушкой за свое происхождение из неслыханного города Шуша, Софья Андреевна уже могла померяться опытом и стойкостью со «старыми» революционерами и от них ни в чем не отставала.

Последние три месяца перед отправкой все женщины были переведены в Литовский Замок и жили в строгом заключении, но в одном помещении. Свободно могли обмениваться условными адресами и всевозможными шифрами. С. А. Иванова, она же и Шушка и «Ваничка», говорила, что не позже, как через год, она вернется в партию на «работу». Ей можно было поверить, и она слово сдержала. Она из первых далеких ссыльных была уже в Питере следующей зимой.

Хорошо встретили Соню товарищи. Об этом она дала мне знать в далекий Баргузин. Наш большой процесс и многие малые процессы сильно разредили организационный состав революционеров испытанных в работе и в заточениях. На воле осталось немного, и ясно, что возвращение Ивановой в ряды борющихся было большой радостью для организаторов, среди которых уже тогда выдающееся место занимал Лев Тихомиров, как теоретик и литератор. Живы и сейчас немногие лица из будущих народовольцев, встретивших Соню, как равноправного сотрудника. А так как дело кипело, то она и вошла в него целиком [1]).

[1]) Год тому назад, т. е. в 1926 г., Софья Андреевна писала мне из Москвы, что занялась изложением своих воспоминаний. Ясная память и обычная точность наилучше отметят прошлые этапы, этапы ее участия в образовании партии «Народной Воли», в которой она состояла членом Исполнительного Комитета, с честью выполняя взятые на себя обязанности.

Одной из труднейших отраслей конспиративных учреждений всегда была работа и управление нелегальной типографией. Связанная множеством нитей с деятельностью партии, эта обязанность требует не только знания самого типографского дела, но и тончайшей осмотрительности и крайней конспиративности. Софья Андреевна обладала всеми этими качествами. Но она была не одна, типография нуждалась в немалом штате.

При аресте члены типографии оказали вооруженное сопротивление в то время, как хозяйка, т.-е. С. А., уничтожала хранившийся у нее архив «Народной Воли», который мог служить уликою против многих [1]).

Она уже была женою нашего блестящего товарища Александра Квятковского. После ареста стала матерью прелестного ребенка. Как и всегда, не давала никаких показаний, а когда во время суда ее муж и несколько других участников были приговорены к смертной казни, Иванова потребовала такого же приговора себе лично. Судьи же дали ей всего четыре года каторжных работ. Зато тюрьма наградила ее страшными страданиями.

В «Доме Предварительного Заключения» свидания давались в темных клетках, и посетители не могли видеть сквозь чугунную решетку лица заключенного. Долго роптали, наконец, разрешили брать с собой свечу и зажигать ее. К С. А. ходила на свидание сестра Квятковского, курсистка-медичка; она воспитывала и ребенка ее. Как уже осужденная, Иванова была одета в толстую арестантскую юбку и легкое платье поверх.

Она зажгла свечку, бросила спичку назад и не заметила, как платье вспыхнуло. Осветилась вся клетка, поднялась тревога. Надзирательница с ключами от клеток ушла в коридор, а пожар продолжался. Наконец, прибежали с ключами, и Соня выбежала, об'ятая пламенем.

Вместо того, чтобы тушить, все расступились и дали ей выбежать на двор, где она и упала. Только тогда жандарм стал набрасывать тяжелые шинели на горящую, которую жгла тлевшая суконная юбка. Семь месяцев пролежала Соня в постели, покрытая ранами, мясо отпадало клочьями, нестерпимая боль не давала заснуть, но жалоб от нее никто не слыхал. И когда в 1884 году привезли ее к нам на Кару,—тело ее сверху донизу было покрыто рубцами, точно рельефами горных хребтов. Последствия сказались в постоянной слабости ног. Ее бодрость, ее юмор остались прежними. Но и здесь не прошло без удара. Вскоре она получила известие от Юлии Квятковской о смерти ребенка, не перенесшего дифтерита. Я видела портрет и локон этого Саши Квятковского и

[1]) Там же были сведения, полученные от Клеточникова, которые могли провалить этот драгоценный для народовольцев источник их осведомленности о замыслах врагов. *Ред.*

едва верила неземной красоте. Соня только воскликнула: «Чтобы я делала, если бы ты не была со мной?!»

1886 год застал ее на поселении в Киренске, на Лене. Оторванная от России, от дел дорогой партии своей, С. А. не решалась предпринять что-либо на свой страх и окольными путями обратилась к Л. Тихомирову с запросом: будет ли своевременно возвращение в Россию и куда именно лучше направиться? Тихомиров ответил длинным письмом, которое я читала в Селенгинске, куда Соня переслала его с Н. Чарушиным. На меня оно произвело тяжелое впечатление. Тихомиров уже сожалел о своей недавней деятельности и уговаривал Иванову заняться изучением крестьянской «общины» в Сибири, утверждая, что никакая социальная работа не будет иметь успеха без этого фундамента; умолял Иванову оставаться на месте.

Добросовестная в высшей степени и строгая к себе всегда и во всем, она не брала на себя решений в вопросах, ею не изученных, и отложила свой побег до более подходящих условий. Письмо же Тихомирова возымело свое действие среди утомленных, не уверенных в себе и много содействовало их душевному разложению.

«Уж если сам Тихомиров разочаровался»...

Иванова до конца жизни своей оставалась на стороне борющихся за право и свободу и была лучшим из друзей своих единомышленников, но не в ее характере лежала сила организационного таланта, столь необходимая в годы разгрома и безвременья.

В своей бесконечно долгой ссылке она страдала от бездействия и отдалась семейной жизни с той же преданностью, с какой в юные и молодые годы отдалась борьбе за честь народа своего. Но семья и в самые тяжелые годы ссылки не мешала Софье Андреевне Ивановой-Борейшо следить за нуждами товарищей далеких; своими заботами о нас она много скрашивала суровую жизнь нашу. Для меня она всегда оставалась одним из самых близких членов революционной семьи.

В. А. Бодаев.

Н. М. Флеров и „Подготовительная группа партии Народной Воли“.

Николай Михайлович Флеров среднее образование получил в Рязани: первые четыре класса он прошел в прогимназии, а с пятого класса до восьмого включительно—в гимназии. В 1876 году, когда он из прогимназии перешёл в гимназию, я с ним и встретился. Близко сошлись мы друг с другом, сдружились в седьмом классе, и с тех пор наши братские отношения не прерывались до конца его жизни. В своем друге я встретил человека удивительной скромности: во всех случаях, когда его личный интерес сталкивался с интересом другого лица, я замечал всегда его полную готовность занять второе место. И это делалось им совершенно искренно, и искренен он был всегда и во всем, что он говорил или делал, поскольку, разумеется, искренность не влекла за собой в том или ином случае вредных последствий для дела или для третьего лица. В своих отношениях к людям он был вполне об'ективен, и личное нерасположение к кому-либо не могло влиять на его действия по отношению к этому человеку. Составив себе убеждение, он следовал ему неуклонно: его слово не расходилось с его делом. Мой друг, суровый к себе, отличался снисходительностью, отзывчивостью, сердечностью по отношению к другим. Это был надежный товарищ; заранее можно было знать, как он в том или ином случае поступит, и можно было быть уверенным, что ни при каких обстоятельствах он не окажется ниже моральных требований момента. Вообще, это была благородная, самоотверженная, высоко настроенная личность, чуждая обывательщины, житейской мелочности. Человек он был очень сдержанный, мало разговорчивый, довольно замкнутый в себе.

Окончив гимназический курс в 1880 году, мы решили поступить в Петербургский университет, на естественное отделение физико-математического факультета. Избрали мы Петербургский университет, а из его факультетов—именно естественное отделение потому,

что, по доходившим до нас сведениям, состав студенчества на этом отделении был наиболее радикальным, мы же стремились как можно скорее принять участие в революционном движении. Впоследствии, с сентября 1882 г., мы оба перешли на юридический факультет того же университета.

В первых числах сентября 1880 г. мы приехали в Петербург и поселились вместе, наняв себе комнату на Мойке, недалеко от Зимнего Дворца. Стали посещать лекции, знакомиться со студенчеством. За сентябрь месяц мы успели собрать сведения об обоих существовавших тогда революционных направлениях: народовольческом и чернопередельческом. Наши симпатии склонились на сторону партии «Народной Воли». В конце сентября или в первых числах октября мне предложили для печатания прокламации поселиться с юристом второго курса В. И. Перовым (из рязанских семинаристов). Нашли себе комнату на Гребецкой улице Петербургской стороны. В день нашего вселения вечером, как было обусловлено ранее, студент Фермор принес к нам гектографскую массу и изготовленный для оттисков текст обращения к студенчеству с призывом приступить к выработке петиции, в которой излагались бы студенческие нужды и требования и которая затем должна была быть передана управлявшему в то время министерством народного просвещения Сабурову. Изготовили несколько десятков оттисков и на следующее утро распространили их среди студентов. На нашем курсе прокламация была оглашена в аудитории студентом Львом Матвеевичем Коган-Бернштейном.

С этого дня в университете, в течение всей осени, изо дня в день происходили курсовые сходки, на которых, в горячих дебатах, вырабатывались пункты студенческих требований.

Петиции (а, может быть, об'единенная петиция, не помню) были переданы ректору А. Н. Бекетову для представления их Сабурову. Впоследствии стало известно, что они в министерстве были положены «под сукно». Протест против такого отношения власти к студенчеству выразился в резкой форме во время годичного университетского акта 8-го февраля 1881 г., когда краткими, негодующими словами, прочитанными с хор Л. М. Коган-Бернштейном, и пощечиной, нанесенной Сабурову студентом нашего курса Паппием Подбельским, было заклеймено лицемерие правительственной власти.

Во время этих повседневных сходок и прений не могли не выделиться и не обрисоваться вполне отдельные личности. При таких условиях выбрать себе подходящих товарищей было нетрудно. Образовалась группа для пропаганды в рабочей среде, в которую вошли шесть человек—товарищей по курсу: Л. М. Коган-Бернштейн, Паппий Подбельский, Попович, Перехватов, Николай и я. С ноября каждый из нас получил в свое ведение небольшой кружок рабочих. Меня ввели в мой кружок народовольцы: студент

Иван Каковский (умерший впоследствии в Петропавловской крепости) и рабочий Иван Михайлович (фамилии не помню). Начались регулярные занятия и в группе, и в рабочих кружках. Для выработки однообразных программ занятий, для обсуждения вопросов, которые могли возникать у каждого из нас в процессе нашей работы в кружках, для взаимной информации о ходе работ—наша группа собиралась раз в неделю. Для связи с Исполнительным Комитетом партии «Н. В.» или, вернее, с теми из его членов, которые руководили пропагандой и агитацией среди петербургских рабочих (А. И. Желябов, Саблин и др.), на заседания нашей группы методично, не пропуская, насколько помнится, ни одного заседания, приходила Софья Львовна Перовская. В первый раз она пришла с И. Каковским. С. Л. взяла на себя выработку программы по географии, а когда речь пошла о программе по русской истории, то С. Л. заявила, что на следующее заседание группы она приведет одного из товарищей, старого работника, занимавшегося этим предметом и хорошо с ним знакомого. Действительно, на ближайшее заседание кружка она пришла с Андреем Франжоли. Он пришел уже с готовой программой, которую и прочитал нам. Программа всем нам очень понравилась и была принята без всяких поправок.

Собрания группы происходили у кого-либо из ее членов: сначала собирались у Л. М. Коган-Бернштейна; несколько раз заседания были в нашей комнате на Моховой, в которой Николай и я поселились с декабря месяца.

Собрания нашей группы регулярно продолжались до февраля 1881 г.; в феврале они прекратились, так как двое из членов группы (Л. М. Коган-Бернштейн и Паппий Подбельский), после демонстрации 8-го февраля во время годичного университетского акта, в которой они приняли на себя главную роль,вынуждены были перейти на нелегальное положение, а затем—и Софью Львовну поглотили иные заботы, как участницу в подготовке события 1-го марта. Занятия с рабочими продолжались до конца мая, хотя и не столь регулярно, как раньше, ибо посещение рабочих кружков сделалось гораздо более затруднительным, так как после 1-го марта надзор полиции—явной и тайной—значительно усилился, хотя и до того на слабость такового нельзя было пожаловаться: не раз приходилось, отправившись часу в восьмом вечера в условленную рабочую квартиру, возвращаться обратно, не проникнув в нее, ибо около дома маячили соглядатаи.

Великим постом, по приговору университетского суда, мне и Николаю пришлось отсидеть, в числе других участников сходок, под арестом в здании университета: мне было назначено университетским судом 7 дней, с выговором, а Николаю—3 дня, тоже, кажется, с выговором.

На летние месяцы Николай уехал к своему отцу. За первые девять месяцев нашей петербургской жизни мы имели счастье встре-

чать, в качестве своих старших товарищей-руководителей в революционной деятельности, таких сильных духом, высоких по моральным качествам, самоотверженных людей, как А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Гр. Исаев, С. Златопольский, А. Франжоли, И. Каковский, Гриневицкий. С одними из них довольно редкое, с другими — даже частое общение оставило неизгладимый след в каждом из нас на всю жизнь.

Так прошел первый учебный год.

Возвратившись к сентябрю 1881 г. в Петербург (я лето провел у себя на родине—в деревне Антонове, Рыбинского уезда, Ярославской губ.), мы, насколько помнится, непосредственных занятий с рабочими не вели. Чем мы занимались первые месяцы, с уверенностью сказать не могу: кажется, дело ограничивалось поддержанием связей с революционным миром, гектографированием у себя на квартире и нерегулярным слушанием лекций некоторых профессоров.

С конца 1881 г. из более близких товарищей составилась группа, которая вступила в переговоры с Исполнительным Комитетом о принятии ее в организацию партии «Нар. Воли» на определенных условиях, как «Подготовительную группу партии Нар. Воли». Переговоры длились, вследствие затруднительности сношений (с Москвой), довольно долго, и только к весне 1882 года было получено согласие на наши условия. Приехал с этой целью из Москвы Н. П. Андреев, с которым сначала встретился я в квартире Н. М. Саловой, а затем и вся группа — в квартире художника Ярошенко.

В состав группы вошли: Н. М. Флеров, я, Л. М. Луговский, А. И. Прохоров, Ф. Ф. Ардентов (в то время—студент последнего курса Петербургской Духовной Академии) и С. С. Салазкин.

В мае последовало первое задание нашей группе: М. Ф. Грачевский предложил, чтоб один из группы поехал в Одессу, другой—в Киев, третий—на Урал (на Каслинский или Миусский завод), а остальные трое остались бы в Петербурге. В Одессу поехал Николай, в Киев—Луговский и на Урал—Прохоров. Салазкин, с согласия группы и М. Ф. Грачевского, поехал на короткое время в Касимов к своему отцу, но возвратился лишь в сентябре. Я и Ардентов остались в Петербурге. Помню, что приходилось покупать в аптекарских магазинах громадные бутыли азотной и серной кислоты для динамитной мастерской и передавать их в условленных пунктах лицам, доставлявшим их в мастерскую (напр., Клименко), при несостоявшейся же почему-либо встрече—временно хранить бутыли у себя на квартире. Хозяйка нашей квартиры и ее дочь, ученица Академии Художеств—Марья Павловна Чемоданова—были из сочувствовавших партии «Н. В.». В июне была арестована динамитная мастерская на 11-й линии В. О., были арестованы М. Ф. Грачевский, А. П. Корба, Прибылевы,

Бурцев

М. А. Юшкова, Клименко и др. В связи с этими арестами были произведены и другие аресты, между прочим — взят был и Л. Е. Луговский, член нашей «Подготовительной группы». У меня и Ардентова прекратились всякие связи с центром партии. Прекратились и деловые поручения. Ардентов уехал. Из нашей «Подготовительной группы» я остался один в Петербурге. Днем навещал того или иного из интеллигентов, а вечерами ходил в кружок рабочих или к лицам, занимавшимся в рабочих кружках.

Как-то вечером в июне проходил я по Александровскому парку, отправляясь на одно из обычных своих свиданий. С одной из садовых скамей, на которой сидели мужчина в рабочем костюме, женщина и маленький мальчик, послышался неожиданный оклик: «Дяденька!» Я обернулся и в женщине узнал жену нелегального Василия Семеновича Гусева, занимавшегося в то время по Поволжью пропагандой среди сектантов. Она познакомила меня с ее собеседником, который затем, через несколько дней, познакомил меня со своими приятелями-рабочими, образовавшими из себя небольшой кружок в четыре человека. Я стал заниматься с этим кружком. Не могу не выделить здесь выдающуюся личность одного из членов этого кружка: Павел Игнатьевич Богданов,—столяр одной из фортепианных фабрик, в квартире которого обычно собирался кружок, молодой человек лет 23-х, блондин, высокого роста, статный, с гордо поднятой головой, с решительным видом, сдержанный в своих суждениях, искренний, сердечный,—представлял из себя великолепную фигуру убежденного рабочего-революционера. Впоследствии, летом 1884 года, он доказал, что слово его не расходится с делом, когда, по предложению Николая (я в то время уже был арестован), не считаясь с тем, что у него—Павла—есть жена и ребенок, без колебаний пошел вместе с Николаем на дело, грозившее им обоим неминуемой смертью.

Из расспросов Дарьи Павловны Гусевой выяснилось, что она с сыном ведут голодное существование. Уговорились, чтобы она подыскивала дешевую квартиру, комнат из двух, в которой можно было бы поселиться ей с сыном и мне с Николаем, когда он возвратится из Одессы. Квартира из двух комнат была найдена в глубине Полозовой улицы (на Петербургской стороне), в полуподвальном этаже деревянного дома. Платили мы за нее 8 рублей в месяц. Как-то мне пришлось задержаться в Лесном и домой вернуться только рано утром на следующий день. Дарья Павловна, открывая мне дверь, сообщает: «Дяденька, приехал Вася» (ее муж).

Вхожу в комнату и вижу: со стула поднимается одетая в крестьянский костюм фигура и обращается ко мне: «Зд'авствуй, б'ат!». Оказалось, что у него ни денег, ни паспорта, приехал в Петербург в надежде, что здесь достанет необходимое. А у меня, с арестом М. Ф. Грачевского, иссяк источник, из которого, в случае необхо-

димости, я мог бы получить деньги, исчезла также возможность достать паспорт для Василия Семеновича. Я телеграфировал Салазкину, чтобы он выслал мне денег, сколько может, решив поехать с Гусевым, по получении денег, к себе на родину, в деревню Антоново Рыбинского уезда Ярославской губернии. Получив от Салазкина 100 рублей и уговорив одного из товарищей-студентов, остававшегося на лето в Петербурге, взять для себя из университета свидетельство о личности, я с Гусевым, превратившимся в Александра Павловича Куминова, направился к себе на родину. В начале сентября мы возвратились в Петербург; приехали Николай и А. И. Прохоров. Я с Николаем заняли одну комнату, а другую—Дарья Павловна с мужем и сыном.

Однажды вечером, придя домой, Николай говорит мне:

— Предлагают, чтоб кто-нибудь из нас двоих поехал в Минск.

— Зачем?

— Цель поездки—ориентироваться в вопросе о возможности организовать транспорт заграничных изданий. Кроме того, говорят, что между нелегальным [1]), который там живет, и местным кружком происходят какие-то трения. Так вот—просят попытаться уладить их взаимные отношения.

Я находил, что целесообразнее с'ездить Николаю: он сдержаннее и мягче меня. Николай согласился.

Пользуясь случаем, он должен был попытаться там, нельзя ли чрез посредство Минской организации получить небольшой печатный станок и шрифт или, по крайней мере, литографский камень для подпольного рабочего органа, который мы считали необходимым издавать.

Николай уехал. Дней через десять возвратился. Поездкой остался доволен: принят был обеими сторонами радушно, недоразумения удалось сгладить. Привез с собой несколько печатей, паспортных бланков, выписок из паспортов с оттисками подлинных подписей на них, печатей волостных правлений и мещанских управ. Мы завели у себя паспортное бюро, и первый паспорт, какой мы сообща изготовили, получил от нас В. С. Гусев.

За время своего пребывания в нашей квартире В. С. Гусев обучил нас шитью ботинок, а также серебрению и никкелированию при помощи гальванического тока, чем мы в свободное время и стали заниматься. Гусев был старше нас, принадлежа к поколению семидесятников. Окончив Гатчинский институт, он не пошел в университет, а поступил на завод, где в течение нескольких лет из него выработался превосходный слесарь. Связей в петербургской рабочей среде у него было очень много. После 1-го марта 1881 г., отказавшись принять присягу Александру III, он вынужден был, для избежания преследования, перейти на нелегальное положение

[1]) М. Овчинников («дед»).

и скрыться из Петербурга. Специальностью своей он избрал пропаганду среди сектантов.

Снабженный нами паспортом и некоторой суммой денег на дорогу, он уехал в Поволжские города. Через несколько месяцев он был арестован в Астрахани.

Время дегаевщины было гнетущим периодом в жизни петербургского революционера. Казалось, сами стены подслушивают и сообщают в охранное отделение о конспиративных действиях и проектах.

Чтоб, насколько возможно, законспирировать себя и те кружки и отдельных лиц, которые были связаны со мною и Николаем, мы обособили себя от других организаций и никому никаких сведений не сообщали о том, что делается в наших рабочих кружках.

Помню, Николай вел переписку (очень, впрочем, редкую) с Парижем (со Львом Тихомировым и Воскресенским) [2]). Переписка шла при содействии секретаря газеты «Новости» Грекова.

Осенью приехал в Петербург Комарницкий, в качестве представителя партии «Народной Воли», с которым мы (т. е. Николай и я) имели непосредственные сношения. Но Комарницкий зимою вынужден был скрыться из Петербурга, так как, по его словам, Судейкин вызвал его к себе и предложил ему прекратить революционную деятельность, грозя иначе сурово разделаться с ним и предупреждая его, чтоб он не пытался скрыться из Петербурга, так как дальше вокзала ему-де все равно не удастся уехать. С нашей помощью Комарницкий был вывезен из города до первой большой станции (кажется, Колпино), где он сел в поезд и уехал в Москву; но вскоре в Москве он был арестован.

В 1883 году, а, может быть, в конце 1882 года, Николай и я вели переговоры о снабжении нас литографским камнем и станком для издания рабочей газеты с некиим Янчевским, нелегальным, приезжавшим в Петербург из Варшавы от партии «Пролетариат». Попытки эти ни к чему не привели: завести свою небольшую литографию нам так-таки и не удалось.

В этот период к нам двоим присоединился новый товарищ—в лице Ивана Ивановича Попова.

В нашей рабочей организации мы представляли из себя центр. Организация все более и более расширялась. Связей у нас было много и притом очень разнообразных. Провалов не было, так как дело велось с большой осторожностью, с соблюдением строгой конспирации. Николай и я жили, можно сказать, отшельниками: к нам на квартиру приходили только двое: В. А. Щулепникова и А. И. Прохоров; раза два был Салазкин. Других посетителей не было. Не ходили мы ни в театры, ни на вечеринки. Знакомства заводили исключительно деловые, и притом всегда под вымышленными именами.

[2]) Феофан Крылов.

С начала 1884 года возникла мысль образовать новую партию: «Партию Молодой Народной Воли». В числе организаторов припоминаю: П. Ф. Якубовича, Овчинникова, И. И. Попова, Николая, себя, Ф. Олесинова и А. И. Прохорова.

Готовился выпуск первого номера подпольной газеты новой партии. На одном из заседаний П. Ф. Якубович представил проект передовицы, который, быть может, с некоторыми поправками, был нами одобрен. В кружке шла речь о необходимости для новой партии каким-нибудь крупным террористическим актом ознаменовать свое выступление на политическую арену. Намечались и лица, которых надлежало уничтожить, и—прежде всего—министра внутренних дел Дмитрия Андреевича Толстого.

Приехали из Парижа, как представители партии «Народной Воли», Герман Александрович Лопатин и Неонила Михайловна Салова. Между Г. А. Лопатиным и Н. М. Саловой, с одной стороны, и назревавшей новой организацией «Партией Молодой Народной Воли», с другой, начались переговоры о слиянии, но переговоры эти до дня моего ареста к благоприятному результату не привели. В переговорах со стороны «Молодой Народной Воли» принимали участие П. Ф. Якубович, Овчинников и—отчасти—Николай. Николай говорил мне впоследствии, когда лет через шесть мы встретились друг с другом, что причина обостренных отношений, какие тогда возникли между этими двумя организациями, лежала отчасти в нервности и, пожалуй, некотором самолюбии П. Ф. Якубовича, а главным образом в неправильном информировании нашей организации Овчинниковым о тех требованиях, какие будто бы пред'являли к нашей организации Лопатин и Салова, и о том тоне, в каком они, по его словам, вели переговоры. Николай, познакомившись с Г. А. Лопатиным (уже после моего ареста) лично, нашел в нем прекрасного товарища и близко сошелся с ним.

Я был арестован в ночь на 3-е апреля 1884 года. Николай был арестован 18 июля того же года в Москве [3]).

Хотя мы жили с ним на одной квартире и должны бы были быть арестованы одновременно, но более поздний арест его об'ясняется тем, что недели за две—за три до моего ареста он перешел на нелегальное положение, и я его выписал, как временно выехавшего из Петербурга. Встречались мы друг с другом чуть не ежедневно. Грустно мне было остаться одному. Одиноко чувствовал себя на первое время и Николай в его новом положении. Не раз он начинал говорить со мною на тему о том, как бы было хорошо, если бы я тоже перешел на нелегальное положение: «Ведь, все равно—не сегодня—завтра тебя арестуют»,—говорил он. Я находил, что серьезных улик против нас нет, иначе мы давно уже были бы

[3]) Николай в течение нескольких месяцев содержался в Петропавловской крепости, а затем был переведен в Дом Предв рительного Заключения, где и пробыл до дня его высылки в Березов (22 января 1886 г.).

арестованы, а потому переходить на нелегальное положение считал нецелесообразным.

Более шести лет прошло с этого момента. Я пробыл в Доме Предварительного Заключения год и четыре месяца (освобожден был из заключения 3-го августа 1885 г.), был отдан под гласный надзор полиции на пять лет, отбыл солдатчину в Ташкенте. Николай на 5 лет был административно выслан в Березов под гласный же надзор полиции.

Возвращаясь из Березова по отбытии пятилетней административной ссылки, Николай заехал ко мне в Рязань. С меня в то время также был уже снят гласный полицейский надзор. Пробыл он у меня несколько дней. Тут Николай, между прочим, рассказал мне подробности подготовления террористического акта в отношении мин. вн. дел Д. А. Толстого.

Акт предполагалось совершить от имени партии «Молодой Народной Воли». Николай принял на себя организацию и непосредственное участие в акте. Остановились на том, что участников должно быть двое, при чем один—из рабочей среды. Этими двоими были: Николай и Павел Игнатьевич Богданов, состоявший членом моего рабочего кружка. Один был вооружен револьвером, другой—отравленным кинжалом. Написано было прошение на имя министра вн. дел о разрешении издавать газету. В прошении Павел фигурировал в качестве издателя, а Николай—редактора. Оба, конечно, под вымышленными именами. В один из дней, назначенных у министра для личного приема просителей, Николай и Павел явились в приемную министра. Пришлось довольно долго ждать. Наконец, начался прием, но... вместо министра вышел один из его ближайших сотрудников, заявивший, что министр, вследствие болезни, лично принимать не будет и что прошения примет он, по уполномочию министра. Прошение пришлось подать. Николай передавал, что, когда он с Павлом вышли на улицу,—нервное напряжение, какое им обоим только-что пришлось пережить, вылилось у Павла в бурной форме: Павел по адресу министра разразился отчаянной бранью, шел и ругался и столь громко, что Николай стал опасаться, что их могут арестовать. Больших усилий стоило Николаю успокоить Павла.

Этому факту в жизни Николая посвящено было П. Ф. Якубовичем особое стихотворение.

Сообщил **Б. Н—ский.**

Из народовольческих воспоминаний С. А. Иванова.

(Предисловие)

В литературе известно несколько отрывков из воспоминаний умершего в 1927 году народовольца—«шлиссельбуржца» С. А. Иванова [1]). Эти отрывки охватывают только очень немногие моменты из бурного революционного прошлого этого политического деятеля, жизнь которого автор одной из статей о нем, сам романист, с полным правом назвал «увлекательным романом с приключениями» [2]). Но и по этим немногим отрывкам достаточно ясно видно, какими интересными были бы его мемуары, если бы он собрался их написать полностью. Его многие уговаривали приняться за эту работу, и в последний период своей жизни он на подобные уговоры поддался и, кажется, даже подписал соответствующий договор с одним английским издательством [3]). Но это было уже совсем незадолго до его смерти, написать их,—быть может, даже начать работу над ними,—он, конечно, уже не смог. Историку придется обойтись без них...

Печатаемые ниже документы примыкают к уже известным в печати отрывкам из воспоминаний С. А. Иванова, существенно дополняя наши сведения о его деятельности в рядах партии «Народной Воли». Происхождение этих документов ясно из их текста: они написаны в Шлиссельбургской крепости в самом начале 1900-х гг. в форме писем к тогда только-что в эту тюрьму пришедшему П. Вл. Карповичу [4]). Последний был первым представителем мо-

[1]) А именно: «Из воспоминаний о 1881 годе» («Былое, № 4 за 1906г.); «Возникновение и падение Дурноселовки» (там же, № 6 за 1906 г.) и «К характеристике настроений в России в начале 80-х г.г.» (там же, № 9 за 1907 г.). Умер С. А. Иванов 12 февраля 1927 г. в Париже от разрыва сердца.

[2]) М. А. Алданов: «Памяти С. А. Иванова» в «Современных Записках» (Париж), т. 32, стр. 387.

[3]) По крайней мере, сообщение об этом имеется в статье В. Буниной: «Памяти С. А. Иванова» («Возрождение» от 19 февраля 1927 г.).

[4]) В Шлиссельбург П. В. Карпович был доставлен 30 апреля 1901 г. (см. примечания Р. М. Кантора к запискам В. С. Панкратова: «Жизнь в Шлиссельбургской крепости», изд. «Былое», 1922 г., стр. 129).

лодого поколения революционеров, принесшим вести о новой волне революционного движения людям, ушедшим от жизни за 20 и больше лет перед тем. Последние жили с 1887—88 гг. без притока свежих людей, без получения свежих известий. Невольно у них зарождалось сомнение,—есть ли продолжатели их дела на воле: «Мы ждали смены, ждали новых, молодых товарищей; но тщетно,—смены не было и не было»,—так характеризует В. Н. Фигнер свое и своих товарищей тогдашнее настроение. Естественно, что появление первого представителя молодого поколения революционеров,—«высокого, стройного», который с улыбкой на губах и приветливо махая шляпой по направлению к окнам камер стариков, вошел во двор старой мрачной крепости, явилось для последних «источником живительной радости» [5]). Он ознакомил их с народившейся за эти десятилетия новой Россией, со взглядами и делами нового революционного поколения. «Можно сказать,—пишет другой шлиссельбуржец,—что в течение 3 месяцев у нас издавалась свободная политическая газета, дававшая отчет о недавних событиях. Карпович, одаренный удивительной памятью, передавал программы партий, резолюции с'ездов, воспроизводил содержание нелегальных изданий и знакомил с интересными литературными произведениями» [6]).

Но за свои щедрые рассказы Карпович требовал рассказов и от «стариков»,—о том героическом прошлом движения, активными участниками которого они были, об их тогдашних настроениях и взглядах, вступая нередко в споры с ними относительно этих последних. Из одного такого спора и выросли печатаемые ниже письма С. А. Иванова.

Из текста первого письма ясно, что толчком к его написанию явилось наметившееся между Карповичем и Ивановым расхождение по вопросу о значении либерального движения и об отношении к нему революционеров. Спор на эту тему вначале велся путем перестукивания через стену, но подобный способ беседы был труден: новичок Карпович не умел так легко стучать и читать по стуку, как это научились делать старожилы Шлиссельбурга,—и тогда С. А. Иванов решил изложить свои взгляды на бумаге. Этому счастливому случаю мы обязаны тем, что был написан печатаемый ниже документ,—несомненно очень ценный для понимания политических взглядов не только С. А. Иванова. Последний, судя по имеющимся о нем отзывам в литературе (напомним хотя бы недавний отзыв Л. А. Тихомирова), совсем не принадлежал к числу людей, самостоятельно ставящих и решающих большие политические вопросы. Вопрос же, поставленный им в этом письме,—о вовлечении неопределенно-либеральных элементов русского об-

[5]) В. Н. Фигнер: «Когда часы жизни остановились», стр. 163, 165, 166.
[6]) М. Ю. Ашенбреннер: «Военная организация Народной Воли и др. воспоминания», изд. о-ва быв. политич. каторжан, Москва, 1924 г., стр. 148.

щества в политическую борьбу с самодержавием (о характере его *решения* С. А. Ивановым я сейчас не говорю), принадлежит к числу основных политических проблем, над решением которых на рубеже XX века ломали головы многие из виднейших революционеров (напомню, что его ставили и решения его по-своему искали Плеханов, Аксельрод, Ленин). И решение, которое дал на него С. А. Иванов, совсем не принадлежит к числу обычных для тех революционных кругов, в которых он вращался: среди народовольцев было немало людей, по взглядам стоявших довольно близко к либералам, но из них едва ли многие *политически* подходили к вопросу об использовании либеральных элементов для общей борьбы против самодержавия. А С. А. Иванов к нему подходит именно политически и притом из текста последующих писем—из рассказа о том, что он предполагал тогда делать—видно, что в этом подходе он действительно отражает свои настроения 1883 года.

Тем интереснее проследить воздействия, под влиянием которых у С. А. Иванова складывались подобные взгляды.

Ключ для такого рода поисков дает сам С. А. Иванов, когда в одном из печатаемых ниже писем бросает замечание, что «мысли эти у меня зародились в силу различных влияний и обстоятельств уже давно, еще в 1880 году, во время моего пребывания в Архангельской губернии» (письмо 6-е). Ссылку в 1880 году С. А. Иванов отбывал в Шенкурске, при чем в числе его товарищей по вынужденной жизни в этом городке был П. Г. Зайчневский [7]),—один из наиболее интересных и своеобразных представителей революционного движения 60-х г.г., не случайно привлекающий к себе такое пристальное внимание современных историков. В революционном движении 70—80 г.г. он активного участия не принимал, стоя несколько в стороне от его главного русла, но воздействовать на окружающих, особенно на молодежь, в духе своих взглядов он никогда не уставал. Подробностей об этом воздействии и об отличительных особенностях его взглядов мы знаем, по существу, очень мало,—в лице С. А. Иванова из жизни ушел еще один из тех уже очень немногих, которые могли дать интересные по этому вопросу показания. Но поскольку мы знаем об особенностях взглядов Зайчневского, постольку мы знаем, что к их числу принадлежало и признание большого значения за воздействием революционеров на либерально-оппозиционные слои общества. Н. С. Русанов, один из очень немногих мемуаристов, давший нам рассказы о Зайчневском, передавая о революционной деятельности Зайчневского в Орле середины 70-х годов, так характеризует интересную сейчас для нас ее сторону: «Зайчневский полагал, что работа среди общества необходима, чтобы окружить самое же революционную

[7]) Об их совместном пребывании в Шенкурске см. «Записки землевольца» К. Котова (Гос. изд. Украины, Кременчуг, 1925 г., стр. 107 и сл.).

интеллигенцию знающими и питающими ее слоями «сочувствующих» из привилегированных классов. Лозунг борьбы за конституцию казался ему, повидимому, не противоречащим задачам политического переворота. Конституционное брожение в обществе могло, по его мнению, только помочь захвату власти революционерами» [8]).— Не узнать сходства этих мыслей с теми, которые развивает С. А. Иванов в печатаемых ниже письмах к Карповичу, конечно, невозможно, а следовательно, в известной мере ясным становится и происхождение всех тактических построений Иванова и даже развиваемого им конкретного плана организации непартийного нелегального журнала: некоторые конкретные связи, использовать которые для этого дела собирался Иванов, ведут прямо к Зайчневскому и к шенкурской ссылке. Сам Иванов указывает, что одним из главных работников по литературной части для этого журнала должен был явиться Приклонский, под влиянием воздействия Зайчневского вообще пошедший в сочувствовавшую революционерам среду,—адрес его и рекомендацию к нему Иванов получил от Зайчневского. Очень похоже, что и денежные средства на издание журнала должен был дать К. Котов,—товарищ Зайчневского и Иванова по ссылке в Шенкурск (см. примечание 25-е к письмам Иванова).

Из этого, конечно, не следует делать вывода, что Зайчневский ответственен за все, что имеется в *мотивировочной* части тактических построений Иванова,—этому противоречит ряд других показаний о Зайчневском; но большое влияние Зайчневского на то *основное*, что в планах Иванова имелось, мне думается, отрицать невозможно. А если так, то печатаемые письма приобретают несколько неожиданный интерес и с этой точки зрения,—под углом изучения биографии Зайчневского.

Остальные письма С. А. Иванова носят совершенно иной характер,—они посвящены не изложению и защите каких либо политических взглядов, а рассказу о том, как автор пытался в духе своих взглядов действовать. Рассказ этот, к сожалению, не закончен, установить, были ли еще и дальнейшие письма, или переписка прервалась на печатаемом седьмом, не удалось; в частности, читатель так и не узнает, почему потерпела крушение попытка С. А. Иванова поставить нелегальный журнал намеченного им типа (в литературе об этой попытке вообще не имеется никаких сведений),—но и в своем незаконченном виде этот рассказ несомненно представляет интерес для истории последних лет деятельности «Народной Воли»: он говорит о моментах, слабо освещенных в литературе, и дает немало весьма интересных деталей.

При составлении комментариев к этим письмам я не давал биографических сведений об упоминаемых С. А. Ивановым деятелях

[8]) Н. С. Русанов: «Из моих воспоминаний» (Берлин, изд. З. И. Гржебина, 1923 г.), стр. 123—124.

народовольческого периода, — нашим читателям фигуры этих деятелей, конечно, хорошо известны. Свою задачу комментатора я свел только к пояснению некоторых, оставшихся в изложении Иванова неясными, мест и к раскрытию некоторых неназванных или названных одними инициалами лиц. К сожалению, подобное раскрытие не всюду оказалось возможным... В комментарии же я вынес все реплики и замечания, которые были сделаны на письмах С. А. Иванова их читателями,—В. П. Карповичем и В. Н. Фигнер.

Оригиналы писем С. А. Иванова хранятся в русском социал-демократическом архиве в Берлине, куда они были переданы еще до войны,—повидимому, М. В. Новорусским (точных указаний в архивных записях не имеется). Основная работа по расшифровке их,—работа очень трудная, так как, писанные простым карандашом на плохой бумаге, письма эти во многих местах стерлись и нелегко поддаются прочтению—произведена Г. М. Вязменским, хранителем указанного архива в течение первых лет его существования. Мелкие грамматические ошибки и синтаксические несогласованности, вполне понятные в той обстановке, в какой письма писались, мною для печати сглажены.

Письма С. А. Иванова к П. Вл. Карповичу.

I.

Дорогой Петр Владимирович!

Отвечу вам тоже письменно, п. ч. стуком, действительно, трудно договориться до чего-либо и вполне понять друг друга.

Принимаю выставленное вами положение—«революционные организации должны сплотить вокруг себя все оппозиционные элементы»—за исходный пункт дальнейших рассуждений.

В чем же состоит обыкновенно эта работа, в смысле сплочения вокруг революционной организации элементов оппозиции? Прежде всего в том, что она старается привлечь в свои непосредственные ряды все подходящие для этого отдельные единицы, что, конечно, вполне естественно. Но de facto это является вовсе не каким-либо сплочением, а простым набором в революционный кадр наиболее активных и решительных людей. Число их всегда было да, нужно помнить, и будет в ближайшем будущем не особенно значительно. Часть не пристанет к чисто революционной и особенно боевой деятельности, потому что принципиально и вполне искренно относится отрицательно ко всяким революционным фракциям. Другие останутся в стороне «страха ради иудейского»: оппозиция прави-

тельству, даже нелегальная, и деятельность чисто революционная далеко не одно и то же в смысле личной безопасности, и часто рискнувший возможностью посидеть в тюрьме или прокатиться куда-нибудь административным порядком не рискнет перед перспективой каторги или виселицы. С этим считаются подчас действующие революционеры, одни откровенно, другие в замаскированной форме; ну, а первым уже и бог простит. Вообще, брать от людей только то, что они могут дать, и не пред'являть к ним бесплодно повышенные требования,—это, мне кажется, единственный целесообразный практический прием, о котором, к сожалению, слишком часто забывают. Не пристанут, наконец, к прямо революционному делу, и не из боязни, а в силу разных житейских обстоятельств: семейных, материальных и т. п.—некоторые отдельные лица, революционеры по своим взглядам, темпераменту и готовности действовать. В силу подобных условий отходят нередко от дела даже действующие уже революционеры, так что все эти случаи вовсе не представляются лишь какой-либо отвлеченной возможностью, а являются реальным фактом прошлого. Таким образом, все эти категории «оппозиционных элементов» (выражение не совсем удачное, но я уж буду его придерживаться) останутся не при чем, не сплоченные никем и ничем. В лучшем случае часть их очутится в ряду так называемых «сочувствующих», которых революционеры будут эксплоатировать так или иначе по мелочам. Участь этих «сочувствующих», за немногими исключениями (за исключением тех, которые остаются таковыми до скончания своих дней), фатальна. Положение в роли дойных коров, из которых революционеры выдаивают время от времени по несколько капель молока в виде то 25-рублевой ассигнации, то адреса для письма и т. п., с одной стороны, становится просто обидным (и психологически это вполне понятно), с другой—не дает никакого удовлетворения на те пониженные, но все же идейные запросы, которыми они еще живут. Если-б этим людям предложить какое-нибудь посильное для них дело, многие или, по крайней мере, некоторые из них, наверное, взялись бы за него, а затем самый процесс работы поддерживал бы интерес к ней и послужил бы стимулом для дальнейшего ее развития. За отсутствием такого дела, эти люди отходят все более и более в сторону; с изменением личного состава революционной организации затериваются мало-по-малу и затягиваются в русло обыденной жизни, не связанные между собой никаким живым интересом и практическим делом. Все это явление настолько обыденное, знакомое всем и каждому, что о наличности самого факта и говорить нечего. Можно расходиться только в оценке и об'яснении его, т.-е. относить или не относить все это исключительно на счет несовершенства, дряблости и слабости самих этих людей. Но об этом после.

Из всего этого, мне кажется, можно сделать лишь следующий вывод: сплочение всех оппозиционных элементов или хотя бы

только значительной части их около революционной организации в целях революционно-боевых есть чистая утопия, задача непосильная и недостижимая, потому что по существу дела видно, что вопрос идет о претворении всех этих элементов в революционную армию, а, за невозможностью этого, получается то, что они совершенно сходят со сцены, пропадая бесполезно и не подымая даже в обществе оппозиционных чувств и идей.

Мне кажется, что вы сами как-будто приходите к такому же выводу (невозможности такого сплочения), потому что ставите вопрос: желательно ли и возможно ли создавать наряду с собой другую организацию, ответив сейчас же на то и другое отрицательно.

Обратимся сначала к вопросу о «желательности».

Я не знаю ваших соображений, говорящих против возникновения подобных попутных и союзных нам организаций; представляю себе только одно, которое обыкновенно и делается, а именно, что такие предприятия будут отвлекать от революционной деятельности кое-кого из тех, кто мог бы примкнуть к ней. Но возражение это падает само собой, потому что дело идет о группировке лишь тех самых людей, которые по разным, перечисленным раньше, причинам не могли быть привлечены к непосредственному революционному делу. Про единичные же возможные исключения, конечно, нечего говорить при общей постановке вопроса. А помимо этого возражения, все и вся настойчиво твердит в пользу не только желательности, но и необходимости возникновения подобных групп и организаций и самого широкого развития их. Странно даже и доказывать пользу иметь союзников в борьбе с самодержавием и бюрократическим произволом, даже и при отсутствии полного единомыслия, если первые поставленные цели являются у нас с ними общими. Отвлекать внимание и силы противника в разные пункты, это одно из первых правил боевой тактики. Я уже не говорю о той громадной воспитательной роли, которую подобные группы и организации могут сыграть в деле пробуждения и общественного развития России. Я думаю, что мы, революционеры, должны встречать с радостью все явления подобного рода и приветствовать всякую оппозицию правительству, особенно мало-мальски организованную, в какой бы форме она ни выливалась, хотя бы даже в оболочках клерикальной партии, дворцовых конфликтов и т. п. Говоря это, я имею в виду именно современное, т.-е. реакционное правительство. Все, что доставляет затруднения врагу, отвлекает его внимание в разные стороны, в результате всегда ослабляет его энергию и силу сопротивления и идет нам на пользу. Нужно принять еще во внимание, что все подобные организации уже в силу своего нелегального существования имеют неизбежную тенденцию постепенно революционизироваться до известных пределов, а это еще более сближает их с нашим делом. Можно было бы сказать очень многое в пользу дебатируемого вопроса, но для этого пришлось бы

писать целую статью. Для меня, по крайней мере, он так ясен, желательность подобной общественной группировки, в противовес высказанному вами мнению, до того очевидна, что я не буду более распространяться об этом. Перейду к последнему пункту, т.-е. о возможности такой группировки, и в этом заключается, собственно говоря, суть дела с практической точки зрения, впрочем, только для меня, а не для вас, раз вы, в силу разных соображений, отрицаете самую пользу и желательность таких явлений. Первое делаемое возражение—это низкий уровень тех индивидуальных качеств, которые необходимы для возникновения и успешного развития подобных общественных явлений. Ваше мнение насчет этого мне, кажется, хорошо известно, и оно вполне отрицательно. Тот культурный строй, который почти один только может выдвинуть личный состав для таких групповых организаций, осужден вами бесповоротно, и из этого «Назарета» вы не ожидаете ничего доброго. Со своей стороны я вовсе не желаю идеализировать наши культурные верхи. Инертность их, пришибленность, отсутствие инициативы, склонность больше говорить и печаловаться, чем действовать,—всем этим они достаточно богаты. Замечу только, что все это вообще грехи русского человека, независимо от принадлежности его к тому или иному общественному слою, с тою только разницей, что «некультурный» человек о вопросах политики много не болтает и не печалится, потому что он их не понимает. Правда, так назыв. «простой» человек (из некультурных слоев) проявляет широко большую решительность к действию, к чему он приходит, однако, под давлением лишь крайней экономической необходимости, а не во имя политического самосознания. Тут мы сходимся с вами и не возлагаем много надежд на такие взрывы, не рассчитываем, как бунтари прошлого времени, что от них загорится пожар массовой революции на почве неудовлетворенных экономических потребностей. Мы признаем с вами необходимость предварительной борьбы за политическое освобождение, вовлечь в которую в данное время массы ни вы, ни я не надеемся. Далее, мы сходимся на мысли о необходимости групповой революционной борьбы, с тою только разницей, что вы считаете при этом достаточным опереться на небольшое еще сравнительно число идейно уже подготовленных рабочих, я же не считаю эту опору достаточно сильною. Если бы и набралось даже несколько тысяч рабочих, которых можно было бы вывести во всякое время на улицу, все это недостаточно сильный союзник для революционной организации для того, чтобы сломить сопротивление правительства. Уличная борьба в тех ограниченных размерах, в которых она мыслима в настоящую минуту, может иметь лишь воспитательное значение для рабочих, угрожающее для правительства, но не решающее в смысле победы. Не забывайте, что и возродившаяся революционная организация, о которой мы говорим, есть не совершившийся уже факт, а рисуется только in

spe (в надежде). Но если наши чаяния и свершатся, все же положение ее будет вовсе не то, в котором находилась ее предшественница конца 70-х и начала 80-х годов. Впечатление от копии, как бы совершенна она ни была, всегда будет слабее, чем впечатление от оригинала. Новое нападение не застанет правительства, как прежде, врасплох, с преувеличенным мнением о силах противника, не поразит его своей неожиданностью. При этом правительство будет во всеоружии старого опыта и своей силы, несомненно возросшей. Новая же формация революционеров не наследует по обыкновению почти ничего из опыта своих предшественников и должна будет приобретать его на поле действия, т.-е. с большими потерями. Но, ведь, и помимо этого нужно еще дождаться, чтобы сорганизовались такие большие группы, с наличностью хотя бы таких сил, которые были ранее. В прошлом они подготовлялись несколькими годами довольно широкой пропаганды и агитации, более богатою и количественно, и качественно, чем теперь, нелегальной литературой (о качестве современной я сужу по вашим словам), наконец, отзвуками еще движения эпохи великих реформ и целою плеядой крупных талантов в передовой периодической печати. Современное положение, мне кажется, не так благоприятно. Вы хотите вырыть глубокое русло для сильного революционного потока и как-будто надеетесь, что оно наполнится само собой. А по-моему, нужно позаботиться также и о том, чтобы свести в это русло все ручейки живой воды, бегущие вразброд по обширной русской равнине, а не то— русло-то вы выроете, но воды в нем окажется мало для стремительного потока. Задача эта, конечно, не легкая, и весьма вероятно, что дело не сразу пойдет в ход, будут и неизбежные неудачи, особенно в начале; но где их не бывает?—и рано или поздно, но необходимо будет сделать почин этой работы. Перебирая все элементы, которыми революционная партия может воспользоваться, я не могу вычеркнуть из числа их слой культурной оппозиции только потому, что мы не можем ассимилировать их вполне с собой, не могу тоже согласиться, что они находятся в состоянии полной прострации. Несомненно, что все более активное, наделенное инициативой и готовностью самопожертвования, уходит в революцию, но именно поэтому нельзя быть слишком строгим к оставшейся части, и необходимо взять на себя почин в деле ее сплочения и привлечения к какому-нибудь практическому делу. Если же революционная организация, собирающаяся открыть против правительства большой поход, не в состоянии выделить для этого из своих рядов даже несколько человек, это докажет только ее относительную слабость, а, следовательно, и проблематичность ее дальнейшего успеха. По моему мнению, подобное возражение совершенно призрачно. Ведь дело идет только о 2—3 человеках, которые должны сыграть роль фермента в застоявшейся среде. Сколько сотен бывших ссыльных проживают по всем весям и градам России, и многие из них, конечно,

сохранили облик идейного человека и революционера. По вашим словам, близкое участие в непосредственной революционной деятельности для них почти невозможно, что вполне естественно, раз только они не обратятся в профессиональных «нелегальных». А потому, мне кажется, просто сама судьба подготовила их для той работы, о которой я говорю. Недостатка в людях быть, следовательно, не может даже в первое время начинаний.

Остается выяснить еще одно. Какое же практическое дело мыслимо на первых порах для подобной организации? Из непрекрасного далека трудно намечать какие-либо практические вопросы и задачи, которые прямо зависят от условий места и времени и от насущной злобы дня. Но и момимо этого, по моему мнению, имеется налицо уже много и много лет одна неотложная задача, доминирующая перед всеми другими. Я имею в виду организацию периодических газет, которая уже явится органом общественной оппозиции, разумеется, нелегального*). Этот вопрос не раз поднимался либеральными компаниями, которые обращались для этого за помощью к революционерам, но не встретили у нас никакого сочувствия. Странное дело. Одно из сильнейших орудий всякой агитации—печать (нелегальная, конечно) играет у нас очень мизерную роль. Наши революционные органы (газеты) почти все исключительно являлись, по меткому выражению Спасовича, лишь «Сенатскими ведомостями партии» [1]), т.-е. не носили почти никакого общественного характера. В России есть немало недовольных, резко оппозиционных правительству элементов, но им негде высказаться публично. В России чуть не каждый день совершаются возмутительные инциденты, но и сотая доля их не имеет возможности попасть в легальную печать. Люди оппозиции, не имея почти возможности собраться для обмена мнений, не могут сделать это и печатным образом. Легальная пресса может лишь в узких пределах позволить себе критику общей системы или отдельных ее мероприятий. Словом, материала для такого органа,—материала живого, обще-интересного, агитационного,—гора имеется, и, за редкими исключениями, (он) лежит и пропадает мертвым капиталом для революционных целей. А для обработки этого материала, для участия в таком органе имеются бойкие перья и умные ученые головы русских радикальных литераторов и еще многих других, могущих сделаться таковыми в целях такого органа. Что недостатка в подобных силах не будет, это несомненно; необходимо только, чтобы революционеры взяли на себя, хотя бы только для начала, практическую и в особенности техническую постановку дела. За деньгами недостатка тоже не будет.

Мне кажется, что появление такого органа сыграло бы роль поворотного пункта в истории русской оппозиции, а влияние его на дальнейшее развитие и организацию этой оппозиции было бы

*) Так в оригинале. *Б. Н.*

громадно. В качестве агитационного средства он сильно всполошил бы русскую общественную жизнь, а для революционеров окупил бы сторицей ту затрату сил, которую нужно для него сделать.

Подобный орган—это моя давнишняя idee fixe (заветная мысль), и был момент, когда я приступил уже к подобного рода попытке. Ну, да это другая статья, а пока нужно кончать. То, что я пишу теперь, это только остов, да и то неполный, некоторых моих мыслей по данному вопросу, а чтобы развить их, понадобилась бы целая статья. Кое-что из моих мыслей вы все же узнаете.

Будьте здоровы.

С. И.

II.

. . . . . *)

Время моего возвращения в Россию, совпавшее с появлением на революционной арене Дегаева в его заключительной роли, было, таким образом, вообще очень неблагоприятно[2]). В частности же Петербург, куда я прямо направился по старой памяти, оказался, несмотря на свое славное прошлое, самым неудобным пунктом из всех больших городов, где только можно было основаться. Дело в том, что петербургская организация уже шла на убыль, вернее сказать,—к полному упадку. Главная квартира революции еще в конце 81 года была перенесена из Петербурга в Москву, а затем уже остатки ее переселились на юг. Петербургские же дела и предприятия немного оживились только весною 82 года, когда там основался Грачевский, но не надолго, а после ареста его и К° петербургская организация уже не поднималась, настолько по крайней мере, чтобы соответствовать этому названию. С первого взгляда это может показаться странным. Петербург с его массою интеллигентных сил, учащейся молодежью, с его обилием всевозможных связей или, по крайней мере, с возможностью приобрести их,—и упадок революционного дела (в то время, когда еще не началась общественная реакция конца 80-х г.г.), кажутся с первого взгляда двумя несовместимыми явлениями. А между тем, именно это богатство разнообразного революционного материала являлось отчасти причиной царившей там дезорганизации. Для того, чтобы воспользоваться всем имевшимся налицо материалом, чтобы привести его в порядок, необходимо было существование там сплоченной, хорошо спевшейся центральной группы. Один—два даже способных организатора потерялись бы в массе человеческих лиц, с которыми пришлось бы иметь дело, прежде чем из них могла выработаться самостоятельная местная организация, Ну, а в тот момент в Петербурге в руководящем революционном кружке, на мой взгляд, не было ни одного даже способного организатора. Это, конечно,

*) Начало письма утеряно. *Б. Н.*

только одна из причин, хотя бы и главных. Были еще и другие, например, уже начавшийся упадок фондов русской революционной организации вообще. Продолжительное затишье, годовое отсутствие №№ «Нар. Воли» и общий недостаток в революционной литературе,—все это возбуждало среди публики не только недоумение, но и сомнение в существовании самой организации.

Я прожил в Петербурге недели две без всякой пользы для себя и чего-либо. Не будь у меня тогда в Петербурге личных знакомств, мне пришлось бы, пожалуй, плохо. Денег у местной компании было, кажется, очень немного, квартир и того меньше, так что в отношении и средств, и паспорта, и ночевок приходилось устраиваться на свой страх, и только П., которого я знал по университету в 81 г., предлагал и оказывал мне тогда всяческое свое содействие. Попытки узнать что-либо о том, что творится на революционной арене или что имеется в виду делать, не приводили почти ни к чему, и из всех разговоров выносился неприятный осадок, что в Петербурге, собственно говоря, ничего и нет и не имеется в виду. В конце концов мне предложили [дело было уже в феврале(1883 г.)] ехать в Западный Край, в Оршу, а моей спутнице Чемодановой в Могилев и временно поселиться там и заняться местным делом. Предложение ехать в какую-то захолустную Оршу меня порядочно-таки удивило. Но меня убедили, что там есть много очень порядочной молодежи, с которой стоит заняться, служащей в разных учреждениях и имеющей значение в практическом отношении (добывание паспортов, бланков и т. п.). Не имея в виду в то время ничего другого и рассчитывая познакомиться хотя бы с тем, как ведется дело в провинции Петербургского района, я принял предложение и отправился в Оршу, а Чемоданова—в Могилев.

Через несколько дней по приезде в Оршу я убедился, насколько тщетны всякие планы на постановку там какого-то дела и насколько нелепа сама идея направить туда, в такую трущобу, кого-либо, а не только что нелегального, если не заподозрить желания просто как-нибудь отделаться от человека. Многообещающая молодежь явилась в образе 3—4 писарей разных городских учреждений, людей, если не полуграмотных в полном смысле слова, то во всяком случае гораздо ниже, чем полуинтеллигентных. Правда, и такие люди не чужды некоторой идейности, но идейность очень своеобразна. Их привлекает не сущность идейного дела, о котором они имеют очень неясное понятие, а обстановка его, тайна, конспирация, возможность порисоваться. Из них можно порой извлекать какую-нибудь мелкую пользу, но сделать из них что-нибудь невозможно. Я уже сам разыскал там еще двух молодых учителей из типа сочувствующих и такую же акушерку, да еще молодого человека, полухозяина небольшого кирпичного завода. С тремя первыми можно было хотя душу отвести—поговорить по-человечески, последний представлял даже некоторый интерес, являя из себя

нечто вроде маленького Соломина (из «Нови»), но и все они все же не могли быть целью проживания в Орше. Подобные люди были налицо и в покинутом мною Кургане, и ради них не было смысла менять последний на Оршу.

Побывал я и в Могилеве, где разыскал 2—3 своих старых знакомых, людей из так называемого «общества». Но и Могилев, несмотря на свой губернский чин, тоже не мог ничем похвастать. Нечто хоть немного организованное представлял из себя небольшой кружок гимназистов. Изредка они получали из Петербурга 2—3 брошюрки, собирали по подписным листам несколько десятков рублей, чем и завершалось все дело.

В Орше я прожил месяца 1½. Подробностей, в числе которых было немало и курьезных, описывать не буду, скажу только, что в один прекрасный день туда прикатили еще два нелегальных(!!), некто О. [3]) и знакомый вам по за-границе П.[4]). Благодаря неосторожности последнего, приехавшего и остановившегося во время моего отсутствия на моей квартире, вопреки протесту моих хозяев (мелких торговцев евреев), там поднялась кутерьма. Хозяева донесли о подозрительном для них госте полиции. П(аули) имел там ввиду одно предприятие, от которого и я был не прочь, но еще ранее его начала к нам на квартиру явилась полиция и жандармы, а также и к 3-му нелегальному, остановившемуся на квартире, произвели у нас всех обыски и арестовали. Все подробности рассказывать слишком долго. В конце концов нас выпустили под присмотр жандармов, обязав подпиской о невыезде, пока не получатся справки о наших паспортах. У меня был хороший, подлинный, могущий благополучно выдержать справку, но у двоих моих сотоварищей по Орше самые плохенькие, подложные, так что необходимо было удирать. После целого ряда приключений О(вчинников) добрался до станции жел. дороги (она в трех верстах от города) и укатил, а мы двое, опоздав на ночной поезд (дело было в начале апреля, в самую распутицу), принуждены были уже утром, на ура укатить на почтовых в Витебск, где нас уже ожидала при в'езде в город приличная встреча, которую мы, однако, благополучно избежали. Поплутавши по городу, мы, наконец, ночью уехали в Смоленск, откуда П(аули) направился в Москву, а я в Минск, о котором у меня были кой-какие указания. А затем до свидания.

III.

Добравшись до Минска, я думал, что уже кончил с цепью своих приключений и мытарств. Но оказалось, что здесь ожидали еще последние сюрпризы. Бегство трех нелегальных, бывших уже в руках полиции и жандармов, а затем ускользнувших у них прямо из-под носа, взбудоражило администрацию всего этого края: всюду летели

предписания и телеграммы с описанием примет и т. д., в результате чего в Минске меня поджидала уже подготовленная встреча, от которой, однако, мне и тут удалось скрыться в третий раз втечение трех дней: пожертвовав своим паспортом и чемоданом и принеся эту последнюю искупительную жертву, я избавился от дальнейшей полицейской травли. Минская администрация знала, что я укрылся в Минске, но добраться до меня не могла, потому что здесь у меня нашлось очень надежное убежище.

Из всех городов Северо-Западного Края, с которыми я познакомился, Минск произвел на меня самое лучшее впечатление. Здесь оказался довольно многочисленный и разнообразный контингент лиц, так или иначе причастных «революции», из которых, при старании, могло бы сорганизоваться что-нибудь довольно солидное, особенно для провинциального города. Там была, во-первых, компания военных—человек 8—10 офицеров, во главе которых стоял человек уже немолодой, с некоторым служебным положением, произведший на меня самое хорошее впечатление. У него-то я и прожил все время моего пребывания в Минске. Между прочим, бывая почти ежедневно в военном клубе и встречаясь там с полицеймейстером, он каждый раз привозил оттуда сведения о тех мерах, которые употребляет полиция для разыскания меня. Сведения эти он почерпал непосредственно от самого полицеймейстера. Мой хозяин был человек семейный, с некоторыми средствами, и потому его дом был естественным местом собраний местной военной молодежи известного направления. Он произвел на меня впечатление человека солидного, убежденного, готового и на серьезное дело. Такое же впечатление вынес о нем и Аш. [5]), незадолго перед тем приезжавший в Минск при об'езде им разных военных кружков и уже арестованный в то время в Смоленске. По какой-то странной случайности, так и оставшейся для меня невыясненной, минский военный кружок уцелел от Дегаевского предательства и разгрома. Существовала затем в Минске компания и, кажется, не одна, рабочих, по преимуществу ремесленников-евреев [6]). Некоторых из них я видал несколько раз, но все же мельком, так что сказать что-нибудь определенное трудно, в общем же впечатление было благоприятное, но для меня оригинальное. Несомненно, это были люди, ищущие света и истины, одни уже с некоторым пониманием сущности общественных явлений и с ясно выраженными запросами к борьбе в той или иной форме; другие лишь с предрасположением к такому пониманию и к таким запросам, поражавшие меня какой-то чисто библейской наивностью и чистотою сердца. Среди них были и девушки-работницы, преимущественно на мелких табачных фабриках, из которых две мечтали о фельдшерских курсах и даже подготовлялись к ним. Одна из них почти со слезами говорила о том, как ей хочется вырваться на более широкий путь жизни. Раз я был на небольшом собрании 5—6 рабочих. Нужно сказать, что

все они свободно владели русским языком. Тема разговора была, конечно, революционная, на экономической подкладке. Все жаловались на эксплуатацию своих мелких хозяев-предпринимателей. Вся обстановка этого собрания была для меня нова и оригинальна. То-и-дело входили в комнату другие посетители, даже 13—14-летние подростки, обменивались несколькими фразами по-еврейски с присутствующими рабочими и уходили, при чем последние успокаивали меня, говоря, чтоб я не беспокоился этими появлениями, потому что это «свои люди». Зашел старик еврей, как оказалось, хозяин квартиры, отец одного из присутствующих, и, приветливо поздоровавшись со всеми, ушел, и за стеной скоро послышалось еврейское чтение нараспев, должно быть, библии. Между прочим, один из присутствующих рабочих—наборщик—предлагал свои услуги на напечатание любого революционного издания. По его словам, у него был знакомый, не то метранпаж или фактор одной местной типографии, не то хозяин небольшого типографского заведения,—хорошо теперь не помню,—который за двойную или за тройную против обычного цену напечатает что угодно, причем он сам (т.-е. этот рабочий) брал на себя все посредство по этому делу.

Существовали еще в Минске, как и везде, кружки гимназистов и реалистов; были отдельные лица среди местных аборигенов-служащих, в числе их кое-кто из бывших чернопередельцев, не носивших, впрочем, какой-либо особой индивидуальности. Как по пословице: ночью все кошки серы, так и революционные элементы в подобной провинции, при отсутствии какого-нибудь практического дела, теряют специфические черты партиозности, принимая вообще обще-революционный характер. Один из подобных чернопередельцев, с которым я познакомился, предлагал тоже устроить, благодаря своим связям и знакомству в еврейском торговом мире, доставку революционных изданий из-за границы в неограниченном количестве с платою по 50 руб. за пуд, причем издания, которые должны были быть лишь подвезены к границе, будут привозиться прямо в Минск. Вообще, все местные условия представляли всяческие удобства для устройства разных подобных практических дел и предприятий.

Между тем в Минске, как и в других городах Северо-Западного края, не существовало никакой групповой народовольческой организации. Изредка наезжал туда кто-либо из Петербурга, но это были именно наезды. В то время, о котором я говорю, подобным мелькающим метеором этих краев был нелегальный О(вчинников) (тот самый, который был также задержан в Орше), появлявшийся там в качестве агента Комитета или, вернее сказать, Петербургской группы. Человек сравнительно мало развитой, но с практической сметкой и конспиративной опытностью, он являлся типичным образцом мелкого революционного практика. Налетит на день, на два, раз в полтора—два месяца, соберет кое-какую контрибуцию в виде нескольких

десятков рублей, паспортных бланков и т. п. материала, пообещает доставить в следующий свой приезд революционной литературы и исчезнет, как дым, с тем, чтоб в следующий раз появиться с теми же поисками денег, бланков, паспортов и с теми же никогда почти не выполнявшимися обещаниями о доставке литературы. На последнюю производились не раз «специальные сборы», но затем всегда оказывалось, что книги или еще не пришли, или провалились на границе, либо арестованы в Петербурге и т. п. А между тем, крайний, вопиющий недостаток литературы ощущался везде. В провинции, живущей большей частью лишь революционными отзвуками столицы и университетских городов, публика любит потолковать порою с приезжим человеком о важных материях, о разных принципиальных вопросах, программах и обнаруживает естественное любопытство по отношению того, что творится в большом революционном мире и что стоит на очереди. В этом отношении О(вчинников) был человеком очень неподходящим и не был в состоянии удовлетворить умственных запросов даже гимназических кружков. Разговоров на подобные темы О(вчинников) не любил и всячески избегал, на расспросы о положении революционных дел отделывался фразами вроде того, что дела понемногу поправляются, скоро выйдет № «Народн. Воли», нужны лишь деньги и т. д. А между тем, шел месяц за месяцем, номера «Нар. Воли» не появлялись в течение уже целого года, и поправление дел ничем не обнаруживалось. Но в этом отношении провинция часто бывает очень простодушна и незлопамятна, охотно верит новым обещаниям и всегда готова надеяться. Подобное настроение было налицо и в Минске. Правда, порою и роптали, порою подтрунивали над комичными инцидентами вроде того, что уже около года Северо-Западный край наводнен лотерейными билетами в пользу якобы организуемой типографии «Нар. Воли», и эта лотерея обратилась в какое-то хроническое явление. Тем не менее, всякому приезжему из столицы были рады и встречали его очень гостеприимно. Отмечу еще одну странную черту постановки революционного дела в тех краях (если вообще можно было называть постановкой дела то, что там творилось). Все непосредственные сношения О(вчинников) вел почти исключительно с гимназистами городов Северо-Западного края, которые вследствие этого являлись на местах как бы представителями партии, что ставило самих их в неловкое положение перед местными взрослыми аборигенами.

В Минске я прожил дней 7—8. Местные условия показались мне настолько благоприятными, что я был бы не прочь пожить там подольше и попытаться сделать что-либо. Этим была бы довольна и местная публика, прямо говорившая, что без наличности у них такого постоянно живущего человека они чувствуют себя совсем оторванными от всего и приносящими пользы несравненно меньше, чем она была возможна. Я сказал, между прочим, об этом О(вчинникову), заглянувшему туда вскоре проездом на несколько часов,

но сразу заметил крайне недружелюбное отношение его к подобному моему плану. Оставаться мне там, по его словам, было очень неудобно, потому что в Минске меня усердно ищут, и бесполезно, потому что туда наезжает он почти каждый месяц, зная нужды Петербурга, для которого весь этот край служит как бы резервным фондом. Одним словом, я сразу понял, что, оставшись там, я сразу принужден буду встать в оппозицию как к нему, так и к Петербурской группе, агентом которой он являлся. В пользу этого предположения говорило и то обстоятельство, что мне не предложили с самого начала поселиться в Минске, а завезли в какую-то ветхозаветную Оршу. Начинать дело, при условии с самого начала очутиться в антагонизме с людьми, уже там действующими—казалось мне крайне неудобным. Да и в качестве кого мог бы я в таком случае там орудовать? В качестве вольного стрелка партии, имея против себя так или иначе членов организации? В результате этих соображений я покинул мысль основаться на время в Минске и, прожив там неделю с небольшим, уехал обратно в Петербург, чтобы попытаться там еще раз добиться какого-нибудь толку, а в случае неудачи, самому приискать себе ту или иную работу.

Хотел было возразить вам кое-что на ваше послание, но не знаю, стоит ли вообще продолжать этот спор. Желаю вам здравия и благополучия.

IV

В Петербург возвратился я около 10 апреля. Приближалось время коронации, день которой был уже назначен официально. Правительство, несмотря на обнадеживание Судейкина, готовилось к ней с беспокойством и трепетом *), культурные слои и в особенности молодежь жили в напряженном ожидании каких-то событий, подымавших невольно фонд революционной партии, и будь тогда у последней хотя бы небольшие организованные силы, простая попытка на террористический акт, даже неудачная, имела бы большое значение в смысле общего под'ема духа и доверия к революционной организации. Но последняя как раз ничем не проявляла своего существования, хотя стоустая молва и приписывала ей разные проекты и приготовления, несмотря на то, что уже почти год тщетно ожидался выход номера ее газеты,—этот первый показатель жизни и дееспособности. В это время в Петербурге шло раз-

*) Насколько правительство действительно трепетало и трусило, показывает, между прочим, то, что, не полагаясь на мобилизованные им в Москве сыскные и полицейские силы, оно прибегло к организации частных добровольческих групп «Священной Охраны», набранных из различных слоев населения в виде отдельных дружин со своими начальниками, сотскими и десятниками, которые должны были во время коронационных празднеств следить в толпе за всеми подозрительными личностями и охранять царя от возможных покушений. Для этих дружин были напечатаны правила и инструкции, которые я читал[7]).

бирательство дела Грачевского, Богдановича, Теллалова, Стефановича и друг. Революционные отчеты о нем, правда, появлялись, но, увы, не печатные, а гектографированные, всегда, по моему мнению, ослабляющие впечатление своего содержания и уже самой своей формой указывающие на слабость организации, не имеющей даже своей печатни.

Почти тотчас по возвращении в Петербург я получил предложение поселиться в устраиваемой летучей типографии, где должен был печататься «Листок Народной Воли», с тем рассчетом, чтобы появиться до коронации [8]). Появление хоть какого-нибудь печатного слова казалось мне столь желательным и необходимым, что я с полной охотой принял предложение, хотя содержание листка, с которым я предварительно ознакомился, производило довольно удручающее впечатление. Главная часть его—передовая статья (которая одна только и появилась впоследствии в виде отдельной бро‘шюры), написанная довольно талантливо, заявляла, если не прямо то косвенно о разгроме и слабости партии, взывая к обществу о поддержке и помощи. Впрочем, вы наверное читали ее, и потому распространяться о ней я не буду. Кроме этого, в частности, мне хотелось для кое-каких своих целей попрактиковаться в типографском деле, с которым я почти не был знаком. Кстати сказать, в это время произошло мое первое знакомство с Дегаевым. История этой летучей типографии сама по себе не имеет, конечно, особого значения, но она интересна в том отношении, что дает понятие о практической опытности и конспиративных приемах и навыках Петербургской группы.

Отправившись на квартиру типографии по указанному мне адресу, я нашел там своего знакомого по Орше П(аули). Устройство ее было таково. В качестве хозяев квартиры—мужа и жены—должны были поселиться П(аули) и одна барыня, я—в качестве их жильца и, наконец, 4-й человек,—главный техник и мастер,—должен был являться ежедневно и проводить весь день от утра до вечера в нашей квартире. С самого начала вышла уже очень неудобная заминка. Барыня—хозяйка—по каким-то причинам отказалась от своей роли, и П(аули) поселился один, заявив хозяину дома, что жена его скоро приедет. Паспорт у него был подложный, и при этом он имел неосторожность об’яснить хозяину, что служит в Управлении Николаевской жел. дороги (наша квартира помещалась в одном из переулков вблизи от Знаменской), так что в случае какого-либо подозрения простая справка в Управлении могла выдать его с головой. Меня поразила якобы невозможность отыскания в Петербурге какой-нибудь барыни взамен отказавшейся от роли квартирной хозяйки, и я предложил даже приискать такую в 2—3 дня, несмотря на свой ограниченный круг знакомых, но мне отвечали, что не стоит и можно обойтись без хозяйки как-нибудь 3—4 недели. Обстановка квартиры имела очень подозрительный вид. Рыночной

мебели рублей на 60—70 едва хватало на первую комнату (всех комнат было 4 и кухня) и при этом полное отсутствие хозяйственной утвари в кухне, куда ежедневно по утрам являлся дворник с дровами (прислуги, конечно, тоже не было). Напрасно настаивал я на том, чтобы придать квартире по возможности более жилой и менее подозрительный вид,—израсходовать 2—3 десятка рублей на покупку посуды, чтобы заполнить полную пустоту кухни, и в особенности самовара, взамен красовавшейся там тенденциозно-студенческой керосинки, держать первую приемную комнату в полном порядке и чистоте от типографских принадлежностей, на случай какого-нибудь нечаянного визита, указывал на необходимость для него ходить ежедневно на якобы занимаемую им должность и т. д. Наш общий знакомый П(аули) упорно твердил, что все это пустяки, проживем и так. Вообще, для данной роли он был человек совсем неподходящий и без всякой конспиративной сноровки. Но хозяином квартиры и ответственным лицом был он, и я поневоле в конце-концов махнул рукой. Помню, сколько усилий и войны стоила мне одна мелочь, довольно, однако, существенная. Наша квартира находилась во втором этаже и выходила окнами на улицу—довольно узкую, а напротив возвышался большой пятиэтажный дом, из которого по вечерам наша квартира была весьма доступна для разных, хотя бы и случайных, наблюдений сквозь незавешенные ничем окна. А между тем, работа шла у нас по вечерам до поздней ночи. Лишь через несколько дней мне удалось настоять, чтобы на окнах были повешены занавески. И в результате всех этих, как мелких, так и крупных деталей обстановки, у меня через 5—6 дней сложилась определенная уверенность в неизбежном провале. Не успев убедить в этом своего хозяина-сожителя, я дважды сообщал свои соображения членам Петербургской группы, предсказывая очень скорое крушение; но получал ответ, что я слишком мнительный, конспиративно-подозрителен, что типография должна работать maximum какой-нибудь месяц и столько времени она наверное продержится. Уходить от начатого дела мне не хотелось, и, решив, что от судьбы своей не уйдешь, я оставался на месте, практикуясь в типографском деле, технику которого мне хотелось изучить, по разным соображениям, хотя бы настолько, чтобы самому быть в состоянии, в случае нужды, организовать подобное предприятие.

Опасения мои начали скоро оправдываться. Частые посещения дворника без нужды и его попытка заглянуть из кухни в другие комнаты становились подозрительными. На 7-й или 8-й день нашего водворения на квартире днем раздается звонок. Первая комната—приемная, более прилично обставленная,—не в порядке, так что пришлось прикрывать пальто и одеялами разложенный шрифт, оттиски и т. п. Оказался хозяин дома, зашедший под предлогом справиться, тепло ли в квартире и не нужно ли каких-либо исправлений. Через несколько минут он принялся поводить носом,

и немудрено, потому что вся квартира провоняла скипидаром, употребляемым для мойки шрифта, и поинтересовался о причине его. П(аули) нашелся и ответил, (что) занимался истреблением клопов, но об'яснение это вызвало удивление со стороны хозяина дома, заявившего, что клопов в квартире до сего времени никогда и в помине не было, и она не так давно отремонтирована. Одним словом, вся сцена имела очень неловкий характер, а на другой день явился дворник с просьбой дать еще раз прописанные паспорта, понадобившиеся для чего-то хозяину дома. Их понес к последнему сам П(аули) и выслушал от него довольно недвусмысленные намеки о желательной очистке квартиры под предлогом каких-то имеющих быть скоро переделок в доме и т. п. Тут, наконец, и в душе П(аули) зародились всякие сомнения и подозрения, и мы порешили гнать работу во-всю, занимаясь ею и по ночам. К сожалению, шрифта было очень ограниченное количество, так что приходилось набирать и печатать в 3 приема по 8 страниц зараз (листок должен был выйти довольно об'емистым—более 20 страниц). Но оказалось, что и спех не мог уже выручить: через два дня на углах нашего переулка появились открыто дежурящие шпионы, провожающие каждого проходящего до под'езда дома. В виду этого, главный наш техник прекратил свое хождение к нам на квартиру, и мы продолжали работу вдвоем. Первая треть листа была кончена, и мы приготовляли к печатанию вторую треть. Но в этот день с утра признаки грядущего посещения стали еще более ясны: 3 шпика постоянно маршировали мимо наших окон; приходилось уже думать только о том, чтобы унести по-добру, по-здорову свои ноги, но все же жаль было бросить напечатанные листы и готовый набор. Собрали мы наиболее ценное и необходимое из типографского материала и поделили на две части: на долю П(аули) достались валы и часть шрифта, на мою—оттиснутые листы и готовый набор 8 страниц, и, завернув свою кладь, мы двинулись из квартиры, разойдясь в противоположные стороны. На мою долю досталось пуда 2, количество, не совсем удобное для ношения в одной руке. Соглядатаи двинулись за нами по пятам. На углу переулка я взял извозчика, не рядясь и без указания улицы, спутник мой сделал то же, и мы потрусили вдвоем, он—шагах в 20—30 позади меня. Так проехали мы Знаменскую, часть Невского и свернули на Большую Садовую. По дороге у меня составился план действия. Я отлично знал Апраксин рынок, все его ходы, переходы, галлереи и выходы, часто шатаясь там по букинистам еще в бытность мою студентом. Под'езжая к рынку, я заблаговременно незаметно для своего провожатого расплатился со своим извозчиком и, поровнявшись с нужными мне воротами, внезапно соскочил и юркнул в них. Скрываясь под арку, я заметил, как мой преследователь поспешно рылся в карманах, расплачиваясь со своим возницей. Таким образом, я успел опередить его минуты на две, под-

нялся по одной галлерее, спустился в другую и, покрутив так немного по рынку, вышел в ворота, выходящие на другую улицу, сел на извозчика и укатил. Погони не было заметно, шпион, очевидно, потерял меня из виду, но для предосторожности я отправился на Николаевский вокзал и уже оттуда, на другом извозчике, поехал на Петербургскую Сторону к одному своему знакомому, сложил у него кладь и, забрав набор, двинулся назад на одну квартиру, где я и П(аули) условились сойтись, намереваясь там продолжать свою работу. Там я застал уже опередивший меня багаж П(аули) и Шебалина (с ним я тогда и познакомился), которого Я. [9]), хороший знакомый хозяина квартиры, прислал для помощи в работе. Не успели мы расположиться как следует, как раздался звонок. Хозяин отпирает и встречает дворника с частным приставом. Первый принялся об'яснять, что так как, дескать, скоро истекает срок квартиры и неизвестно, оставит ли ее N. за собой, то вот г. частный пристав хочет посмотреть ее для себя. Наш новый хозяин, человек неробкий, протурил их обоих и затем, придя к нам, рассказал о подозрительном визите, предоставив вполне на наше усмотрение,—оставаться ли у него и продолжать работу или перебраться куда-нибудь в другое место с нашей работой. Принимая во внимание это подозрительное посещение, а также и то, что хозяин квартиры не мог считаться вполне чистым человеком в полицейском отношении, оставаться на месте и продолжать работу было большим риском, а потому и порешили убрать от него все. Это и было сделано. В результате оказалось невозможным докончить печатание листка к надлежащему сроку. Оно, пожалуй, и было бы возможно при иной общей обстановке и при ином способе ведения, но в чужой монастырь со своим уставом ходить не приходилось. В конце-концов кончилось тем, что главный мастер-типографщик взялся на своей квартире, т. е. в меблированной комнате, отпечатать одну передовую статью листка в виде отдельной брошюрки, что и было им выполнено в продолжение 5—6 дней (ее, по всей вероятности, видали и вы [10]). Ею и ограничилось все, что было предпринято и сделано революционной организацией в ожидании грядущей коронации.

С окончанием этого дела кончилось и мое практическое участие в Петербургских революционных делах. Признаюсь, что из всего этого эпизода я вынес очень тяжелое и грустное впечатление и составил довольно определенное представление о наличности сил, средств и способности питерской организации лучше, чем из всяких разговоров и об'яснений. Но как это ни странно, эпизод этот сослужил мне службу во мнении последней: мои предупреждения и предсказания о неизбежном крахе предприятия создали для меня, как оказалось, некоторую репутацию конспиративной опытности и еще бог знает чего. По крайней мере, через 3—4 дня, вызванный на свидание с одним из членов Петербургской группы, я получил

новое предложение, которое при иных обстоятельствах могло бы показаться и заманчивым, и даже лестным. Мне сообщили, что из Варшавы приехал делегат от польской организации «Пролетариат» для установления правильных сношений и отношений с Народовольческой организацией, при чем он предлагает и настаивает, чтобы от последней отправился в Варшаву представитель для постоянного там пребывания. Роль этого представителя должна быть такова: 1) служить посредником во всех сношениях между обеими организаицями, приводя по возможности в соответствие их деятельность и планы; 2) принимать контрольное участие в редакции газеты «Пролетариат», в том смысле, чтобы просматривать все предположенные к напечатанию статьи и, в случае найденных в них каких-либо противоречий с общей программой «Народной Воли», указывать на таковые, предлагая соответствующие исправления; 3) организовать в Варшаве типографию для печатания изданий «Народной Воли». Согласитесь сами, что после недавнего прошлого, в роде Оршанских злоключений, подобное предложение сразу поднимало меня на верхние ступени организации и могло показаться очень привлекательным. Полное представление о той роли и значении, которое должен был играть в Варшаве этот народовольческий представитель, я понял вполне только здесь, из разговора с Варынским. Оказалось, что это именно он приезжал тогда из Варшавы в Петербург. Нужно сказать, что Варынский был главным сторонником и инициатором идеи о слиянии русской и польской партии и не только в форме равноправной федерации, но и в смысле некоторого подчинения поляков первой при установлении общего направления революционной деятельности (главным образом, его стараниями и под его влиянием и был впоследствии, в начале 84 г., заключен в Париже подобный договор, текст которого вы, наверное, читали в № 9—10 «Нар. Воли»). Враг польской обособленности и узкого польского патриотизма, Варынский доказывал, что и польские вопросы—политический, экономический и национальный—могут быть разрешены лишь при изменении общего русского режима, и в борьбе за это русской революционной организации (о разгроме ее в Польше еще не знали) должно естественно принадлежать и главное руководство, тем более, что и главные удары правительству могут быть нанесены лишь в России. В этих целях он и желал, чтобы в Варшаве поселился представитель русской организации, который бы совокупно с ним и повел дело подобного слияния. А для самого начала деятельность этого последнего и должна была ограничиваться вышесказанными задачами.

Предложение это более чем удивило и поразило меня. Отложив ответ до другого дня и обдумав его, я пришел к следующему выводу. Приняв его, я очутился бы в Варшаве в самом двусмысленном и фальшивом положении. Пришлось бы или разыгрывать роль

шарлатана, что, вдобавок, не могло длиться долго, или прямо об'яснить то, что было для меня довольно ясно, а именно, что народовольческая организация почти разрушена. Но в последнем случае и роль ее представителя будет жалкая и почти бесполезная, принимая особенно во внимание деловитость и странности польских организаций вообще *). В частности, я не знал вовсе польского языка. Хорош был бы соредактор, для которого нужно было бы особого переводчика. Да и вообще вращаться среди польских революционеров без знания их языка очень неудобно. Про организацию же в Варшаве, где у меня нет ни единой знакомой души, русской типографии без знания условий жизни и языка мне было и подумать странно. На другой день я высказал все это моему собеседнику и отклонил предложение, несмотря на его уговоры и доказательства (да и теперь не жалею об этом). Мой отказ вызвал в среде Петербургской Группы большое недовольство, и мне заявили, что в таком случае мне не могут больше предложить ничего, т.-е., говоря попросту, предложили раскланяться и разойтись в разные стороны.

Ну, более не успел. Будьте здоровы и веселы.

С. И.

V.

Я забыл сказать в тот раз, что оставление нами типографии произошло как раз своевременно, потому что часа полтора после нашего ухода туда явилась уже полиция, да и то она опоздала, дожидаясь инспектора петербургских типографий, который должен был на месте определить по сортам шрифта, из каких типографий они добыты. Это тогда же сообщил, кажется, Дегаев, сказавши, что почерпнул какими [то] частными путями это сведение. Очевидно, что полиция констатировала не только факт существования конспиративной квартиры, но и определила точно, что в ней происходит. Была ли выдана эта квартира Дегаевым, или полиция сама добралась до нее,—я и посейчас не знаю точно. Весьма вероятно, что тут не оказалось дегаевской руки, а провал произошел сам собой: поводов к нему было достаточно; а для Судейкина, если он и знал от Дегаева о существовании маленькой типографии, едва ли было выгодно не допускать даже появления какого-нибудь листка в ознаменование коронации.

Отклонивши от себя предложение поездки в Варшаву, я остался на полной свободе, на своих собственных руках. Получил я тогда, между прочим, другое предложение, от своего прежнего землячества: меня уговаривали уезжать за границу, предлагая для этого

*) Я уже не говорю о том, что и в деталях я был плохо знаком с положением русских революционных дел.

всякую помощь и содействие, несколько сот рублей, заграничный паспорт и т. д. Скажу к слову, что по моему мнению и личному опыту, земляческие студенческие организации могут или могли бы являться важною опорой для революционной организации вообще. Трудно придумать что-нибудь лучше этих естественных кадров, откуда последняя, имей только она там нужные связи, может привлекать к себе новых людей без обычного риска натолкнуться на неподходящего человека. Члены землячества, связанные друг с другом знакомством со школьной скамьи, лучше всякого другого могут аттестовать всякого из своей среды, а в земляческих организациях опять-таки вполне естественным путем выдвигаются люди большой инициативы, большой энергии, большого развития. Это—подготовительная школа для революции, на почве хотя и небольшого, но все же общественного, коллективного дела.

Уезжать за границу меня вовсе не тянуло, и для этого не стоило, пожалуй, и покидать Сибири, а потому я перехватил только в землячестве сотню-полторы рублей (нужно сказать, что деньги предполагались не для революции вообще, а лишь мне лично. В Петербурге же денежные дела стояли, кажется, довольно плохо, и я все это время существовал и ездил на свои частные средства, добыв для себя и паспорт частным же путем). У меня были свои давнишние планы, осуществлением которых я и хотел заняться.

Еще с конца 80-го года, после возвращения из Архангельской губернии, меня поражала и даже подавляла бедность революционной литературы. Начиная уже с конца 81-го года (а может быть и ранее), бедность эта все прогрессировала, дойдя к половине 83-го года до полного оскудения. После 8-го № «Народной Воли», вышедшего, кажется, в самом начале 82-го г. (или в конце 81) [11]), издание этой газеты как бы приостановилось *). За границей в то время печаталось тоже немного и еще менее доходило до России. Периодических изданий выходило там, кажется, всего два: «Общее Дело»—в России почти неизвестное, циркулировавшее по ней, может быть, в нескольких десятках экземпляров (или и того меньше), завозимых в карманах возвращающихся из-за границы либералов, для которых собственно она и печаталась, газетка небольшая, довольно жидкая и бесцветная. Другое издание—«Воль-

*) Нужно сказать, что для напечатания № 9 «Народной Воли» организовалось в течение 82 и 83 гг. несколько типографий, но все они провалились в момент своих еще приготовительных работ. Я насчитывал как-то прежде, кажется, до 7 типографий, арестованных еще в стадии подготовления к печатанию № 9 «Народной Воли». Сейчас я не могу вспомнить всех их. Перечислю следующие, которые помню. В 82 г. типография в Витебске, которую устраивала там Ивановская [12]; типография Дегаева в Одессе [13]; в 83 г. харьковская типография, хозяева ее—Крылов и Осинская [14]; в Петербурге у одной барыни [15]; в начале 84 г.—типография Шебалина в Киеве [16]. Лишь в 84 г. № 9—10 «Н. В.» был напечатан в двух изданиях: на юге в Ростове на Дону [17] и на Севере—в Дерпте, в типографии Переляева [18].

ное Слово» Драгоманова, которое вы видали, но с происхождением и историей которого, как кажется, незнакомы (что я заключил из вашего упоминания о нем в одном из писем). Несравненно большее по об'ему, чем «Общее Дело», причем литературная часть его велась довольно недурно опытною рукой Драгоманова, дававшее читателям, кроме общих рассуждений, некоторое количество довольно интересных данных документального характера и, наконец, доставляемое в Россию очень правильно в большом количестве экземпляров, «Вольное Слово» было в это время, если не особенно популярным, то самым распространенным революционным изданием в России, номера которого доходили до отдаленных городков Сибири. А при моем возвращении из Сибири, да и после, во время разных поездок, я встречал его везде по провинциальным городам. Революционную молодежь оно не удовлетворяло, не давая (особенно вначале) прямых ответов на ее запросы, но все же читалось ею жадно, отвечая живой потребности в свободной печати. А в так называемых общественных кругах оно было довольно популярно и пользовалось известным авторитетом. Это направление и содержание газеты об'ясняется вовсе не теми причинами, о которых вы говорите, т.-е. не тем, что она являлась типичным органом русских либералов, обрушившихся в конце-концов с руганью на русских революционеров. Дело было гораздо хуже и сложнее и велось довольно ловко по известному плану и с известными целями.

Официальным редактором и главою органа был, как вам известно, Драгоманов; это так и было фактически в отношении литературной стороны дела. Но действительным господином всего предприятия был некий Мальчинский, который, кажется, и подписывался за издателя газеты [19]). Вся передаваемая мною далее история открылась уже гораздо позже, после прекращения газеты.

Мальчинский, кажется, отставной военный из прогоревших помещиков, человек довольно образованный, ловкий и оборотливый делец, имел, живя еще в России, знакомства и какие-то отношения (нужно полагать, шпионские) с Судейкиным. Когда последний занял в Петербурге первенствующее сыскное положение, он пригласил Мальчинского для организации за границей провокаторской революционной печати. План их был таков: приискать за границей подходящего эмигранта с более или менее известным именем и организовать под его фирмою издание оппозиционной или революционной газеты. Первая задача ее (смотря по обстоятельствам)— это привлечь к себе по возможности обширный круг читателей и завоевать себе авторитетное положение. Само собой разумеется, в этой стадии своей деятельности газета должна воздерживаться от прямых порицаний русских революционных партий и только по истечении некоторого времени вводить в газету этот элемент, постепенно усиливая его, и затем только тогда, когда газета станет уже прочно во мнении читающей ее в России публики,—открыть

правильный поход против революционного террора, народовольцев и их программы. Дело и началось в этом духе. Мальчинский, приехавши за границу и осмотревшись, остановил свой выбор на Драгоманове, который удовлетворял главным нужным требованиям: известное и популярное, особенно в некоторых русских кругах, имя, литературный талант, ученость и довольно неопределенный общий либерально-революционный облик. Познакомившись с Драгомановым, Мальчинский ловко обошел его и уговорил принять деятельное участие и официальное руководство органом, который он, Мальчинский, имеет намерение издавать. Денежные средства дает он, и также берет на себя переправу издания в Россию и некоторые другие практические подробности. Само собой разумеется, что по идее орган этот, по отношению к русскому правительству, должен был держаться духа резкой оппозиции либерально-радикального характера, а дальнейшие провокаторские планы Мальчинский хранил про себя. Драгоманов был обманут и вошел в это дело. Мальчинский получал от Судейкина некоторые, хотя второстепенные, но все же не безынтересные секретные официальные документы и печатал их в «Вольном Слове», что значительно поднимало интерес газеты. Были привлечены сотрудники, и издание вообще пошло в ход. За деньгами недостатка не было, переправа в Россию была обеспечена полицейским содействием. Я не помню точно, сколько вышло №№ «Вольного Слова»[20]), но все же много, не один десяток, и издание его продолжалось около года, а может быть, и больше. Понемногу Мальчинский начал пропускать в газету капельки своего яда, постепенно усиливая их количество и силу, пользуясь при этом недосмотром вполне доверявшего ему Драгоманова, относившегося к своим редакторским обязанностям довольно небрежно. Наконец, в одном из №№ (по счету, кажется, в последнем или предпоследнем) поместил должно[21])...

VI.

Говоря о бедности революционной литературы, особенно усилившейся в 1882—83 г.г., я имею в виду не одну только количественную сторону вопроса, которая ясна и неоспорима сама по себе. Помимо этого, в революционной литературе существует, по моему мнению, издавна громадный пробел, заполнить который не было даже и попыток. Всю литературу этих 70-х и самого начала 80-х г.г. можно разделить на две части, отнеся к первой отдельные брошюры и сочинения (последних, вроде «Парижская Коммуна» Лаврова, было очень мало, пожалуй, всего несколько штук наперечет), а ко второй периодические газеты («Община», «Набат», «Вперед», «Земля и Воля», «Черный Передел», «Народная Воля» и пр.). Я имею в виду только эту вторую часть, говоря о крупном пробеле, существовав-

шем, да и теперь существующем, в русской нелегальной литературе. Все эти издания носят на себе специальный, узко-партийный характер. Как известно, содержание их обыкновенно довольно однообразно: передовые статьи, посвящаемые или взаимной полемике, или краткому догматическому изложению общих теоретических принципов, чуть-чуть революционной поэзии, длинная хроника арестов, список пожертвований и изредка одна—две случайные корреспонденции из жизни революционных сфер. Тип подобных революционных газет очень метко охарактеризовал на нашем суде Спасович, назвавши газету «Народная Воля»—«Сенатскими Ведомостями партии» (за каковое сравнение он и был призван председателем к порядку); таковою по существу она и является действительно, освещая лишь кое-что из внутренней жизни партии и организации. Вся же громадная область русской народной и общественной жизни и общегосударственная деятельность правительства остаются в стороне, совершенно не затронутыми в таких газетах. А между тем, конечно, только в нелегальных органах все это может получить надлежащее освещение, опираясь на богатый фактический материал русской жизни и ее порядков. Я признаю вполне необходимость существования и «Сенатских Ведомостей партии», посвященных запросам внутренней жизни партии и организации, но также считаю необходимым параллельно с этим иметь орган общественно-революционный, отвечающий запросам русской жизни, злобе дня, отводящий большое место фактическому материалу и систематической критике всех правительственных мероприятий и злоупотреблений, а попутно с этим намечающий и некоторые положительные вопросы. Мне кажется, что подобный орган, ведясь в духе общей программы партии, принесет для последней большую пользу, подкрепляя как фактическим материалом, так и соответствующей критикой общую ее точку зрения, преследуемые ею цели и практикуемые ею приемы борьбы. Русскую общественную мысль, несмелую и неприученную к свободной инициативе, нужно толкать в известном направлении. Предлагая выводы, логически вытекающие из предпосланного фактического материала и его критики, нужно постоянно действовать на притупившиеся и притерпевшиеся нервы и чувства русского человека; а это возможно только тогда, если говорить с ним не эзоповским языком нашей затравленной легальной печати. Между тем, в русской революционной прессе этот общественный элемент, это живое содержание шло постоянно и неуклонно на понижение: «Община», «Вперед», «Набат» далеко отступили в этом отношении пред «Колоколом»; «Земля и Воля», «Черный Передел» и «Народная Воля» — ушли еще более назад. Революционно-общественный характер наших нелегальных газет все более и более стал заменяться революционно-сектантским, и открывающийся таким образом пробел ничем не пополнялся.

Можно еще многое написать на эту тему, но я думаю, что вы меня достаточно поняли, и потому не буду распространяться об этом далее. Скажу только, что мысли эти зародились у меня в силу различных влияний и обстоятельств уже давно, еще в 1880 году, во время моего проживания в Архангельской губернии, а кой-какие попытки их осуществления я делал в 81 году, во время моего мимолетного пребывания в Петербурге, по возвращении из ссылки. Эта же идея не покидала меня и при от'езде из Сибири. Не скажу, чтобы она стояла тогда на первом плане, но во всяком случае занимала известное место в моих гаданиях о будущем. Она представляла как бы запасный фонд, на который я рассчитывал, если бы не удалось устроиться в той организации, с которой я надеялся встретиться. Столкновение и знакомство с нею в течение четырех месяцев, проведенных мною в Петербурге и его районе, снова направили мою мысль на эту тему. Повлияло здесь отчасти еще одно обстоятельство. В Петербурге и Москве у меня было и прежде несколько знакомых среди радикалов-литераторов, а за это время прибавились еще и другие. У одного из последних, бойкого и талантливого публициста того времени, я прожил тогда больше месяца и довольно хорошо сошелся с ним. По моему мнению, из всех «тогдашних» литераторов-радикалов (даже «легальных» революционеров, если хотите) это был человек, наиболее близкий нам по духу, характеру и искренности и в особенности по готовности на всякий риск, на всякий шаг, хотя бы он и завел его неизбежно в тюрьму или в нелегальное положение [22]). У меня были с ним не раз разговоры на тему о необходимости такого органа, с чем он не только вполне соглашался, но и отнесся очень горячо к такой идее. А когда для меня выяснилось, что в Петербургской народовольческой организации я не устроюсь (в других же городах у меня даже знакомства подобного не было) и я обратился к нему с категорическим вопросом об его участии в этом деле, он выразил свое полное согласие и желание отдаться ему с головой и руками, бросивши ради этого свою литературную работу или занимаясь ею постольку, поскольку это окажется нужным ради куска хлеба. Несколько человек питерских литераторов, отчасти его, отчасти моих знакомых обещали тоже в большей или меньшей степени свое содействие в смысле литературной работы. Далее, как я говорил, я надеялся привлечь такую же помощь из Москвы. Там, между прочим, находился один человек (теперь уже умерший, а потому говорить о нем можно без всякой опаски). Это был некто Приклонский (в ваше время о нем, может быть, уже и забыли), незадолго перед этим выступивший на литературную дорогу в качестве внутреннего обозревателя и заведующего вообще внутренним отделом «Русской Мысли» и ставший вскоре душою этого журнала в лучшее время его существования *).

*) Состоял тоже в редакции „Русских Ведомостей".

Бойкий или, вернее сказать, серьезный, талантливый публицист, он был бы еще более неоценим для проектируемого мною предприятия в качестве редкого знатока всей русской административной машины. До 1880 года, т.-е. до своего появления на литературном поприще, он долгое время служил правителем канцелярии Олонецкого губернатора, а потому с русскими административными порядками был знаком до тонкости. На литературную работу он ушел с этой должности под влиянием тоже уже умершего Зайчневского, с которым он познакомился в Петрозаводске, где Зайчневский проживал в качестве административного ссыльного. Литературную свою деятельность Приклонский начал, еще состоя правителем губернаторской канцелярии, рядом статей-фельетонов в «Русских Ведомостях», посвященных описанию положения политических административно-ссыльных и вообще порядков этой ссылки, обративших на себя в свое время общее внимание [23]). По его рекомендации и письму я еще в 81 году, возвращаясь из ссылки, познакомился с Приклонским и теперь, будучи проездом в Москве, тоже виделся с ним; между прочим, он сам указывал на бедность революционной литературы в указанном мною выше направлении, так что вообще на его согласие участвовать в предполагаемой газете можно было рассчитывать наверняка. Имелись у меня в Петербурге еще и другие довольно полезные заручки: в Публичной Библиотеке был знакомый, один из старших библиотекарей (заведующий целым отделом), через которого можно было бы пользоваться редкими книгами и запрещенными в России иностранными изданиями; в двух петербургских газетах знакомые служащие (один из них секретарь газеты) [24]), интересные в том отношении, что в редакциях газет скопляется, как известно, немало корреспонденций, не попадающих в печать по цензурным условиям, могущих послужить фактическим материалом для революционных изданий. Я уже начал подбирать кое-какие материалы. Между прочим, один знакомый, служивший в Главном Управлении Уделов, обещал доставить мне весьма интересные, не публикуемые нигде данные о доходах Удельного Ведомства (т.-е., иначе говоря, царских вотчин) и об их распределении по рукам Романовской фамилии. Наконец, было у меня несколько отдельных знакомых, могущих быть полезными для данного дела в том или другом отношении (из них один недурной карикатурист, предлагавший доставлять ряд каррикатур на различные темы русской политической жизни), и целый кружок людей, не имевших прямого отношения к революционному делу, но весьма интересовавшихся революционной литературой и готовых оказать свое содействие ее развитию. Я довольно много распространяюсь о той возможности, которая тогда представлялась, и вот почему. Мне пришлось теперь здесь встретиться со скептическими взглядами на возможность вообще постановки подобного дела. Одним

из возражений является, между прочим, то, что наши присяжные литераторы неспособны писать для революционной газеты, причем указывают и на отдельные примеры, когда они сами признавались в этой неспособности или последняя делалась очевидной при первой же попытке. Возможность подобных случаев я не отрицаю, хотя, с другой стороны, могу указать и на противоположные примеры. Но вопрос собственно не в этом. Несомненно, что писать статьи, напр., в «Народную Волю», редкий из них смог бы. Для этого недостаточно, конечно, одного литературного таланта, принимая во внимание специфический облик и характер подобных изданий. Для того, чтобы писать в них, недостаточно даже и общего теоретического единомыслия. Нужно самому выйти из революционной среды, жить и вращаться в ней, иметь возможность непосредственно следить за всеми возникающими в ней веяниями, изменениями, поворотами, самому переживать их, одним словом, быть профессиональным революционером, членом той организации, в органе которой данный человек участвует; только в этом случае перо его будет говорить живым языком, понятным для революционной аудитории, будет способным вызывать в ней соответствующее чувство и само вдохновляться им. Но в данном случае дело шло не об официальном органе той или другой революционной организации, а о газете более общего и широкого характера, содержание которого более приближалось к тому складу пера, которым вообще пишут наши литераторы. Положение их при подобной работе отличалось бы лишь той выгодой, что им не приходилось бы в статьях урезывать свои мысли, замалчивать наиболее выпуклые факты русской жизни, дрожать над резким образным словом или выражением, и я думаю, что для некоторых из них это поле свободного слова послужило бы хорошею ареною даже для развития их таланта. Несомненно, что и Герцен, в условиях подневольной русской журнальной работы, никогда не развил бы до такой степени тонкости и виртуозности свой публицистический талант.

Вот почему я и предполагаю, что вообще возражения против предприятия подобного рода в значительной степени навеяны предвзятою мыслью. Внутренней, органической невозможности для их появления я не вижу, важность их в революционном смысле для меня несомненна; остаются, следовательно, внешние трудности и препятствия при практической постановке дела, но они и тогда казались и еще более кажутся мне теперь вовсе не так непреодолимыми. А если все же подобного органа до сих пор не появлялось, то только потому, что никто не брался специально за его постановку. Благоприятные случаи и моменты для этого, конечно, бывали и ранее, и рисовавшаяся мне тогда возможность de facto не была какою-либо исключительною. Напротив, наверное и прежде, и потом бывали обстоятельства и более благоприятные, только

никого не тянуло, никому не приходило в голову воспользоваться ими.

После оставления летучей типографии я пробыл в Петербурге еще дней 10—недели две, занявшись уже специально переговорами и разными подготовлениями для задуманного дела. С членами питерской организации я не ссорился и не расходился, продолжая по временам видеться с ними, передавши им и кой-какие из своих знакомств. Самому же мне прежде всего нужно было заняться экономической стороной предприятия, в денежном смысле. Вся практика дела естественно падала на меня. Рублей 400—500 я мог бы раздобыть и в Петербурге, но по моим расчетам для начала дела нужно было иметь в запасе три, минимум две тысячи рублей. Мне казалось—а теперь я в этом еще более уверен,—что первой гарантией удачи такого дела является его экономическая независимость от разных случайных пожертвований, по крайней мере, на первое время, пока оно не встанет хоть несколько прочно на ноги. Я по опыту знаю, что легче привлечь дюжину помощников для устроенного уже предприятия, чем одного для его организации, что одновременная работа в нем и погоня за рублем для его поддержания часто обуславливают неуспех его, а последняя отнимает не меньше, если не больше времени, чем первая. Поэтому прежде всего я озаботился приисканием средств. Часть их, как я говорил, я мог достать в Петербурге, остальною, большею частью рассчитывал разжиться на юге у одного своего старого знакомого. Приходилось, значит, прежде всего отправляться в русские тропики и затем уже возвращаться на север [25]). Нужно сказать, что типографию я предполагал устроить или в самом Петербурге, или в очень близком от него расстоянии, в одном представлявшемся очень удобным для этого месте.

В это время я, между прочим, не раз встречался с Дегаевым. С ним тогда ужасно носилась петербургская группа. Кличка его «Петр Алексеевич» просто не сходила у них с языка. На меня он производил тогда довольно бесцветное впечатление, не импонируя ни особой эрудицией, ни даром слова, ни практическими способностями. Ехать на юг мне приходилось через Харьков, и меня просили завезти туда тючок литературы (почти исключительно уже напечатанная брошюра по поводу коронации). В Харькове мне и без того нужно было остановиться, чтобы повидаться со своей спутницей Чемодановой, находившейся в тех краях.

Я как-то поневоле остановился так долго над этим эпизодом, так и оставшимся только в проекте, а потому для вас мало интересном. Но уже ничего не поделаешь: раз будятся какие-нибудь воспоминания, они сами уже против воли заполняют мысли и чувства. Этот же эпизод мне особенно памятен, потому что, рассуждая теперь a posteriori о прошлом, готов пожалеть, что разные обстоятельства и условия отвлекли меня в другую сторону от за-

думанного. Шансы на его успех были значительные, а в результате того дела, которое отвлекло меня, оказался почти нуль, потому что налетевший впоследствии провал и погром как косою срезал весь итог почти полуторагодовой работы как раз в тот момент, когда наступала пора пожинать плоды ее.

Я понемногу увеличиваю размер еженедельных записок, начав с двух восьмушек и дойдя уже до целого листа. Собственно говоря, было бы, пожалуй, производительнее, если писать, то писать уже с большей обработкой, а не так отрывочно и беспорядочно, как это выходит теперь. А пока, чтобы писание все-таки не пропадало совсем после прочтения, вы не уничтожайте его и возвращайте назад—теперь это довольно удобно.

Сейчас прочел о земцах, в некотором отношении полу-героях [26]). А вот вы только-что недавно в конец забраковали их. Нет, нет, а по-немногу, может быть, и выплывет что-нибудь живое, более отзывчивое к запросам жизни и менее холопское.

С. И.

VII.

Путь мой из Петербурга на юг лежал через Москву, но по рассказам приезжих, там шло такое столпотворение вавилонское, такая разнузданная полицейская оргия, что заглядывать туда в этот момент без особой нужды значило просто искушать судьбу. Москва, как я говорил, охранялась и очищалась всяческими способами явной и тайной полицией, казаками и добровольческими дружинами. Всю ее, Белокаменную, перетрясли от подвалов до чердаков, все мало-мальски сомнительное и неблагонадежное изгонялось без всякого милосердия. Университет и Техническое Училище (кажется, и Петровская Академия) были закрыты с начала мая (одни экзамены заблаговременно наскоро формировались, другие были отложены до осени, а некоторые и вовсе отменены на этот год в виде коронационной милости), и студенчеству, в огромном его большинстве, предложено выехать из Москвы. Полицейские власти при этом не скупились и не имевших денег на дорогу снабжали деньгами и билетами. Тем же, кому ехать было некуда, выдавали деньги на наем дачных квартир в окрестностях Москвы, чтобы сбыть их с места ко дню «священного коронования». Еще хуже приходилось приезжим и проезжим, казавшимся мало-мальски подозрительными. С одним моим земляком, петербургским студентом, остановившимся в Москве проездом на сутки, разыгралась следующая история. Шел он в свои меблированные комнаты, неся в руках за веревочку сверток с чаем и сахаром, только что купленным в магазине. Идет себе и помахивает свертком, как вдруг подходят к нему два штатских суб'екта с вопросом, что несет он в руке, и с предложением показать им содержимое. Тот, естественно, и изу-

мился и обозлился, послав их к чорту, в ответ на что ему предложили отправиться немедленно в полицию, грозя в противном случае призвать свистком полицейских и пустить в ход силу. Земляку моему пришлось прогуляться под их конвоем в полицию, где сверток был расследован, сам он обыскан и хотя ничего подозрительного найдено при этом не было, но все же его задержали (должно быть, в качестве студента и за проявленную строптивость), повезли в занимаемый им номер и произвели там обыск, тоже не давший положительно ничего. И все же ему предложили немедленно выехать из Москвы, грозя в противном случае высылкой. Нужно сказать, что он был человек абсолютно «чистый», из категории занимающихся наукой студентов, жил в известном Поляковском общежитии и, несмотря на все это, попал на подозрение за вольное обращение на улице с несенным им свертком. Вообще подобных случаев было, очевидно, весьма достаточное число, по крайней мере, я один слышал о нескольких подобных. Несколько человек, взятых пред самой коронацией, так и не успели выслать из Москвы и продержали в тюрьме все время коронационных празднеств, а по окончании их спокойным манером, честь-честью, выпустили на вольную волю, а когда один из них выразил при этом свое неудовольствие на подобное незаконное лишение свободы, ничем не об'ясненное (их и не допрашивали, конечно, ни о чем), ему с улыбкой ответили: «Да вы лучше уходите по-добру, по-здорову, чего же вам еще надо? Разве лучше было бы, если бы вас успели отправить подальше, откуда вам пришлось бы возвращаться на свой собственный счет, да и то, предварительно испросив еще на это надлежащее разрешение?». Интересна еще одна полицейская предохранительная мера во время коронационных празднеств, которая, впрочем, кажется, не была официально включена в число обязательных полицейских постановлений, изданных и распубликованных на тот случай,—на это у полицейского начальства хватило смысла (не ручаюсь, однако, что оно не было об'явлено открыто),—ее распространяли через городовых, дворников и вообще низших чинов полиции, а именно: предложение вообще всем, во избежание каких-нибудь неприятных случайностей, не брать с собой на улицу палок, зонтиков и тому подобных предметов. Опасались, очевидно, чтобы в них не были запакованы какие-нибудь метательные снаряды *).

*) Это мероприятие не было, впрочем, нововведением, измышленным московскими охранителями. В 1882 г., во время путешествия Александра III с семейством по Волге, перед приездом его в Кострому и Ярославль, в обоих этих городах были расклеены полицейские постановления, запрещающие публике выходить на улицу на встречу в *цилиндрах* (!!), с палками и зонтиками в руках. Мне рассказывали потом очевидцы, что полиция прямо мотивировала это боязнью, что в этих вещах, особенно в *цилиндрах*, могут быть запрятаны бомбы. В Костроме же тоже проделали тогда вышеописанную московскую процедуру. Все проживавшие там под надзором административно-ссыльные (Зайчневский, Берви, Ивановская и др.) были заблаговременно арестованы и продержаны

Много можно было бы, наверное, перечислить подобных эпизодов, стоящих огласки, если бы кто-нибудь задался тогда целью собрать и опубликовать их. А, право, стоило бы сделать это. Правительство поспешило издать сборник—описание коронационных торжеств, а в pendant к этому было-бы недурно показать и обратную сторону медали. А между тем, все эти курьезы, не лишенные своего рода трагикомизма, могущие иметь в свое время сенсационное значение, так и пропали даже для потомства в качестве материала, характеризующего правительственные настроения того момента. Мне и по дороге в Харьков приходилось не раз слышать в вагоне всякие суды и пересуды фантастического характера по поводу коронации и тех опасностей, среди которых она должна совершиться. Между прочим, я слышал старый рассказ, циркулировавший по Москве еще в начале 82 г. и теперь снова воскресший, о том, что революционеры в ожидании коронации сняли подряд на освещение электричеством храма Спасителя и заложили в нем мины, которые должны были взорвать царя со всем семейством во время посещения им этого храма.

Вообще, атмосфера тогда была довольно-таки напряженная, настроение тревожное, а правительственные мероприятия, предпринимавшиеся несмотря на обнадеживания Судейкина (а также несмотря и на то, что царю и Толстому было известно о существовании и роли Дегаева), еще более усиливали это настроение. Особенно сгущалось все это, разумеется, в столицах, ослабевая по направлению радиусов, расходящихся из этих центров. Нужно сказать, что в Петербурге коронация ознаменовалась одним уличным эпизодом, носившим, впрочем, скорее антиреволюционный или, вернее сказать, патриотический характер. На Невском, около одного дома, особенно роскошно убранного венками, коврами, вензелями и царскими портретами, собралась большая толпа простонародья, кото-

тюрьме до от'езда царя. Произошел тогда же в Ярославле небезынтересный инцидент (оставшийся, впрочем, только в проекте, но все же характеризующий несколько это время), о котором я, может быть, упомяну после. См. на след. стр. [27]).

Вот еще один эпизод из эпопеи охранительных мероприятий этого времени. Весь путь следования из Петербурга в Москву был охраняем войском, расположенным по линии Николаевской жел. дороги на расстоянии 606 верст. Эта линия была разделена на участки, порученные отдельным частям войск, и беспрерывные цепи часовых, расставленных друг от друга на расстоянии от 300 до 500 шагов, тянулись, таким образом, от Петербурга до Москвы. В день следования царского поезда было приостановлено движение всех судов и лодок по рекам и речкам, над которыми находятся железнодорожные мосты. На этих последних были расположены особые посты. И вот на Волзовском мосту разыгрался следующий трагический эпизод. Незадолго до прибытия к мосту царского поезда на реке показались 2—3 сцепленные плота сплавочного леса, плывшие по течению под мост. На плотах находился мужик-сгонщик. Когда плот приблизился к мосту, часовой окликнул с требованием остановиться. Но исполнить это требование было трудно. Плот продолжал плыть, и тогда часовой приложился и положил на месте плотовщика.

рая с криками «ура» стала требовать, чтобы все проходящие снимали шапки, набрасываясь на всех, одетых по-европейски. Впрочем, и на под'ехавшего полицмейстера, отказавшегося по первому требованию толпы скинуть шапку, тоже набросились, стащили с пролетки, и он едва-едва успел укатить во-свояси. Толпа состояла из мастеровых, лабазников и т. п. не по-европейски одетого люда. Ходили слухи, что сама полиция натравливала толпу на интеллигентных по виду прохожих. Так ли это было, не ручаюсь, хотя вероятнее, что это просто был пьяный разгул расходившейся черни, не без подстрекательства, может быть, кой-кого из явной или тайной полиции.

С коронацией, впрочем, давно пора покончить. Заговорил я об ней только между прочим, для иллюстрации, а если вспомнить разные подобные эпизоды, можно написать и в 3—4 раза больше. Возвращаюсь к моей поездке.

До Харькова, об'ехавши Москву, я добрался вполне благополучно. Сделаю еще одно отступление, специально для вас, как для сына юга и его горячего патриота. До того времени дальше Москвы на юге я не бывал и теперь впервые познакомился с его природой и типами населения, и такое знакомство, открывающееся постепенно при движении с далекого севера, и притом весною, производит очень оригинальное, интересное впечатление. Выезжая из Питера, я оставил его почти голым, без листвы и зелени, а затем далее, особенно за Москвою, стала надвигаться весна юга в лучшей своей поре,—так и бежит она к поезду навстречу. От'едешь сотню, полторы сотни верст и вместо голых ветвей деревьев встречаешь зеленые их шапки. Попадаются яблони в цвету, а затем уже и отцветшие, белые гроздья черешен и вишен, на лугах трава по пояс, вместо чуть-чуть пробивающихся еще былинок севера, а вместо привычных деревенских срубов изб забелели кое-где малороссийские мазанки. Погода стояла прекрасная, и я почти все время не сходил с платформы вагона, скидывая постепенно теплую одежду. Впрочем, нужно сказать, что, по моему мнению, именно эти места, занятые черноземными губерниями: Курской, Харьковской, Воронежской, Полтавской, Киевской и югом Черниговской—гораздо привлекательнее по своей природе идущей далее за Харьковом степной полосы (самых красивых мест юга—Крыма, Кавказа—я не видал). По крайней мере, на меня, северянина, эта бесконечная степь, то распаханная, то выжженная солнцем, этот ровный простор, на котором глазу и остановиться не на чем, почти полное отсутствие лесной зелени,—производили довольно-таки унылое впечатление.

Добравшись до Харькова, я разыскал там адресата, которому должен был вручить посылку с литературой, а также письмо, которым Дегаев снабдил меня в Петербурге. Адресат этот, к моему удивлению и удовольствию, оказался моим старым знакомым по

Московской пересыльной тюрьме, где мы прожили вместе 3—4 месяца в конце 81 и в начале 82 г. Это был Владимир Бычков, застрелившийся потом при аресте в Томске осенью того же 83 г. Скажу, кстати, и о нем несколько слов: вам, по всей вероятности, не безынтересно знать кое-что из жизни лиц, попавших в революционный мартиролог. Бычков, студент Киевского Университета (брат его—офицер, сосланный в Сибирь, о котором вы сообщали [28]), в 80 и 81 г.г. принимал деятельное участие в киевских революционных делах. Арестованный в 81 г., кажется, весною, он был привезен осенью этого же года в Московскую пересыльную тюрьму, для дальнейшей отправки административным порядком в Восточную Сибирь. (В это время политические, как и уголовные, отправлялись из Москвы в Сибирь лишь партиями с мая по сентябрь, так что большинству приходилось зимовать в пересыльной, ожидая 6—7—8 месяцев своей отправки). Между прочим, с ним произошел там эпизод, благодаря которому он чуть-чуть не породнился духовно с московским губернатором. Приехала к нему в Москву для свидания невеста, и они собирались повенчаться, для чего ей, как еврейке, нужно было предварительно окреститься, а для венчания испросить разрешения Главного Тюремного Управления и Московского губернатора. Разрешение было получено, а губернатор сам предложил себя невесте в крестные отцы, найдя и крестную мать в лице какой-то сановитой княгини. Все дело было на-мази, и мы собирались уже отпраздновать тюремную свадьбу, как вдруг Бычкова внезапно увезли назад в Киев: там открылось за ним новое дело, и результаты расследования могли окончиться очень неблагоприятно, в виду чего Бычков бежал из киевской тюрьмы [29]), кажется, в конце 82 или в самом начале 83 г. и в качестве нелегального устроился в Харькове. После ареста в Харькове В. [В. Н. Фигнер] и др. в феврале 83 г., он остался там во главе местных революционных дел.

Неожиданная встреча эта обрадовала обоих нас, как старых знакомых. Вообще в таких условиях натолкнуться невзначай на знакомого человека (разумеется, не на такого, от которого предпочтительно прятаться) бывает особенно приятно. В такую минуту как будто сбрасываешь с себя оболочку вечно меняющегося хамелеона и становишься самим собой. Впрочем, и это, конечно, дело привычки, и впоследствии я так освоился с положением, изобилующим разными метаморфозами, что совсем позабыл о своей подлинной личности и, арестованный после трехлетней слишком нелегальной жизни, долго не мог освоиться с употреблением своего настоящего имени и фамилии.

В Харькове я пробыл дней 6—7, проводя с Бычковым большую часть времени. Приходилось, конечно, побывать почти во всех местных революционных квартирах (кроме типографии), правда, очень немногочисленных, и видеть почти весь комплект тамошних

революционных сил из молодежи, и это-то незначительное обстоятельство послужило одной из главных причин, полонивших на юге меня, случайного приезжего с севера. Прочитав привезенное мною письмо, Бычков, смеясь, предложил и мне прочесть его. В нем его просили, чтобы он устроил мне нужное свидание, а затем предупреждали, что, в силу моего отказа от сделанных мне в Петербурге предложений, я представляю в данную минуту человека, «непричастного к нашему делу». Тем не менее, из первых же наших разговоров для меня выяснилось довольно ясно революционное положение юга. То же, что и на севере я вынес из собственных наблюдений, здесь я узнал непосредственно из слов Бычкова, который не считал нужным скрывать фактическое положение пред своим старым знакомым. Я застал его уже с готовым решением покинуть Харьков и ехать в Сибирь. Ближайшею, непосредственною целью его поездки было устройство побега его невесты, сосланной административным порядком в Томскую губернию: попутно с этим он имел в виду заняться организацией пути вообще для бегства из Сибири. Бычков сильно уговаривал меня присоединиться к нему и отправиться вдвоем в эту экспедицию, но склонить ему меня на это не удалось. Меня удивило это решение: уезжать в такое далекое путешествие человеку, руководящему всеми делами большого района, и притом тогда, когда, по его словам, он тут почти один, имея только единственного помощника в лице Немоловского (Немоловский, арестованный вскоре по процессу Веры [Фигнер], умер здесь, кажется, в 86 г. [30]),—казалось мне делом вовсе неподходящим. Тут-то он высказал все, что у него было на душе. По его словам, собственно говоря, и руководить-то было нечем. Никакого дела в данное время нет и в будущем его не предвидится, а теперь приходится поддерживать только видимость несуществующего дела такими способами, которые ему самому противны. Организация не только разгромлена, но фактически уже почти не существует. Детально про Петербург он знал меньше меня, а в общем же знал, что и там ничего нет. Центр прежней организации, не считая уехавших за границу и на возвращение которых нет надежд, как бы умер естественной смертью с арестом последних своих членов. Местные группы почти растаяли, и теперь последние их остатки вымирают, благодаря то арестам, то устранениям от дела уцелевших членов. От многочисленной киевской группы, по его словам, осталось всего 2 человека, да и те тоже покинут ее не сегодня-завтра. В Одессе, кроме отдельных лиц, уцелевших от погрома, нет ничего. В Харькове остались он и Немоловский и еще 2—3 нелегальных, не пригодных для пополнения группы, долженствующей взять на себя организаторскую работу. Существует в Харькове одна организация[31]) из нескольких человек, но в виду ее специального назначения и подбора, она является почти бесполезной и при таком положении и отсутствии общей организации те-

ряет всякий raison d'être (смысл) своего существования. И при такой бедности недавно убыло из Харьковской группы два члена: один уехал за границу, другой, повидимому, вовсе ушел от дела. Нет людей, нет средств, и, в довершение всего, Харьков такая яма, из которой он давно стремился вырваться.

Совершенно естественно и понятно, как должно влиять такое настроение на энергию человека и куда тянет оно его мысли. От таких мыслей до неуверенности и сомнения в себе самом и в своих силах один шаг. Так оно и было тут. Безотрадность общего положения порождала пессимизм, направленный на самого себя. Неудачи и погромы, настоящая причина которых оставалась часто неизвестной, вызывали, с одной стороны, преувеличенное представление о полицейском всемогуществе, с другой,—самокритику, и, как следствие ее, сомнение и неуверенность в своих силах и способностях. На меня, не испытавшего еще на своем собственном опыте тяжесть таких потерь и бесплодность усилий добиться хоть небольших результатов, это не производило такого удручающего впечатления, но Бычков был охвачен им уже вполне. Не раз в разговорах прорывались у него мысли и слова, что он чувствует себя неподготовленным ни теоретически, ни практически к тому положению, в котором он очутился. «Как практический исполнитель разных революционных функций, я гожусь—говорил он про себя,—как воспитатель и руководитель следующих революционных поколений—плох, а для участия в руководстве политической партии—не гожусь совсем: для этого у меня нет ни необходимой теоретической подготовки, ни опыта. При отсутствии же такой партии, наши действия будут лишь эпизодические, наша война—партизанская и случайная».

Я коснулся несколько подробно этого чисто личного воспоминания не без цели. Случай этот и подобное настроение не были единичными; скорее их можно назвать типичными для этого момента. Человек остается революционером, не отказывается даже от революционной практической деятельности, но бежит от ответственного положения члена руководящей организации. Я мог бы привести много и много подобных примеров. Нечто аналогичное тому, что говорил Бычков, я слышал потом от другого члена харьковской группы, отошедшего от дела еще до моего появления на юге: та же ссылка на неподготовленность в руководящие роли, недостаточность теоретического образования и вместе с тем готовность исполнять отдельные поручения, что действительно и делал человек, о котором я говорю. Киевская группа, как это и предсказывал Бычков, на самом деле скоро совсем рассыпалась и прекратила свое существование. Одного из бывших членов ее впоследствии мне удалось перетащить в Харьков из далекой провинции, где он засел. Характерно то, что, оставшись в России, после моего от'езда за границу, он не выдержал и месяца и переехал в Париж с тем,

чтобы уже не возвращаться в Россию [32]). Другого члена киевской группы я разыскал в Петербурге, куда он перебрался на жительство, но нашел его стоящим вне тамошней революционной сферы. При каждом моем посещении Петербурга я виделся с ним в качестве моего личного знакомого, и каждый раз мои посещения действовали на него возбуждающим образом в смысле решения снова взяться за дело, для чего я каждый раз знакомил его с кем-либо из местных деятелей. Тем, однако, дело и кончалось до следующего моего приезда. А человек этот между тем был энергичный, бывалый и способный (его знали, кроме меня, еще кое-кто из здешних—Поливанов, Базиль [В. Иванов]) [33]). Вообще, в это время случаев подобного устранения себя полного или в известных пределах от революционной деятельности не перечесть. Почему это случалось? Чем об'яснить подобное явление [34]), не повальное, конечно, но все же сильно распространенное? Некоторые причины для меня понятны, но теперь не место говорить об этом, и я впоследствии, может быть, скажу кое-что по этому поводу. Пока же ограничусь констатированием фактического положения, которое в общем было таково. С гибелью центральной организации местные группы больших городов очень скоро постигла такая же участь: старые члены частью арестовывались, частью, как я говорил, уходили, а приток новых членов совершенно прекратился. С прекращением существования этих групп в больших городах остались или отдельные лица, или небольшие кружки, очень слабо организованные и не связанные между собой. Что касается более мелких провинций, там дело обстояло, конечно, еще хуже. Каких-нибудь местных организованных групп там и в лучшее время почти не существовало, и провинция жила связями с большими городами или районами, лучше поставленными в этом отношении. А с дезорганизацией революционных групп последних, провинциальные группы очутились вполне изолированными, что в свою очередь послужило началом или их распадения, или прекращения ими всякой работы. Люди сложили руки в ожидании чего-то и совершенно замерли.

Прожив в Харькове дней 6, я отправился далее по своему пути на юг—в Екатеринослав. Туда же (решился) заехать и Бычков уже по дороге в Сибирь, и мы условились встретиться там еще раз. Он все еще надеялся соблазнить меня идеей Сибирской экспедиции.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. «Сенатскими ведомостями партии» Спасович назвал «Народную Волю» в своей речи на процессе Г. А. Лопатина, С. А. Иванова и др.

2. С. А. Иванов говорит о своем побеге из Кургана, который имел место в декабре 1882 г. (см. «Chronique du mouvement socialiste en Russie», фр. изд., стр. 449).

3. Мих. Пав. Овчинников, бывший подсудимый по делу 50-ти, к этому времени бежавший из ссылки и примкнувший к «Народной Воле»; им напечатаны об этом периоде своей жизни воспоминания в журнале «Сибирская Летопись» за 1916 г.; см. о нем также статью Кубалова и Сухомлина в «Каторге и Ссылке», №№ 5 за 1924 г. и 3 за 1926 г.

4. Н. К. Паули—народоволец, затем эмигрант, один из основателей «Аграрно-социалистической лиги» (в последний период своей деятельности (в 90 г.г.)—провокатор).

5. М. Ю. Ашенбреннер, арестованный в марте 1883 г. в Смоленске и бывший перед тем в Минске. Во главе минского офицерского кружка стоял Чечот (см. М. Ю. Ашенбреннер: «Военная организация Народной Воли и др. воспоминания», Изд. о-ва политкаторжан. Москва, 1924 г., стр. 170.

6. Об этих рабочих кружках в Минске см. воспоминания И. З. Гурвича: «Первые еврейские рабочие кружки» («Былое», 1907, № 6) и И. Гецова: «О минской типографии «Черного Передела» (Сборник «Группа Освобождения Труда», т. 1).

7. Повидимому, С. А. Иванов говорит о тех самых «правилах и инструкциях», которые напечатаны М. Е. Федоровым в статье «Московский Отдел Священной Дружины» («Голос Минувшего», № 1—3 за 1918 г., стр. 175 и сл.).

8. Это была типография, устроенная в доме № 30 по Ковенскому переулку и просуществовавшая только с 1 по 7 мая ст. ст.; Н. К. Паули жил в ней по паспорту И. И. Нарбекова, С. А. Иванов—П. Н. Трофимова. Приходящим техником, о котором пишет дальше С. А. Иванов, был, повидимому, Ст. Ал. Андржейкович (см. «Обзор важнейших дознаний» за время с 1 января по 1 июля 1883 г., стр. 56—58).

9. Возможно, что П. Ф. Якубович.

10. С. А. Иванов говорит, повидимому, о статье «Чего ожидать от коронации», которая была отпечатана упомянутым выше С. А. Андржейковичем на его квартире; он проживал под именем Баженова в д. 19 по Рижскому проспекту и был арестован 1—13 июня 1883 г. («Обзор» за 1. I—1. VII 1883 г., стр. 57).

11. К этому месту письма С. А. Иванова рукою В. Н. Фигнер сделана приписка: «нет, в апреле или мае 82 г.» (на самом деле типография эта,—в ней работали Г. Чернявская и Суровцев,—арестована 18—30 июня 1882 г.).

12. Из Автобиографии П. С. Ивановской («Энциклопедический словарь», изд. Гранат, прил. к тому 40: «Автобиографии революционных деятелей 70—80 годов», стр. 161) видно, что типографию поставить тогда предполагалось в Риге; в Витебске же только хранился шрифт, вместе с которым там и была арестована П. С. Ивановская.

С. А. Иванов ошибочно называет номер «Народной Воли», для печатания которого все эти типографии налаживались, девятым,—речь идет на самом деле о № 10 (№ 8—9 вышел двойным в феврале 1882 г.).

13. Арестована 18—30 декабря 1882 г.

14. Крылов-Воскресенский и его жена Анаст. Осинская (сестра известного Валериана Осинского) были арестованы 22 июня (4 июля) 1883 г., при чем у них был найден ручной типографский станок, 10 п. шрифта и т. д.

15. С. А. Иванов, повидимому, имеет в виду типографию, существовавшую в январе—марте 1884 г. в Петербурге на Лиговском канале, главной работницей в которой была С. А. Сладкова.

В его списке пропущена известная «летучая типография Народной Воли» Шебалиных (Петербург), в которой изданы №№ 1 и 2 «Летучих Листков Народной Воли» и несколько других изданий. Ред.

16. Киевская типография Шебалиных была ими устроена на квартире В. В. Щулепниковой и предназначалась сначала для печатания не № 10 «Народной Воли», а № 1 «Социалиста»; затем частично перенесена на квартиру Шебалиных; арестована 4—16 марта 1884 г.

17. Эта типография была организована при активном участии самого С. А. Иванова на квартире Раисы Кранцфельд и Захара Васильева, проживавших тогда под фамилией Марковых (О работе этой тип. см. воспоминания Баха в «Былом» за 1907 г.). Октябрьский 1884 года провал (Лопатин и др.) типографию не затронул, но она тоже была ликвидирована, при чем большая часть ее оборудования была использована в следующем году для постановки таганрогской типографии Сигиды, Тринидатской и др. (арестована 24 января—5 февраля 1886 г.), в которой был напечатан № 11—12 «Народной Воли».

18. Эта типография случайно была обнаружена полицией 6—18 февраля 1885 г. после смерти студента Вл. Переляева, на квартире которого она помещалась. № 10 «Народной Воли» в ней был напечатан в августе 1884 г. в количестве 1200 экземпляров; главным организатором типографии был П. Ф. Якубович; работали в ней, кроме Переляева, студенты Дерптского Ветеринарного Института Иванов и Новиков («Обзор» за 1885 г., стр. 6—7).

19. Подписи А. П. Мальчинского (С. А. Иванов его фамилию пишет не совсем правильно) на «Вольном Слове» не стояло, но во всех сношениях газеты за первый период ее существования он выступал, как ее редактор, и имя его скоро было названо в печати, во время разгоревшейся вокруг газеты полемики.

Сведения об его роли, даваемые С. А. Ивановым, не во всем точны,—по этому вопросу теперь имеется обширная литература; в частности не верно его указание, что Мальчинский был агентом Судейкина,—он был агент «Священной Дружины».

20. Всего «Вольного Слова» вышло 62 №№.

21. Окончание письма в архиве не имеется.

22. Возможно, что речь идет о С. Н. Кривенко.

23. Сергей Алексеевич Приклонский (1846—1886)—автор едва ли не первых появившихся в легальной печати статей о положении административных ссыльных: «Очерки административной ссылки» (в «Русских Ведомостях» за 1880—81 гг.), именно о них говорит С. А. Иванов.

24. В этом последнем случае С. А. Иванов говорит, несомненно, о Грекове, секретаре газеты «Новости», который был связан с народовольческой организацией (арестован 20 апреля 1884 г.) выдавал, судился, осужден, помилован и отправлен в Ташкент на службу.

25. Так как в дальнейшем С.А. Иванов целью этой своей поездки называет Екатеринослав, где, следовательно, он и должен был найти человека, от которого он надеялся получить деньги для задуманного им журнала, то есть все основания предполагать, что он имел в виду Кузьму Котова, с которым он был знаком по ссылке в Шенкурске, и который действительно в 1883 г. дал ему значительную сумму денег (см. К. Котов: «Записки Землевольца», Кременчуг, Госуд. Изд. Украины, 1925 г., стр. 132—133).

26. Замечание С. А. Иванова относится к какому-то из оппозиционных выступлений земцев,—к какому именно, установить не удается. Карпович на это замечание Иванова реагировал репликой:«??!! Караул!!»

27. Ни на следующей, ни на дальнейших страницах об этом «Ярославском инциденте» не говорится ни слова.

28. У Вл. И. Бычкова было два брата: Ал. И., судившийся в 1883 г. в Киеве по делу о принадлежности к народовольческим кружкам, автор воспоминаний в «Былом», № 8 за 1907 г., харьковской «Летописи Революции», №№ 2 и 3 за 1924 г. и др.,—он офицером не был (о нем см. «Каторга и Ссылка», № 7 за 1925 г., стр. 225; «Кара и др. тюрьмы Нерчинской каторги», стр. 234 и др.). и

Евг. Ив., служивший в начале 80-х г. г. прапорщиком в 48 резервном батальоне в Киеве. С. А. Иванов говорит о последнем. Фамилия невесты В. И. Бычкова, о которой идет речь ниже,—Наталья Баранова (ее называет А. И. Бах,—см. «Былое», № 1 за 1907 г., стр. 134).

29. К этому месту В. Н. Фигнер сделана приписка: «Подробности может сообщить Баз.», т. е. В. Г. Иванов, который сам вскоре после Бычкова бежал из той же киевской тюрьмы (история побега Б. И. Бычкова описана его братом в «Былом», № 8 за 1907 г.: «Побег» и др.).

30. Немоловский, А.—умер 29 марта ст. ст. 1886 г. в Шлиссельбурге.

31. К этому месту В. Н. Фигнер сделала приписку: «боевая группа». Речь идет, несомненно, о группе Антонова, Бердичевского и др., которая вскоре перешла к организации экспроприаций.

32. Речь идет, повидимому, об А. Н. Бахе.

33. Речь идет, повидимому, о Кржеминском (см. В. Н. Фигнер «Запечатленный труд», т. I,стр. 270, о А. Н. Бах в «Былом», № 2 за 1907 г., стр. 192 и др.). К этому месту В. Н. Фигнер сделала большое примечание, в настоящее время не полностью поддающееся прочтению, так как карандаш местами стерся, но смысл которого ясен:

«Отлично Сергей написал... такие же впечатления всего последнего года моей жизни (82 и...) и некоторые признаки были уже в 1881 году. Надо сказать, что Бычков был очень молод; с виду ему было лет 20,—так молод, что после бегства он явился ко мне в Харьков в форме гимназиста, и она как раз подходила к его наружности.—Сергей об'ясняет это общее настроение вредным влиянием централизации Исполнит. Комитета».

Та часть этого замечания, которая относилась к Бычкову, вызвала ответную реплику С. А. Иванова: «Вера ошибается: Бычков не был так молод: он был моим ровесником, если не старше меня,—лет 25—26».

М. Шебалин.

Киевский процесс 12 народовольцев в 1884 г.

(Из воспоминаний участника).

I.

В начале ноября 1883 г. мне и жене моей (Праск. Фед. Богораз) предложено было петербургским комитетом «Н. В.» после конференции, описанной мною в предыдущем отрывке воспоминаний[1]), выехать в Москву для того, чтобы не подвергаться риску провала при той тревоге, которая, как мы, конечно, ожидали, будет вызвана террористическим актом над Судейкиным.

Ни я, ни моя жена не знали еще тогда главной подкладки и подробностей организации этого акта,—но мы знали, что «Петр Алексеевич» (псевдоним С. П. Дегаева) примет активное участие в деле убийства Судейкина, и, так как в нашей помощи не было нужды, то естественно было уехать из Питера. Москва выбрана была потому, что там предполагалось снова развернуть нашу типографию. Помнится, говорили, что после тех передряг, полицейских строгостей, обысков и даже высылок, которыми начальство подготовляло Москву к коронации, там наступило «успокоение», обычная московская жизнь с полицейским надзором, не столь строгим, как в Питере. Мы с женой должны были, вступив в сношения только с одним лицом из местной организации, ознакомиться с местными условиями, найти квартиру, обжиться в ней и помаленьку, разыгрывая роль обывателей, наладить типографию.

Так мы и начали свою уединенную жизнь в Москве, виделись с одним или двумя из местной организации, да и то очень редко, так что ни фамилий, ни кличек теперь я не вспомню. Стали уже готовиться к постановке типографии, как вдруг приехал Дегаев, сказал, что типографию в Москве решено не устраивать, и предложил нам уехать за границу с тем, чтобы вернуться для устройства типографии после совершения акта над Судейкиным. Оба мы ка-

[1]) См. «Народовольцы после 1 марта 1881 г.» т. I, стр. 40—49; издательства Политкаторжан, 1928 г.

тегорически отказались ехать за границу, так как считали и себя, и наш паспорт абсолютно «чистыми». Дегаев был очень недоволен нашим упорством, но согласился, чтобы мы выехали из Москвы в Киев. Итак опять пришлось сняться с квартиры, ехать в Киев, где мы должны были, опять-таки по уговору с Дегаевым, нанять хорошую, годную для типографии квартиру, с местными членами организации поддерживать только самые необходимые связи, не пускаться в местные дела и ждать распоряжений из Питера.

Приехав в Киев и заняв временно комнату «от хозяйки», мы узнали от Корниенко, явившегося по паролю, что недавно произошел большой «провал»—арестованы Присецкий, Малеванный и другие. Это заставило нас быть сугубо осторожными. Мы не только не стремились к встречам с местными деятелями, но и с моими личными знакомыми, которых было довольно много в Киеве среди студентов и студенток, так как я окончил Каменец-Подольскую гимназию, я решил по возможности не встречаться.

Так очень уединенно жили мы, пока, вскоре после официального известия об убийстве Судейкина, к нам не явился Конашевич, непосредственный участник этого акта, приехавший в Киев тотчас после его совершения. Конашевич, во-первых, сообщил нам, что он пришел к нам вместо Корниенки, который недавно арестован, во-вторых, рассказал, как было организовано дело с Судейкиным и как оно совершилось. Рассказывал он долго и подробно; повторять его рассказ здесь не стоит, так как дело Судейкина достаточно освещено в исторической литературе. Но тогда мы впервые из его рассказа узнали о близости «Петра Алексеевича» (Сер. Петрович Дегаев) к Судейкину. Чем куплена была эта близость, мы еще не знали, а могли только догадываться. К сожалению, это первое свидание с Конашевичем было и последним: 3 января 1884 года он был арестован. Арестованы были еще Дорожинский, Лаппо и др. Захвачено было при этих арестах много вещественных доказательств: шрифт, корзинка с материалом для приготовления динамита, принадлежности цинкографии и пр.

После этих арестов, переехав на новую квартиру, я увидел, что продолжать изолированное положение стало для меня невозможным уже по одному тому, что в Киеве не оказалось лица, которое могло бы об'единить оставшиеся связи, а между тем в Киеве было трое нелегальных, именно: Щулепникова, Стародворский и Руня Кранцфельд. Приезжал в это время в Киев и А. Н. Бах, как он пишет в своих воспоминаниях (см. «Былое» за 1907 г.), но он не нашел меня; ему сказали, что я временно выехал из Киева. Должно быть, тут вышло какое-то недоразумение, ибо я, помнится, из Киева никуда не уезжал. Был проездом Сергей Андреевич Иванов, работавший тогда преимущественно в Харькове, который меня знал по встрече в Питере на квартире литератора Мих. Ал. Протопопова при неудачной попытке напечатать «Листок Н. В.».

Если не ошибаюсь, во 2-й половине января 1884 г. мы с женой решили пригласить Серг. Иванова, пользуясь его случайным приездом, и Стародворского подсчитать вместе с нами оставшиеся в Киеве после последних арестов силы и планировать дальнейшую нашу работу. Оказалось, что хотя аресты и страшно опустошили народовольческие ряды, но все же кое-что сохранилось в виде отдельных группок или даже нитей, связей. Так, сохранилась связь с Духовной Академией через Дашкевича, другая—с некоторыми студентами через Степанова, еще через Затворницкого, еще через Вадзинского и т. д.; всех теперь я уже и не вспомню. Были у меня и личные связи. Приэтом в нашем распоряжении оказалась, если не готовая типография, то все-таки довольно много шрифта и прочих типографских принадлежностей, из которых при некоторых затратах и хлопотах можно было, пополнив недостающее, создать довольно порядочную типографию. Мало того, были некоторые материалы для паспортного бюро, где-то (со временем это можно было определить) сохранились материалы для приготовления динамита и бомб. Денежные средства я на первое время рассчитывал получать из Питера, с которым у нас была тесная связь. Кроме Харькова, другие местные организации непосредственно не были с нами связаны. Мы понимали, что переживаем момент дезорганизации, произведенной «дегаевщиной», что нужно связаться с общим центром, который был за границей, и другими местными организациями. Мы знали, что дело Судейкина-Дегаева вызвало в Питере не только аресты и известную растерянность, но и тревожное недовольство заграничным центром, который руководил этим делом и был ответствен за все последствия. Разделяя отчасти это недовольство, мы все-таки признавали, как, впрочем, и питерцы и все прочие группы, первой задачей момента выпуск № 10 «Народной Воли», редактированного именно заграничным центром. Из этого и из того, что все мы ожидали приезда агентов из-за границы, видно, что авторитет старого Исп. Комитета «Нар. Воли», оставшиеся члены которого жили за границей, всеми признавался. В частности я тогда уже знал, помнится, что в Киев ко мне должен приехать из-за границы Василий Андреевич Караулов, которого так же, как и брата его Николая, я знал по Питеру. Сидеть, сложа руки, ожидая распоряжений, мы считали тем не менее невозможным, а потому решили помаленьку приступить к местной работе, а именно: 1) укрепить и наладить существующие связи среди молодежи и рабочих, 2) попытаться устроить типографию, если не для «Народной Воли», то для местного листка, 3) попытаться осуществить экспроприацию казенных денег на почте, для чего имелись уже некоторые предпосылки, напр. «свой» человек в почтамте, имелись и исполнители. Так прекратилась наша изолированность, и решено было действовать.

II.

Хозяйкой квартиры для типографии делалась Щулепникова, у нее должен был поселиться Борисович (Мартынов), который вместе с В. Панкратовым перебрался к нам из Харькова. Прасковья Федоровна (моя жена) и я должны были руководить устройством типографии и научить работать, но жить мы должны были на своей квартире. Предполагалось еще, что из Харькова приедет человек, который тоже будет работать в типографии. План этот был выполнен: нанята была довольно хорошая квартира во 2-м этаже небольшого домика, стоявшего во дворе. Помаленьку перенесли туда все принадлежности типографии, хранившиеся в различных местах, и начали работать, т.-е. учить набору и печатанью Щулепникову и Мартынова. При организации этой типографии самыми деятельными работниками были, помнится, Дашкевич и Панкратов. Первым опытом была прокламация об убийстве в Харькове предателя Шкрябы.

В этих хлопотах, в которых принимали участие, конечно, и другие члены нашей группы, мы провели остаток января и начало февраля. Не упускали мы и другие нужные дела. Панкратову, умевшему недурно резать печати, мы думали поручить паспортное бюро. Помню хорошо одно собрание, правда, очень немногочисленное, где-то на Подоле, состоявшее из учащейся молодежи и рабочих, на котором мне пришлось выступить с информацией «по текущему моменту», как сказали бы теперь. Были, конечно, такие же «выступления» у Стародворского и других. Словом, мы повели местную работу обычным порядком.

В конце января 1884 г. приехал к нам П. Ф. Якубович. Он сообщил, что № 10 «Народной Воли» будет печататься в другом месте, поэтому с его согласия мы решили использовать налаживавшуюся уже нашу типографию для печатания местного листка под названием «Социалист». «Об'явление» об этом органе киевской группы «Народной Воли» было написано М. Н. Васильевым и поступило в набор в нашу типографию. «Об'явление» это излагало всю программу «Н. В.», как эта программа понималась нами.

П. Ф. Якубович рассказал нам о том, что делалось и творилось в нашей питерской организации. Несмотря на недовольство заграничным центром из-за Судейкино-Дегаевской истории, в Питере все же старались теснее сорганизоваться около этого центра; элементы для пополнения революционных рядов и средства имелись налицо, велась работа по всем линиям, несмотря на разгром и растерянность некоторых кружков. В дальнейшем плане организационной работы Якубович выражал желание дать местным организациям большую самостоятельность, автономию, а террор приблизить, как теперь бы сказали, к массам, т.-е. не ограничиваться применением этого способа борьбы только к главным заправилам

государства, но употреблять его и против второстепенных угнетателей народа, если, разумеется, они того «заслужат» при очень строгой оценке. В этом мы были с ним согласны, и эти два пункта: «автономия» и «фабрично-аграрный террор», как их тогда окрестили, были главными разногласиями в спорах между Лопатиным и «молодыми народовольцами», происходивших уже после нашего ареста, и о которых я узнал гораздо позже. Тогда в Питере еще не успел побывать никто из заграничных агентов и, помнится, Якубович не знал еще всей подоплеки дела Судейкина-Дегаева, о котором нам рассказывал Караулов, приехавший, кажется, после того, как Якубович благополучно уехал в Питер.

Караулова, приехавшего в Киев прямо из Парижа, привел ко мне, помнится, Е. Д. Степанов, принявший Караулова по своей явке.

Караулов подробно рассказал о предательстве Дегаева, о планах Судейкина, о самом акте, об обстоятельствах совершения которого мы знали уже от Конашевича, наконец, о судьбе Дегаева, т.-е. о том, что его отправили на парусном судне в Южную Америку. Все это, всем известное, теперь не стоит здесь повторять. Относительно организационных дел никаких разногласий у нас с В. А. Карауловым не было. Хорошо помню, что я стал ему передавать все киевские связи и дела, так как он должен был остаться в Киеве, а мы с женою должны были уехать. Предполагалось, что, наладив типографию и закончив дело с экспроприацией, мы оставим его в Киеве представителем центра, а сами уедем, перейдя на нелегальное положение.

Экспроприация, для которой приезжали товарищи из Харькова, не удалась, но попытки совершить ее, к счастью, остались необнаруженными: ни на следствии, ни на суде о ней не было сказано ни слова.

Устройство типографии, подготовка к экспроприации, конечно, требовали довольно большой суетни, которая и дала возможность жандармам развить наблюдение за нами. Откуда началась слежка, ни я, ни мои сопроцессники не могли определить; но в конце февраля 1884 г. мы эту слежку заметили и стали принимать меры к «сокрытию» лиц и «вещественных доказательств». Первым делом нужно было снести типографию, очистить квартиру Щулепниковой. К сожалению, я не мог найти спешно хорошего безопасного места и, думая, что моя квартира может еще временно просуществовать, стал сносить в нее все и отовсюду, надеясь успеть помаленьку в 3—4 дня рассовать все это по другим местам. К сожалению, мы не успели даже очистить совершенно и квартиры Щулепниковой. Мартынов (Борисович), живший в этой квартире, пытался скрыться, нанял новую квартиру, но снова заметил слежку, снова пытался скрыться, но не успел, оказал вооруженное сопротивление и был арестован 3 марта. Стародворский успел скрыться, уехал в Питер

и был арестован в Москве гораздо позже нас. Руню Кранцфельд мне удалось накануне своего ареста устроить (свою квартиру она бросила), кажется, на квартире Клары Левенталь, но она снова чуть не попалась в лапы жандармов при аресте Панкратова. Он, Панкратов, приехав из Харькова, куда мы его посылали за подмогой людьми, оставил 2-х приехавших товарищей на вокзале, на другой день после нашего ареста встретился где-то с Руней; они заметили хвосты, попробовали убежать на извозчике, но были окружены переодетыми жандармами. Панкратов стрелял, ранил (слегка) жандрама, но был взят, а Руня Кранцфельд благополучно скрылась. Товарищи, приехавшие из Харькова, тоже скрылись и уехали обратно. В ночь с 3-го на 4-е марта были арестованы Шебалин, Васильев, Затворницкий, Дашкевич, Степанов, Завадовский и Щулепникова. Позже Караулов, Дирдовский и другие. Так как среди арестованных оказалось 4 нелегальных, а у нас на квартире и у Щулепниковой нашли много шрифта, оружие, документы и шифрованные письма, Новицкий придавал большое значение нашему делу и всем ранее арестванным в Киеве (Малеванному, Присецким и комп., Лаппо, Дорожинскому и комп.), из которых некоторым он угрожал военным судом, другим об'явил, что их дела будут решены административно, а наше пойдет на суд. Это же вскоре он сказал и нам.

III.

Ведя дознание по столь «важному» с его точки зрения делу, Новицкий старался изолировать нас 4-х, именно: Караулова, Панкратова, Борисовича (Мартынова) и меня. Содержал он нас при Старокиевском участке, где у него был изолированный коридор с 6 или 8 камерами; всех прочих он держал в тюрьме, где были тогда довольно сносные порядки. Но несмотря на его старания, мы скоро стали сноситься друг с другом не только стуком и записочками, а и прямо стали разговаривать между собою в открытые форточки дверей. От скуки я стал даже давать уроки геометрии и алгебры Панкратову и Мартынову [1]). Но, разумеется, этой возможностью мы главным образом воспользовались, чтобы сговориться о нашем «деле», о нашем поведении и наших показаниях.

Ясно было, что мне, Панкратову и Мартынову нечего было отрицать свою принадлежность к партии «Народная Воля», а дальней-

[1]) Главное затруднение при этих уроках, заключавшееся в том, что мои ученики не могли видеть чертежа, который я делал, мы побороли следующим образом. Нужную фигуру (треугольник, угол и пр.) я делал из палочек или пальцев и ставил в открытой форточке двери. Теневую проекцию этой фигуры, падавшую на противоположную стену (все камеры были по одну сторону коридора, а по другую была глухая стена) видел из своей форточки Панкратов, делал в свою очередь такую же фигуру, тень которой видел уже и Мартынов. Они записывали эту фигуру на свои тетради, и я мог об'яснять теорему, так как одна и та же фигура была перед нашими глазами.

шие показания давать постольку, поскольку это могло быть полезно для других наших сопроцессников, которым обстоятельства дела позволяли защищаться, не признавая свою принадлежность к революционной партии. Так, Караулов, несмотря на то, что был арестован нелегальным, только-что приехавшим из эмиграции, мог не признавать свою принадлежность к партии, об'ясняя свой от'езд из Питера, где он работал только в политическом «Кр. Кр.» (как он утверждал), интригами Дегаева, за которым стоял Судейкин, а возвращение—желанием легализироваться, так как за границей он не мог и не желал оставаться. Все это он, разумеется, излагал не в двух словах, а давал подробные об'яснения, при чем вел их очень умело, не вредя никому, многое приписывая провокационной, двойственной работе Дегаева, прикрываемого Судейкиным. Могу удостоверить это еще потому, что он давал мне (разумеется, конспиративно) читать свои показания, которые он писал с дозволения Новицкого у себя в камере.

Всего меньше улик было против Степанова и Завадовского. Их уличали исключительно показания жандармских унтер-офицеров, следивших за ними переодетыми в штатское платье. Показания эти примерно были таковы: «Такого-то числа Степанов и Затворницкий встретились на такой-то улице с Шебалиным или с Стародворским» или «Стародворский приходил такого-то числа на квартиру, где жили Степанов и Завадовский». Подобного же рода улики были и против Затворницкого с тою, впрочем, существенной разницей, что ему вменялось в вину еще то, что Стародворский жил одно время в Киеве под фамилией студента Мицкевича, который показал, что матрикул свой, уезжая на зимние каникулы, он оставил у своего товарища Затворницкого,—следовательно, заключало обвинение, Затворницкий передал матрикул Стародворскому, значит, он его укрывал, значит, Затворницкий член партии и т. д.

К счастию не только тех лиц, против которых были такие улики, но к счастью и всех нас, у следователей не было «внутреннего освещения» по нашему делу, не было ни откровенных, ни провокаторских показаний. Таким образом, следствие не имело ни малейшего понятия о настоящей роли даже таких лиц, как Щулепникова, против которой были улики, что она жила нелегально, и на квартире ее найдены некоторые типографские принадлежности, или Дашкевич, против которого приводился факт обнаруженного в Духовной Академии под лестницей склада нелегальных вещей. Не было у следователя показаний, что действительно этот склад устроен Дашкевичем, а не другим кем-либо, что Щулепникова действительно сама хотела, как и было на самом деле, быть хозяйкой типографии, а не принуждена была, как мы старались уверить следствие, семейной неурядицей с деспотическим отцом жить нелегально и подчиниться предложению лица, давшего ей паспорт, сохранить некоторые типографские принадлежности.

Только одному нашему товарищу, именно Дирдовскому, очень не посчастливилось: его двоюродный брат Д., юнец, напуганный Новицким, рассказал, что Дирдовский давал ему нелегальные издания, что у Дирдовского ночевал Панкратов; из этого следовало по обвинительному акту, что Дирдовский принадлежал к Киевской группе «Народной Воли». Н. П. Дирдовский придумал об'яснение всем этим фактам, но, к сожалению, довольно сложное и поэтому неудачное, так что положение его было довольно тяжелым. Против М. Н. Васильева самая важная улика состояла в том, что у него найдена была рукопись, писанная его рукой,—упомянутое выше «об'явление» об издании местного органа «Социалист»,—с корректурным оттиском набора, который найден был у меня. Пришлось ему признать свое авторство с оговоркой, что писал он как бы по заказу одного своего знакомого, обратившегося к нему за помощью, как лицу, работавшему в газетах. Наконец, жена моя заняла позицию «жены» обвиняемого, которая может по закону ничего не говорить о своем муже и о его деятельности, не подвергаясь обвинению в знании и недонесении.

Несмотря на недостатки предварительного следствия, не давшего внуреннего освещения роли каждого из нас, прокурор нашел возможным к нам троим: Борисовичу (Мартынову), Панкратову и Шебалину, признавшим свою принадлежность к партии «Народная Воля», присоединить и остальных 9 человек, т.-е. Караулова, Щулепникову, Дашкевича, Шебалину, Дирдовского, Васильева, Степанова, Завадовского и Затворницкого и, обвиняя всех нас в том, что мы составляли Южно-русск. группу партии «Н. В.», подводил всех под 249 ст., грозившую смертной казнью, а Борисовича (Мартынова) и Панкратова еще под 279 ст. Свод. воен. пост. за вооруженное сопротивление [1]), также грозившую смертной казнью.

IV.

После вручения обвинительного акта, назначения защитников и прочих формальностей, 1 ноября 1884 года нас всех из тюрьмы, в которую незадолго до этого перевели и четырех, сидевших в Старокиевском участке, повезли в суд. Перевозили нас с большой помпой: по одному в карете с двумя жандармами внутри; карету конвоировали 6 конных жандармов. В здании военного суда, где мы прожили все 8 дней судебной процедуры, для мужчин была отведена большая комната с 10 приличными кроватями, соответственными столиками и стульями; в этом помещении мы ночевали, про-

[1]) Обвинительный акт по нашему делу напечатан почти полностью в «Былом» за 1907 г. № 2 в статье Панкратова: «К процессу 12-ти в Киеве». Кроме того, довольно подробный отчет об этом деле был напечатан в № 11—12, (октябрь 1885 г.) «Народной Воли» в корреспонденции из Киева, написанной Е. Д. Степановым. См. «Литература Партии «Народная Воля».

водили время перерывов, обедали. В нашу комнату ход был через другую большую комнату, в которой помещался караул, а по другую сторону была маленькая комната для дежурных жандармских унтер-офицеров. Конечно, у обеих дверей стояло по 2 часовых, и постоянно проходил дежурный жандарм, но в своей комнате мы были довольно свободны: говорили и спорили по делу, шутили, смеялись, вообще, были, как «дома». В таких же условиях в комнате через коридор помещалась моя жена с ребенком, родившимся в тюрьме, и Щулепникова. Днем они могли бывать и в нашей комнате. На судебное заседание нас переводили через коридор в соседний зал. Все здание было окружено кольцом часовых, дежурила целая рота с 2-мя офицерами. Пища, обращение и вся обстановка суда были очень приличные. Думается мне, что этим мы были обязаны председателю суда генерал-майору Кузьмину, бывшему петрашевцу, разжалованному в солдаты, а потом снова дослужившемуся до генерала. Вел он себя очень корректно и внимательно, тогда как другой судья, ген.-майор Конисский, демонстративно-пренебрежительно относился ко всему судебному следствию, оказывая внимание только словам прокурора. Кроме этих двух судей, было четверо или пятеро армейских полковников. В составе защиты были лучшие тогдашние силы: Куперник, Гольденвейзер, Литфорс, Баженов и др.

Первой задачей, поставленной себе нами и защитой на судебном следствии, было поколебать достоверность показаний шпиков о наших встречах и взаимных посещениях; ведь, на этих показаниях держалось все обвинение в «сообществе». Шпики (унтер-офиц. в штатском) достаточно путали, а в некоторых случаях и просто врали, чтобы скрыть свою, как им казалось, небрежность наблюдения. Затем необходимо было подчеркнуть нелепость утверждения прокурора, что если кто-либо знаком с членом революционной партии, то и он сам должен быть причислен к этой же партии и сослан на каторгу. Прокурор решился даже бросить фразу: «Кто знаком с Шебалиным, тот погибший человек». Общими усилиями защиты и подсудимых обе эти задачи были выполнены, и, таким образом, сильно поколеблено было обвинение, в частности особенно относительно Степанова, Завадовского и Затворницкого. Относительно последнего, впрочем, нужно было еще об'яснить, как попал к Стародворскому, знакомство с которым Затворницкий отрицал, матрикул студ. Мицкевича, бывший на хранении у Затворницкого. Удалось свидетельскими показаниями установить, что этот матрикул Затворницкий дал на время Васильеву, знакомство с которым не могло быть инкримировано Затворницкому, для того, чтобы провести на какую-то лекцию известного профессора одного знакомого Васильева, окончившего университет и интересовавшегося этой лекцией. Было кое-что сделано в этом направлении и по отношению к Дирдовскому и к другим, что, к сожалению, теперь не помню. Помимо

того, утверждение обвинительного акта о якобы происходившем или готовившемся с'езде, основанное на агентурных сведениях, полученных еще в сентябре 1883 г., совершенно отпало. И все-таки напряженное состояние держалось все время суда до самого приговора: ведь, двоим, оказавшим вооруженное сопротивление, грозила смертная казнь по 2-м статьям, не говоря уже об общей для всех статье 249; но несмотря на это естественно напряженное состояние наших нервов, настроение у всех было бодрое, даже веселое. В нашей комнате во время перерывов, обмениваясь впечатлениями от суда, совещаясь между собой и с защитниками о методах и шансах защиты, мы иногда переходили на шутливый тон и громким смехом своим приводили в немалое изумление наших стражей.

Наконец, по окончании судебного следствия, прокурор в своей речи, считая доказанной принадлежность всех 12 обвиняемых к партии «Н. В.», требовал применения ко всем ст. 249, а к Панкратову и Мартынову еще и ст. 279 С.В.П. Такое огульное, поражающее своей нелепостью обвинение произвело, думается мне, известное давление на сознание и совесть наших судей, армейских полковников. Ведь был не 1906—7 год. Ставить одинаково под виселицу Панкратова, например, или меня, с одной стороны, и, с другой стороны, студентов, против которых было только знакомство с нами, да и то доказываемое путанными показаниями «внешнего наблюдения», т.-е. шпиков,—оказалось непереносно для совести бравых полковников. Защита, конечно, заметила и использовала этот момент. Главную задачу вывести всех нас из-под 249 ст. взяли на себя Куперник и Гольденвейзер. Куперник доказывал, что эта статья была создана после восстания декабристов 1825 г., что она имеет в виду именно вооруженное восстание, т.-е. «бунт войск», тогда как «Народная Воля», «хотя и стремится к изменению существующего строя насильственным путем и пр. и ознаменовала свою деятельность покушениями и т. д.», но нигде и ни разу не применяла восстания войск, а потому к лицам, принадлежащим к этой партии, нельзя применять эту статью. Аргументация, разумеется, была подробная, с ссылками на различные издания законов, с пред'явлением подлинников этих кодексов, с подробным юридическим анализом и пр. И вот, как мы увидим, защита одержала победу, и к нам была применена ст. 250.

Что касается ст. 279 (о воруженном сопротивлении), то защита старалась подчеркнуть состояние аффекта, в которое неизбежно впадает упорно преследуемый человек, указывала на то, что жандармы были в штатском платье, и, следовательно, сопротивлявшиеся могли и не считать их «представителями власти», «конвоем», о которых идет речь в этой статье. Наконец, защита просила учесть и то обстоятельство, в особенности по отношению Борисовича, что стрельба была скорее демонстративная, не нанесла вреда преследователям.

Содержания речей всех защитников я, разумеется, не в состоянии вспомнить. Помню, что некоторые защитники попадали в конфликты со своими подзащитными. Так, один «умолял» своего клиента не возражать на его речь, а Баженова (адвоката) мне пришлось помирить с Мартыновым (Борисовичем), поторый рассердился на Баженова за то, что он слишком напирал, по его мнению, на состояние аффекта, естественного у человека, которого преследуют какие-то «типы». Вообще, адвокаты не говорили в своих речах ничего, что могло бы шокировать нас, старались сговориться с нами. Так, например, Извеков (не помню, кого он защищал) через Куперника передал мне, что он находит нужным в интересах защиты своего клиента подчеркнуть мою руководящую роль и тем как бы нападать на меня. Разумеется, я просил передать ему, что ничего, кроме благодарности, он за это от меня не услышит.

Вспомнить все свое последнее слово я, разумеется, не в состоянии. Но кое-какие главные мысли помню. Признав свою принадлежность к партии «Н. В.», я сказал, что в Киев я приехал для осуществления цели этой партии и работал действительно в местной организации, из членов которой вижу на скамье подсудимых только двух: Панкратова и Мартынова. Подтвердив некоторые факты и знакомства, которые полезно было подтвердить в целях защиты (какие именно, теперь не помню), я указал на смехотворность утверждения прокурора: «Кто знаком с Шебалиным,—тот погибший человек», и категорически возражал и отверг определение прокурором народовольцев, как «героев бомбы и кинжала», на основании хотя бы того (другие доводы могут быть не вразумительны для г. прокурора), что каждый террорист, идя на террористический акт, прежде всего обрекает самого себя смерти. Закончил я утверждением—со ссылкой на нелегальную литературу, которой много читалось на суде,—что на террор толкает нас само правительство. Мне удалось договорить свою коротенькую речь без вмешательства председателя. Других он прерывал и довольно нелепо,—так, Караулова он остановил, помнится, за то, что тот о реформах Александра II выразился, как о потрясении «старых основ». Останавливал председатель Васильева за то, что тот назвал какое-то утверждение прокурора «шантажем», Панкратова,—не помню, за что, но вообще крупных столкновений во время суда и последних слов не было.

На 8-й день процесса вынесена была резолюция (по которой для Панкратова была назначена смертная казнь, правда, с оговоркой), а 12-го был прочтен нам приговор в окончательной форме, по которому трое: Степанов, Затворницкий и Завадовский были оправданы (они были выпущены на волю еще 8 ноября), двое: Шебалина и Дирдовский ссылались на житье, трое: Дашкевич, Васильев и Щулепникова шли на поселение в Сибирь и четверо приговаривались к каторге: Панкратов на 20 лет, Шебалин на 12 л., Мартынов на 12 л. и Караулов на 4 г.

Приговор этот считался очень мягким. Из переписки Киевского ген.-губ. Дрентельна видно, что министр внутр. дел граф Толстой запрашивал о причинах столь «мягкого» приговора. Дрентельн оправдывался тем, что предварительное следствие было ведено так, что не дало данных для осуждения оправданных и для более сурового приговора против остальных. Этот отзыв был, наверно, очень огорчителен для Н. Новицкого, который много хвастал нашим делом и, кажется, получил какую-то награду за него. Затем Дрентельн, продолжая оправдываться, пишет, что «каторжные работы, хотя бы на 4 года, он не может считать мягким наказанием. Что касается судей из армии, то все они заслуженные офицеры: два командира полков, 1 командир саперного батальона и один старый батарейный командир».

Неизвестно, были ли какие-нибудь неприятности по поводу нашего дела для Дрентельна, но Кузьмин был смещен с должности председателя, а главный Военный суд издал циркуляр, который предписывал Военным судам не выводить из-под 249 ст. дел о социально-революционной партии «Н. В.» и ей подобных. Поэтому-то дело партии «Пролетариат», разбиравшееся в Варшаве в 1885 г. (дело Куницкого, Бардовского и др.) кончилось огульным приговором всех к повешению; только потом приговор этот был детализирован и для многих смягчен, оставаясь в общем весьма свирепым. Относительную мягкость нашего приговора можно приписать, помимо влияния Кузьмина, еще тому, что предыдущий приговор по делу Веры Николаевны Фигнер и военной организации был очень жесток, и, как говорили наши адвокаты, его свирепость вызвала в общественных кругах волну возмущения, что в свою очередь могло отразиться на настроении наших судей—полковников.

Как бы в утешение огорченных нашим приговором высших властей края, министерство внутренних дел письмом за подписью Оржевского от 4 декабря 1884 г. за № 5188 сообщает ген.-губернатору «для сведения», что признано необходмым Панкратова, Борисовича, Шебалина и Караулова заключить в Шлиссельбургскую тюрьму.

V.

После об'явления приговора в окончательной форме мы, разумеется, ничего еще не знали о нашем назначении в Шлиссельбург и, отвезенные снова в тюрьму, стали готовиться к отправке в Москву и даже в Сибирь, порадовавшись за оправданных и выпущенных на волю, которых, впрочем, Новицкий на следующий же день снова приволок в тюрьму, чтобы, продержав день—два арестованными, выслать их из пределов генерал-губернаторства.

В этих приготовлениях прошли недели три, и в это время у нас возник вопрос о «бритье». Мы знали, что нас, каторжан и ссыльно-поселенцев, по закону должны обрить (полголовы) и заковать

в ножные кандалы. Мы решили заковке в кандалы не противиться, а брить половину головы не давать. Мотивировали мы это тем, что бритье головы не может быть препятствием к побегу, каким несомненно являются кандалы. Бритье головы легко скрыть, оно является плохой предупредительной мерой против побега; как пережиток старины, оно представляется просто издевательством над личностью. Поэтому, подчиняясь силе, мы признаем заковку, как целесообразную меру против нашего стремления убежать, но бритью, как бесцельному издевательству, не подчинимся.

Не помню уже, устно или письменно сделали мы это заявление начальству, но оно, конечно, не согласилось с нами, ссылаясь на закон и правила этапной службы. Лично я был убежден, что наши мотивы не убедят начальство, что нас силой обреют, и выйдет только большой скандал и шум. Но это тоже могло, ведь, быть полезно, в особенности при тогдашней обстановке в тюрьме.

Дело в том, что летом того же 1884 года Киевский университет праздновал свой юбилей, и все высшее начальство, начиная с министра, присутствовавшего, кажется, на юбилее, обставило это празднество так, что студенчество, и так раздраженное введением нового устава, чуть не поголовно взбунтовалось. Толпы студентов в дни юбилея ходили по улицам с пением украинских и революционных песен, выбили окна у ректора, устроили кошачий концентр перед университетом, куда их не пускали, и пр. Конечно, заработал Новицкий со всем «православным воинством»; вызваны были казаки и пехота; масса студентов была арестована. Кроме того, было много арестованных и по чисто политическим делам в связи с делом Лопатина, «Пролетариата» и пр. Вот для такого населения тюрьмы, в связи с настроением на воле, мне думалось, невредно было устроить некоторую демонстрацию.

9-го декабря нам предложили итти на заковку и бритье, мы отказались. Потащили нас из камер в канцелярию тюрьмы силой. Избиения, помнится, не было: тащили, взяв за руки и за ноги. Мы тоже не дрались, а только сопротивлялись. Все наши товарищи той части тюрьмы, где это происходило, стали бить стекла, ломать двери, кричать, стучать и проч., как водится в таких случаях. Нас, конечно, силою обрили и опять перевели в камеры. Все успокоилось.

На следующее утро нас стали выводить, чтобы присоединить к этапу, шедшему в Москву. Как только вывели нас на большой двор, посыпались снова стекла разбиваемых окон, послышались приветствовавшие нас крики...—это прощалась с нами та часть тюрьмы, которая, благодаря изолированности, не участвовала в протесте накануне.

На этапе в вагоне мы встретили, кроме наших сопроцессников, еще Клару Левенталь и Козловского, шедших в административную ссылку. До Москвы ехали мы, наслаждаясь обществом близких

людей, вполне благополучно и даже весело. По приезде в Москву от нас тотчас же отделили жену мою, Щулепникову, Левенталь и Козловского, а нас, остальных, посадили в одну большую камеру, откуда были удалены уголовные арестанты. На следующий день под вечер внезапно мы: четверо каторжан и Дирдовский были вызваны для сдачи на этап, шедший в Питер. Тогда только мы стали догадываться, что нас хотят запереть в Шлиссельбург; Дирдовский же шел в Олонецкую губ. на житье.

В Питере меня поместили в Нижнем этаже Трубецкого бастиона. Камера была холодная, сырая, почти темная. Одежда—старое, драное белье и старый арестантский халат. Подкандальники и кандальный ремень отняли, так что кандалы волочились при ходьбе по полу, призводя неистовый шум и натирая ноги. Гулять не водили. Постель, пища — все было как бы нарочито скверно.

В такой обстановке невесело прожил я дней 10—14, как вдруг 23 или 24 декабря 1884 г., на рассвете, ко мне в камеру ввалилась большая свора жандармов во главе со смотрителем. Меня раздели до-нага, обыскали, одели в арестантское платье, в котором я приехал, заковали руки и под руки повели из камеры. Все делалось почти в абсолютном молчании. Я ничего не спрашивал, а смотритель ограничивался короткими фразами: «Нужно раздеться...», «нужно надеть полушубок и шапку»... «заковать руки»... Привели меня в какую-то большую комнату недалеко от выхода, где я увидел еще жандармов в походной форме, офицеров и даже двух генералов. Один из генералов подошел близко ко мне и как будто что-то хотел сказать или спросить, но, остановившись в двух шагах от меня, взглянул мне в лицо, посторонился и бросил: «Принимайте». Подскочил офицер с папкой бумаг в руках, спросил: «Шебалин, Мих. Петр.?»—«Да», ответил я. Он посмотрел в папку, повидимому, на карточку, сделал знак, и два жандарма, одетых по-дорожному, взяли меня под руки, вывели из бастиона, посадили в закрытую кибитку, сели со мной вместе, и мы тронулись в путь.

Было еще совершенно темно, да и полог кибитки был спущен, но я, зная хорошо Питер, скоро понял, что мы выезжаем на Шлиссельбургский тракт. Все-таки, когда мы были уже за городом, полог кибитки жандармы откинули и на меня глянуло бледное северное зимнее утро, я вдруг спросил: «В Шлюшин едем?»—«Точно так!»—выпалил невольно старший жандарм, страшно смутился и поглядел на двух других. Кроме двух сидевших со мной на облучке, оказался еще один. Всю дорогу они молчали, изредка, и то вполголоса, почти шопотом переговариваясь друг с другом. На середине дороги нас встретил офицер, который, очевидно, нашел все в порядке; жандармы сделались более развязными, но я с ними не разговаривал. На одной из станций меня, не снимая ручных кандалов, угостили чаем с булкой и колбасой.

Около полудня наша кибитка в'ехала в крепостные ворота, над которыми мне удалось прочесть золотую надпись «государева»,— так называлась входная башня шлиссельбургской крепости, которую я посетил еще в 1881 г. летом, как турист, когда в ней был расположен дисциплинарный батальон. Через эти ворота вышел я снова только через 12 лет, в ноябре 1896 года.

Вместе со мною попали в Шлиссельбург Борисович-Мартынов под № 17 (я под № 18), Караулов под № 19 и Панкратов под № 20.

Все они уже умерли. Мартынов, вывезенный вместе со мною в Вилюйск в 1896 г., переехал в Якутск и застрелился в 1902 г. Панкратов прибыл к нам в Вилюйск в 1899 году, в 1904 году бежал в Россию, принял активное участие в революционном движении, в частности принимал деятельное участие в Московском восстании 1905 г. Это обстоятельство, к счастью, осталось неизвестным царскому правительству, которое, снова арестовав его, сослало опять, только в ссылку в Якутскую область. В ссылке и после революции он работал в научных экспедициях и как революционер. Умер в Ленинграде в 1926 г. Караулова увезли из Шлиссельбурга в 1888 г. в Сибирь, он долго жил в Красноярске, от которого и попал депутатом в III думу. Умер в 1908 г.

Из моих сопроцессников Васильев и Дирдовский давно отбыли свой срок и живут: Васильев в Москве [1]), а Дирдовский в Ростове. Петр. Григ. Дашкевич бежал из Тунки, долго жил в эмиграции, а теперь работает доктором в Калужск. губ. Жена моя Прасковья Федоровна не дошла до ссылки, умерла вскоре после смерти ребенка в Московской пересыльной тюрьме. О Щулепниковой я слышал, что она вышла замуж в Сибири за Малеванного, возвратилась с детьми в Россию, а теперь уже умерла. Из оправданных по нашему процессу остался в живых, насколько мне известно, только Евг. Дмитр. Степанов. Он, после освобождения из тюрьмы, некоторое время жил, не оставляя революционной работы, в России, потом вынужден был эмигрировать в Париж, привлекался и был осужден по делу о бомбах (провокация Гартинга) к каторжной тюрьме. В настоящее время живет в Ленинграде.

---

[1]) Умер в августе 1928 г.

К статье М. П. Шебалина.

В дополнение к статье М. П. Шебалина редакция печатает ниже отрывки из показаний обвиняемых по «делу двенадцати», как они изложены в делах киевского архива. Цитируем по изложению «дела», составленному Л. Берманом.

Борисович, допрошенный 5 марта 1884 г. в качестве обвиняемого, об'яснил, что «он дворянин Рогачевского уезда, Могилевской губернии, Аполлинарий Алексеевич Борисович, образования никакого не получил, выучился грамоте самоучкою, знает токарное, слесарное и др. мастерства, знаком с чертежным искусством и этими занятиями снискивал средства к жизни. В Киев он прибыл в первых числах января текущего года из Москвы, где работал слесарем на одном из заводов. Для какой цели прибыл в Киев, об'яснить не желает. На некоторое время уезжал из Киева, но куда—сказать не желает. Вернулся в Киев 2 марта, того же числа нанял квартиру, куда на следующий день перевез свои вещи. После переезда на квартиру, выйдя около 9 часов вечера, был задержан на улице какими-то людьми, в которых, желая скрыться, стрелял из имевшегося при нем револьвера и выпустил, насколько помнит, все шесть зарядов, при чем он высказал сожаление, что, благодаря тугому спуску курка у револьвера, ему не удалось убить кого-либо из задержавших его лиц. Далее Борисович показал, что он принадлежит к русской социально-революционной партии, к фракции народовольцев, при чем на счет роли, которая была отведена ему в этой партии, а также имел ли он какие полномочия и поручения, об'яснений давать не желает, но добавил, что по направлению он—террорист. О задачах, планах и организации партии народовольцев дать какие-либо указания отказался.

В последующих показаниях он признал паспорт на имя Борисовича подложным, а свое настоящее имя открыть отказался, «не желая причинить беспокойство своим родным и знакомым». Насколько скудны сведения, данные по делу жандармами, видно из след. резюме их относительно Борисовича и М. П. Шебалина.

«Из показания унтер-офицера Коченовского и Золотых видно, что, «начиная с первой половины февраля по март текущего года именующий себя Борисовичем почти ежедневно, часов в 10 или

11 утра, выходил из квартиры Щулепниковой, с которой он 3 марта, часа в 4, имел свидание на Бибиковском бульваре. Расставшись с Щулепниковой, Борисович направился в ее квартиру, откуда вынес подушку и серое байковое одеяло и на извозчике отправился на Подол, в Братский монастырь, откуда он вскоре вышел со студентом духовной академии Дашкевичем, имея в руках, кроме подушки и одеяла, еще и чемодан».

«17-го февраля жена Шебалина с какой-то барышней приехала к Кочетовой и привезла какой-то тюк, завернутый в бумагу и имевший вид ящика. Унтер-офицер Фомин, наблюдавший за квартирою Шебалина с *27 января*, показал, что Шебалин и Дашкевич посещали друг друга, при чем Шебалин ходил чаще к Дашкевичу, который был у Шебалиных только два раза. Личность, проживавшая по Андреевской улице в доме № 6 (как оказалось впоследствии, привлеченный в качестве обвиняемого к дознанию, производящемуся в Петербурге, Николай Стародворский), весьма часто посещала Шебалина, вместе с которым, а также со студентами Завадовским и Степановым ходили часто на Ильиницкую улицу в дом под № 3. Шебалин, его жена и Стародворский заходили к Панкратову. Васильев часто ходил к Шебалину, который также бывал у Васильева, но реже. По показанию унтер-офицера Варфоломея Скриниченко, у Шебалина бывали Степанов, Завадовский, Дашкевич и Караулов. Шебалин заходил к Панкратову. То же подтверждают и другие унтер-офицеры. Начальник Киевского губернского жандармского управления сообщил, что проживавшая по Малой Владимирской улице в доме № 30 молодая женщина, с которой Шебалины находились в близких отношениях, по документу на имя жены бывшего Черкасского уездного исправника Белевцевой, накануне заарестования Шебалиных перевезла к ним свои вещи. Та же Белевцева находилась на извозчике у Софийского собора, в день заарестования Панкратова, вместе с ним поехала; во время задержания Панкратова успела скрыться. По справкам оказалось, что женщина эта к действительности не Белевцева».

Допрошенная 6 марта в качестве обвиняемой, Кочетова показала, что это «настоящая фамилия, что она ни к какому тайному сообществу, преследующему революционные цели, не принадлежит, но вполне разделяет и одобряет принципы, стремления и программу социально-революционной партии «Народной Воли», при чем в интересах этой партии не действовала и вообще никакого участия в преступной деятельности не принимала и никого из лиц, принадлежащих к партии, не знает».

От об'яснений по другим вопросам или отказывалась, или давала отрицательный ответ.

На допросе 13-го апреля именовавшаяся Кочетовой показала, что «она на самом деле—дворянка Костромской губернии Варвара Васильевна Щулепникова. Воспитывалась она сначала в Костром-

ской женской гимназии, затем поступила в 8-й класс Нижегородской женской гимназии, наконец, в 1880 году на Бестужевские высшие женские курсы. С отцом и мачехою она рассталась в конце февраля 1880 года, но куда затем отправилась и где проживала, об'яснить не желает. К делам о государственных преступлениях она до настоящего времени не привлекалась, но в мае 1881 года у нее в Петербурге был произведен обыск, не давший никаких результатов, и она была лишь допрошена в качестве свидетельницы по делу слушательницы Бестужевских курсов Грязновой. С марта 1883 г. она, Щулепникова, перешла на нелегальное положение и стала проживать по подложным документам. Но чем это обусловливалось, при каких обстоятельствах произошло, откуда получались документы,—об'яснить не желает. Далее, обвиняемая Щулепникова заявила, что она принадлежит к русской социально-революционной партии «Народная Воля», но определенной функции в ней не имеет; принадлежность ее к партии выражается главным образом в сочувствии ее стремлениям и задачам, при чем, если бы встретилась надобность в активной деятельности, то она, Щулепникова, охотно приняла бы в ней участие и отдала бы ей свои силы даже и тогда, если бы эта деятельность была террористического характера. Приезд ее в Киев никакой определенной цели, в смысле революционной деятельности, не имеет, но зачем она приехала, сказать не желает, а предполагался ли с'езд членов партии, она не знает. Летом 1883 года она в течение около полутора месяца проживала в Варшаве, но зачем и у кого, об'яснить не желает; относительно круга своих знакомств она также отказалась дать какие-либо об'яснения, при чем указала, как на свою знакомую, на некую Марью Якубовскую, добавив, что о том, где эта последняя находится, когда и где она, Щулепникова, с нею познакомилась, сказать не желает, но в Киеве с Якубовскою не встречалась; Стародворского совершенно не знает. С бывшею слушательницею Бестужевских курсов Лебедевой она знакома и зимою 1881 года отвозила больную Лебедеву на родину, в Тверскую губернию».

Названная здесь Лебедева, как видно из сообщения начальника Петербургского губернского жандармского управления, была сослана в марте 1882 г. за пропаганду среди петербургских рабочих и распространение революционных изданий среди юнкеров Константиновского училища. Что же касается до Якубовской, то оказалось, что документ, по которому она проживала, фальшивый, почему, в виду ее нелегального положения и тесной связи с Щулепниковой, постановлением от 13 июля сделано распоряжение о розыске Якубовской для привлечения ее к дознанию.

Штаб-офицер для особых поручений при начальнике Варшавского жандармского округа 26 июля сего года за № 830 сообщил, что «по произведенному им дознанию о социально-революционной

партии в Привислянском крае «Пролетариат», между прочим, установлено, что Варвара Щулепникова прожизала в Варшаве у привлеченных к дознанию в качестве обвиняемых: сначала под именем Веры Антоновны у бывшего мирового судьи Добровольского, а затем под именем Кочетовой у бывшего мирового судьи Бардовского, имея постоянные сношения с лицами, принадлежащими к социально-революционной партии «Пролетариат». В виду изложенного, названный штаб-офицер просил допросить Щулепникову в качестве обвиняемой в принадлежности к социально-революционной партии в Привислянском крае, что и было исполнено, при чем Щулепникова, не признавая себя виновной, на все вопросные пункты отвечала отрицательно».

Из показания отца обвиняемой, статского советника Василия Щулепникова, видно, что «дочь его Варвара, поступив на Бестужевские курсы в 1879 году, проживала на частной квартире, хотя и имела в Петербурге родного дядю, у которого прожизала другая дочь его, Мария. Приезжая на короткие сроки в Петербург, он, Щулепников, замечал, что с его дочерью Варварою произошла странная перемена, выражавшаяся в ненормальных отношениях к нему, свидетелю, и в уклонении от того общества, среди которого он вращался. В марте 1882 года он прибыл в Москву, куда приехала и дочь Варвара. Заметив, что дочь Варвара принимает у себя каких-то незнакомых ему личностей, он запретил эти приемы, вследствие чего она уехала в Петербург. В феврале 1883 года, когда он поселился в Петербурге, дочь Варвара выразила желание жить вместе и затем отправиться в Костромскую губернию но вскоре дочь его начала принимать у себя таких личностей, которые, видимо, избегали знакомства с ним, почему он, Щулепников, решительно потребовал прекращения знакомства с этими личностями. В ответ на это дочь Варвара сказала только: «ну, доноси на меня», на что он, свидетель, возразил, что для того, чтобы донести о ней, он еще не имеет надлежащих оснований, причем обещал принять меры для обуздания ее, добавив, что он будет просить, чтобы выдача ей ежемесячной субсидии в 50 рублей, назначенной им, производилась бы через обер-полицеймейстера, который, таким образом, имел бы возможность за нею наблюдать. Дочь Варвара после этого отказалась получать субсидию и куда-то скрылась».

Допрощенный в качестве обвиняемого 5 марта, Дашкевич, не признавая себя виновным в принадлежности к какому-либо противозаконному сообществу, об'яснил, что «он никогда заведомо не был знаком с лицами, принадлежащими к революционной партии, что в домах: по Мало-Владимирской № 57, по Лютеранской № 30, по Большой Владимирской № 43 и по Павловскому переулку у него знакомых нет, и он там не бывал» и т. д.,

Спрошенный в качестве свидетеля студент духовной академии Арсений Селецкий по поводу найденного у Шебалиных конверта от письма из Варшавы об яснил, что «накануне получения письма, товарищ по академии Петр Дашкевич просил, что если получится письмо из Варшавы на его, Селецкого, имя, то передать таковое ему, Дашкевичу, так как письмо предназначается ему. Полученное на другой день письмо из Варшавы, согласно просьбы Дашкевича, было передано этому последнему нераспечатанным».

На допросе 14 апреля Дашкевич показал, что «письмо из Варшавы на имя Селецкого им получено, но от кого было письмо и к кому оно относилось, об яснить не желает, но адресовано оно было не к нему, Дашкевичу, а другому лицу, которому и передал письмо, не читая, и которое назвать не желает. Каким образом конверт от указанного письма попал в квартиру Шебалина, он об яснить не может. Лично с Шебалиным он не знаком и в доме № 43 по Большой Владимирской никогда не бывал. По пред'явлении фотографических карточек Шебалиных, Панкратова, Щулепниковой, Васильева, Степанова, Борисовича, Завадовского, Караулова, Билевича, Данилевского, Дирдовского, Георгия Гуковича, Дашкевич показал, что личностей этих он не знает и видит в первый раз».

Показания же наблюдавших жандармских унтер-офицеров устанавливают, когда, где и с кем встречался Дашкевич, когда ночевал у него Стародворский и т. д. Так, «29 февраля Шебалин, имея в руках сверток бумаги, прохаживался по Мало-Владимирской улице, как бы кого поджидая, что продолжалось до тех пор, покуда с Шебалиным встретился Дашкевич, но, встретившись, они не останавливались, показывая вид, что они друг друга не знают, при чем Дашкевич отправился к Щулепниковой, и туда же пошел Шебалин, обратно же вышли оба вместе».

16-го апреля 1884 года ректором Киевской духовной академии были доставлены начальнику Киевского жандармского управления связка изданий революционного содержания и другие предметы, найденные сторожами академии под лестницею во время уборки. Когда сторожа подметали в помещении студентов внутреннюю лестницу, они заметили между кирпичами веревочку: вынув свободно три кирпича, они потянули за веревочку и вытащили связку бумаг. В связке оказалось: 1) пять полных экземпляров гектографированной брошюры под заглавием: «Ссфья Львовна Перовская, материал для биографии», 2) четыре экземпляра той же брошюры, неполные; 3) пять номеров революционной газеты «Вперед» за 1875 год; 4) гектографированная брошюра «Очерк экономического положения России и задачи Народной партии»; 5) гектографированная брошюра, издание кружка народников: «Все для народа и посредством народа», статья Аксельрода из 19 № «Вольного Слова»—цена 50 к.; 6) том IV журнала «Вперед» 1876 г., на обложке

коего печать с надписью «Книжная агентура Народной Воли»; 7) шесть экземпляров печатной программы Вестника «Народной Воли»; 8) 16 печатных заявлений «От Южно-русской боевой дружины» о казни рабочего Шкрябы; 9) три экземпляра 2-го издания прокламации 16 декабря 1883 года об убийстве подполковника Судейкина; 10) 4 печатных листка без начала и конца, издания «Народной Воли», от 20 августа и 2 сентября 1883 года; 11) два печатных листка добровольного сбора «в пользу народного освобождения»—от редакции «Народной Воли» за №1 и 18, при чем на первом обозначен сбор в 2 рубля, на втором—200 рубл. 50 коп.; 12) рукописная брошюра «Стачка—фабричная картинка»; 13) рукописная брошюра «Экономический кризис и политические партии»—письмо из Парижа; 14) рукописная статья, начинающаяся словами: «От И. К. В виду разнообразных и большею частью ложных слухов» и заканчивающаяся словами: «И. К. найдет время неуклонно преследовать дело очищения русской политической атмосферы от деморализации, развитой в ней Судейкиным»; 15) разорванное пополам письмо от 2/14 февраля 1884 года, начинающееся словами: «Прилагаем при сем копию с заявления И.К.»—без подписи; 16) написанное карандашом заявление, начинающееся словами: «Более чем двухлетний опыт показал»; 17) рукописные стихи, начинающиеся словами: «Она бесстрашна, холодна» и кончающиеся словами: «К ногам презренных палачей»; 18) рукописная статья, начинающаяся словами: «Ошибки революционера и преступления предателя»; 19) письмо без обозначения числа, месяца и года, обращенное к «Милой Варе», подписанное «Ваша Смирнова», текст письма, очевидно, обозначился от покрытия бумаги полуторахлористым железом; 20) письмо, помеченное 22 марта, без обозначения года, начинающееся словами: «Вчера я получила от тебя хотя и маленькую весточку», сбоку письма сделана приписка: «Крепко целую тебя—твоя Лиза»; на письме между строками виднеются полосы от раствора полуторахлористого железа; 21) конверт с фотографическою карточкою Веры Филипповой, урожденной Фигнер; 22) заграничный паспорт, выданный 18/30 января 1884 года Виленским губернатором на имя виленского мещанина Бендина; 23) Четыре чистых бланка: свидетельство о выполнении воинской повинности, свидетельство о принадлежности к купеческому сословию, свидетельство из Кременчугской городской управы, 2-й гильдии, для лица иудейского вероисповедания и свидетельство о явке к исполнению воинской повинности, бессрочное, с печатью Черниговского уездного по воинской повинности присутствия; 24) 15 боевых патронов; 25)4 пузырька с хлороформом. При этом было признано: заявления об убийстве Шкрябы и листки добровольного сбора тождественны с найденными у Щулепниковой; программы «Вестника Народной Воли» тождественными со взятыми в квартире Шебалиных; рукопись, начинающаяся словами «Ошибки революцио-

нера и преступления предателя», писана Карауловым, почерк которого представляется особенно характерным; письмо, подписанное «Твоя Лиза», писано к Щулепниковой ее родною сестрою, Елизаветою Бартеневою; печать на журнале «Вперед» книжной агентуры «Народной Воли» тождественна с печатью на книге, отобранной при обыске у Дашкевича.

По словам Щулепниковой, она «указанного письма сестры не получила; каким образом оно попало в духовную академию, она не знает».

При пред'явлении Дашкевичу вышеназванных предметов, найденных в здании академии, он об'яснил, что «все это он видит в первый раз и никаких об'яснений дать не может. Почерк, которым писаны рукописи, ему неизвестен; кому принадлежат рукописи, он не знает». По сличении почерка письма с заявлением при нем, начинающимся словами: «Прилагаем при сем копию с заявления И. К., имеющего появиться в ближайшем номере Л. Н. В.» с почерком, которым написано собственноручно обвиняемым Дашкевичем показание в настоящем деле, эксперты пришли к выводу, что оба эти почерка имеют большое сходство.

Фотографическая карточка Николая Стародворского была пред'явлена Дашкевичу, который заявил, что личность эта ему вовсе незнакома, между тем товарищ Дашкевича, Арсений Селецкий, признал в карточке личность, которая приходила к Дашкевичу и с ним беседовала».

Допрошенный 7 марта и в последнее время в качестве обвиняемого Панкратов, систематически отказываясь от об'яснений и отрицая, дал разновременно о себе такие сведения: «Пробыв 4 года в Корчевском ремесленном училище и выучив мастерство токарное, отчасти и столярное, он с 1875 года проживал в Москве, работая на разных заводах; а где затем проживал и чем занимался, привлекался ли к делам о государственных преступлениях, откуда и зачем прибыл в Киев—сказать не желает».

В дальнейшем Панкратов об'яснил, что с июля 1880 по ноябрь 1881 года он проживал в Петербурге, работая на заводах, а затем по недостатку работы переехал в Москву, откуда, заметив за собою наблюдение полиции, уехал, но не желает об'яснить, куда, и стал жить нелегально. В пред'явленной ему карточке Николая Стародворского он видит лицо, ему совершенно незнакомое.

При допросе 19 мая Панкратов показал, что, уехав из Москвы в конце февраля или начале марта 1882 г. в Ростов-на-Дону, он работал во Владикавказских мастерских, причем в это время у рабочих был произведен обыск, и у него отобраны были буквари и лекции политической экономии профессора Иванюкова. Выбыв из Ростова, он стал жить без паспорта, но где и у кого, сказать не желает.

Департамент полиции уведомил начальника Киевского губернского жандармского управления, что «задержанный в Киеве Василий Семенов Панкратов разыскивался по циркуляру от 17 апреля 1882 г. и подлежал привлечению к дознанию о пропаганде среди петербургских рабочих».

Наблюдениями жандармских унтер-офицеров установлены сношения и знакомство Панкратова с Шебалиным, Васильевым, Дашкевичем, Борисовичем, Стародворским. Особенно частые и продолжительные встречи были с Шебалиным.

Допрошенный 7 марта в качестве обвиняемого в принадлежности к социально-революционному сообществу, проживавший под именем губернского секретаря Тейш об'яснил, что «он на самом деле— дворянин Саратовской губернии Василий Андреев Караулов. Воспитывался в Витебской гимназии, курса не окончил. В 1877 году поступил вольным слушателем в Петербургский университет, в апреле 1878 года уехал в деревню к матери в Псковскую губернию. В январе 1880 года он снова отправился в Петербург, где проживал до апреля 1883 года, когда уехал сначала в деревню, а затем в Витебскую губернию, откуда бежал за границу вследствие уверений Дегаева, что Судейкин имеет в виду арестовать его, Караулова. За границею он проживал безвыездно в Париже до февраля 1884 года, а в двадцатых числах того же месяца прибыл в Киев». В дальнейших показаниях держался позиции, указанной в статье М. П. Шебалина.

Из отзывов начальника Петербургского губернского жандармского управления видно, что «Караулов во время своего пребывания в Петербурге навлекал на себя подозрение в политической неблагонадежности, вследствие близких сношений с лицами, политическая неблагонадежность коих являлась установленною несомненно. По сообщенным к дознанию начальником Киевского губернского жандармского управления сведениям, добытым секретным агентурным путем, Караулов в недавнее время присутствовал в Париже на сходке эмигрантов и затем, снабженный надлежащими инструкциями, отправился в Киев на с'езд членов народовольческого сообщества, причем на с'езде этом, между прочим, решено совершить в ближайшем будущем 5 или 6 политических убийств для поддержания кредита партии, и на первом плане поставлено убийство министра внутренних дел. В названном сообщении добавлено, что сведения о принадлежности Караулова к преступному сообществу имелись уже давно и были подкреплены показанием Дегаева, по словам которого Караулов принадлежит к террористам».

Если сравнить это сообщение с письмом Плеве к Новицкому, то можно придти к заключению, что сведения об участии Караулова в парижском совещании и о решении киевского с'езда добыты не Новицким «секретным агентурным путем», а взяты из этого письма:

«Вследствие произведенных вами 4 сего марта в Киеве арестов долгом считаю уведомить вас, милостивый государь, что супруги Шебалины являются лицами, заслуживающими внимания, так как они неоднократно являлись хозяевами типографий, где печатались преступные листки. Что же касается Василия Караулова, то из имеющихся агентурных сведений видно, что в недавнее время он был в Париже, где была устроена сходка (под председательством Тихомирова, и где присутствовал Караулов), на которой Дегаев передал присутствующим списки лиц, выданных им, а также тех, которые являются в настоящее время для сообщества наиболее опасными. За услугу, оказанную убийством Судейкина, Дегаеву прощено его предательство сообществу, под тем условием, чтобы он уехал в Америку (на что ему были выданы необходимые средства) и не давал более признаков жизни. После этой сходки Василий Караулов, снабженный надлежащими инструкциями, отправился из Парижа в Киев на с'езд членов народовольческого сообщества. На с'езде этом, между прочим, решено совершить в ближайшем будущем пять или шесть политических убийств для поддержания кредита сообщества, причем на первом плане было поставлено покушение на жизнь г. министра внутренних дел. Сообщая об изложенном для соображений Ваших при допросах привлеченных лиц, долгом считаю присовокупить, что сведения о принадлежности Караулова, а также его брата Николая (землевладельца Псковской губернии,— об аресте его распоряжение сделано) имелись уже давно и были затем подкреплены показаниями Дегаева, причислявшего Василия Караулова к числу террористов. В виду изложенного, к показанию Караулова о том, что всякие покушения отвергнуты ныне партией, следует относиться крайне осторожно, так как этим он, может быть, полагает замаскировать настоящее положение дел».

Допрошенный 6 марта в качестве обвиняемого в принадлежности к социально-революционному сообществу студент Васильев об'яснил, что «по окончании в 1878 году курса в Гродненской гимназии он поступил в медико-хирургическую академию, где пробыл 3 года, и поступил в петербургский университет по юридическому факультету, откуда в апреле 1882 года был уволен из-за невзноса платы за право слушания лекций и затем до конца 1883 года, не имея определенных занятий, проживал в Петербурге, затем приехал в Киев и в октябре поступил в Киевский университет. С сентября 1883 г. по 1 марта текущего он в видах снискания средств к жизни служил по вольному найму в канцелярии генерал-губернатора. Ни к какой тайной организации не принадлежит и с лицами, к ней принадлежащими, заведомо знаком не был, но принимал некоторое участие в издании предполагаемой газеты Юго-Западной группы партии «Народной Воли» под заглавием «Социалист», к чему он, Васильев, приглашен был одним из своих знакомых, назвать которого не желает, и о принадлежности к какой-либо

организации ему ничего неизвестно. Через это лицо должны были доставляться ему все статьи и корреспонденции, заранее просмотренные неизвестными ему членами партии, при чем он, Васильев, обязан был просмотреть все статьи и корреспонденции исключительно с литературной стороны, а также сгруппировать доставленный материал в порядке, принятом всеми газетами. Согласился он на сделанное предложение, желая содействовать утверждению свободы слова вообще, не различая прогрессивных партий».

При отзыве от 19 апреля за № 1039 департамент полиции доставил начальнику киевского губернского жандармского управления письмо на имя Макария Васильева, не врученное по принадлежности вследствие ареста Васильева. Письмо это, в некоторых местах зашифрованное, было препровождено в Петербург, где был разобран шифр. Оно начинается словами: «Только в руки Мих. Петровича или Пр. Федоровны».

«Дорогой Михаил Петрович и многоуважаемая Прасковья Фед.». Затем имеется следующая фраза: «Сегодня приехал Мих. Ад. и как громом поразил нас вестью, что Вы все еще на легальном положении». Относительно упоминаемой здесь личности «Мих. Ад.» начальник киевского жандармского управления 10 мая за № 1355 сообщил к дознанию, что арестованный в Петербурге 16 марта Стародворский проживал нелегально в Петербурге под именем Михаила Адамовича Савицкого, и следует поэтому предположить, что упоминаемый в письме Михаил Адамович есть никто иной, как Стародворский. Далее в письме заключается совет переходить на нелегальное положение или уезжать из Киева, говорится о типографии, которая стоит «недурно», выражается сожаление, что с М. А. не прислан денежный отчет, высказывается недоверие к «Стасю» и Алексею Кон. и упоминается, что во главе киевских дел будет стоять Павел Ив., которому просят передать адрес «нашей группы». Затем говорится: «Ждем Вас Ан., у нас же тип.», оканчивается письмо фразою: «Напишите, сколько вам нужно денег», и подписано: «Александр Иванов».

Шебалин по поводу этого письма об'яснил, что «оно, повидимому, писано к нему, но он раньше не видел и по адресу Васильева никогда писем не получал. Относительно же самого письма Шебалин отказался дать об'яснения, как об авторе, так и о содержании, хотя оно ему, обвиняемому, понятно».

Васильев показал, что «письмо это к нему не относится; ни автор, ни почерк ему неизвестны, и содержание непонятно, так что никаких об'яснений дать не может. В дополнение к своим показаниям от 6 и 15 марта, Васильев представил подробное изложение тех обстоятельств, которые, по его мнению, несомненно доказывают, что он ни к какой организации не принадлежал. Как на такое доказательство по отношению к своему пребыванию в Петербурге, Васильев указал на то, что, не имея определенных занятий, просил

флота генерал-штаб доктора о принятии его, Васильева, в качестве фельдшера на фрегат «Минин», отправлявшийся на время около 3 лет в кругосветное плавание». Обращение Васильева с такой просьбой по справкам подтвердилось. Относительно же времени, которое он пробыл в Киеве, то краткость времени пребывания, по его мнению, и необходимость снискивать себе пропитание устраняют возможность причислить его к составу какой бы то ни было политической партии. Когда обращение его, Васильева, к разным лицам в Киеве с просьбой доставить ему занятие осталось без успеха, он обратился к генерал-губернатору с просьбою доставить ему какую-либо работу, занятие или должность, при чем о службе непременно в канцелярии генерал-губернатора не было и речи. Управляющий канцелярией, которому было поручено удовлетворение его просьбы, узнав из расспросов, что он, обвиняемый, более 10 лет занимался уроками, направил его к инспектору народных училищ, и только когда там никаких занятий не оказалось, он был принят на службу по вольному найму в канцелярию генерал-губернатора, что произошло совершенно случайно, без всякого обдуманного заранее намерения собирать какие-либо сведения, а исключительно ради приобретения средств к жизни.

Управляющий канцелярией, допустив к занятиям в канцелярии в качестве переписчика бумаг, исходящих от канцелярии и главным образом состоявших в об'явлениях просителям резолюций по их прошениям, счел необходимым собрать сведения о нравственных качествах Васильева и его политической благонадежности. Так как Васильев проживал в Киеве недавно и прибыл из Петербурга, то управляющий канцелярией обратился за означенными сведениями к полковнику Судейкину, который сообщил, что Васильев ни в чем предосудительном замечен не был, а исключен из Медико-хирургической академии за невзнос платы за слушание лекций. Несмотря на это, управляющий канцелярией, по его словам, неоднократно заявлял Васильеву, что долго он в канцелярии оставаться не может, так как труд его мало полезен, при чем в конце декабря или начале января было об'явлено Васильеву, что ему дается еще месяца два сроку для приискания себе других занятий.

Постановлением от 23 мая Стародворский был привлечен к настоящему делу в качестве обвиняемого, о чем 24 мая сообщено начальнику петербургского губернского жандармского управления, который ответил, что Николай Стародворский привлечен при вверенном ему управлении к дознанию в качестве обвиняемого в преступлениях, предусматриваемых 249 и 1453 ст. Улож. о наказ., содержится под стражею в отдельном помещении, причем изменения принятой против Стародворского меры не предвидится. Из того же отзыва видно, что Стародворский привлечен при подольском губернском жандармском управлении к дознанию в качестве обвиняемого:

1) в вооруженном нападении на полицейских служителей с освобождением от конвоя препровождавшегося Волянского, 2) в принадлежности к преступному сообществу и в проживательстве по подложным документам и 3) в ограблении совместно с Волянским кучера графа Шембека, отнятии лошадей и экипажа. К тому же отзыву от 11 июня за № 2586 приложены копии протоколов допросов Стародворского от 8 мая и 9 июня, из коих видно, что Стародворский, признавая свою принадлежность к социально-революционной партии «Народная Воля», показал, что отобранные у него при задержании в Москве рецепт для изготовления взрывчатых веществ для метательных снарядов, лом и письмо, подписанное «Михаил Васильевич», принадлежат ему, Стародворскому. Ни в январе, ни в феврале он в Киеве не был и по матрикулу студента Мицкевича не проживал, а на другой день после убийства Судейкина, 17 декабря вечером, уехал из Петербурга на Юг, дорогою остановился в Киеве на 3 дня.

Студенты Завадовский и Степанов на допросах дали сходные показания: ни к какому тайному противозаконному сообществу не принадлежат, никого из привлеченных к настоящему делу не знают. Кем писано им обоим письмо из Петербурга, они сказать не желают. В письме сообщаются сведения о Зое Григорьевне Ге, их хорошей знакомой по Николаеву, привлеченной по политическому делу за какие-то сношения с офицерами.

Из донесения помощника начальника Херсонского губ. жандармского управления по Херсонскому уезду видно, что Завадовский и Степанов, проживая в Николаеве, вели постоянно знакомство с лицами, известными жандармскому управлению своей неблагонадежностью, впоследствии арестованными и привлеченными в Одессе к делам политического характера, при чем Завадовский в особенности своим таинственным образом жизни и частыми поездками в Одессу возбуждал подозрение в сношениях с членами тайного революционного общества. Из сообщения начальника петербургского губ. жандармского управления видно, что Завадовский в бытность свою в Петербурге привлекался в апреле 1883 года к дознанию по обвинению в преступлении, предусмотренном 318 ст. Улож. о нак., поводом к чему послужило то, что Завадовский явился в квартиру Кузьменко во время производства у этого последнего обыска. Из того же сообщения видно, что Зоя Григорьевна Ге в августе 1883 года была привлечена к дознанию, производимому генерал-майором Середою по обвинению в принадлежности к преступному сообществу, выразившейся в близких отношениях с Верою Фигнер и укрывательстве этой последней, причем, хотя по обыску у Зои Ге обнаружены преступные издания, она освобождена из-под стражи под залог в десять тысяч рублей. Из отзыва помощника начальника херсонского губернского жандармского управления видно, что Григорий Николаевич Ге и все его семейство

отличаются крайне вредным, в смысле политическом, направлением. Когда Зоя Григорьевна проживала в доме отца, то у нее гостила Вера Фигнер, причем Зоя Ге принимала участие в революционных кружках, образовавшихся в Николаеве среди офицеров, и ее часто посещал Завадовский, который был дружен с проживавшим в доме Ге студентом Степановым.

Нелишне остановиться на одном инциденте, имевшем место при производстве дознания по настоящему делу. По постановлению киевского губернатора, Васильев был посажен «на хлеб и на воду» в тюремный карцер на шесть дней «за лживые показания, данные от 1 апреля 1884 года, в коих видно непозволительное глумление над правительством и законами». Васильев написал на имя генерал-губернатора обширное прошение, в котором заявляет, что, «не имея возможности опротестовать означенное постановление и подчинившись просто физической силе, считает это наказание, во-первых, противозаконным, так как ответственность за отношение его к правительству и закону предстоит нести ему в будущем; во-вторых, бесчеловечным и жестоким, если принять во внимание слабость его организма и свойства тюремного карцера; в-третьих, совершенно бесцельным, так как оно лишь оставило ревматическую боль в ногах, но ничуть не изменило его отношений ни к действующему закону, ни к современному правительству. Что касается содержания своих показаний, то считает, что они не могут ограничиться одними ответами на вопросы жандармского офицера, особенно если дело будет решаться в административном порядке, когда показания могут служить единственной защитой. Не принадлежа ни к какой политической противоправительственной организации, но не отрицая своей виновности перед лицом современного закона, он желал на допросах доказать, что его виновность тождественна с виновностью, если не большинства, то значительной части всего русского интеллигентного общества».

Вот еще отрывок, относящийся к этому же инциденту, из собственноручного доклада Новицкого графу Игнатьеву: «Васильев во время производства о нем дела держал себя в высшей степени дерзко, показания давал в насмешливом, дерзком, ругательном, ироническом направлении по отношению к властям, полиции, правительственным и законодательным учреждениям, так что бывший министр граф Толстой, которому были докладываемы эти показания, признав их лживыми и имеющими характер глумления над представителями власти, изволил сделать распоряжение о наложении на Васильева дисциплинарного взыскания во время содержания его под стражей в тюрьме и предложил не допускать по отношению к нему никакого отступления от тюремной дисциплины, и несмотря на строгие меры, против него предпринятые, за которые протестовали другие сообщники его, содержимые в тюрьме, он успел подбить других арестантов политических не раз к открытым беспорядкам в тюрьме».

Р. М. Кантор.

О дерптской народовольческой типографии.

Провал 6 февраля 1885 г. дерптской народовольческой типографии (создана, как известно, весною 1884 г. так назыв. «Молодой Партией Народной Воли»), в которой было напечатано второе издание № 10 «Народной Воли», обычно приписывается несчастному стечению обстоятельств: скоропостижно, в припадке эпилепсии, умер работник типографии, студент дерптского университета, Владимир Переляев, в квартире которого типография была устроена; смерть последнего вызвала, мол, внезапный осмотр его квартиры полицией и тем самым обнаружение тщательно законспирированной типографии.

В литературе эту версию впервые выдвинули жандармские «историки» *). Им во что бы то ни стало надо было затушевать истинные причины провала дерптской типографии, чтобы преждевременно не разоблачить своего активного сотрудника—провокатора. Подобное об'яснение лучше всего удовлетворяло их. В известной «Хронике» генерала Н. И. Шебеко мы и находим соответственное об'яснение причин провала типографии:

«6 февраля в Дерпте—читаем мы там—внезапно умер в своей квартире студент местного ветеринарного института Владимир Переляев. Полиция, которая тотчас же явилась констатировать его смерть, нашла в его квартире полную типографию» и т. д. [1]).

Сочинение этой версии отнюдь не принадлежит творчеству генерала Н. И. Шебеко. Последний в готовом виде заимствовал ее из соответственного «Обзора дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за 1885 год». А со страниц «труда» Н. И. Шебеко и со слухов, умышленно в свое время распространяв-

*) В свое время известие о внезапной смерти студента Переляева и открытии в его комнате подпольной типографии было напечатано в легальных газетах. *Ред.*

[1]) «Хроника социалистического движения в России 1878—1887 г. г. Официальный отчет», М. 1907 г., изд. В. Саблина, стр. 284.

шихся жандармами, *легенда* эта, как якобы действительный факт, была перенесена на страницы мемуаров революционных деятелей того времени и в другие даже исследовательского характера историко-революционные работы.

Так, например, один из активных деятелей «Молодой Партии Народной Воли», И. И. Попов, принадлежавший к числу немногих членов центрального кружка организации, которые были посвящены в сокровенную тайну существования и местонахождения этой типографии, следующим образом описывает историю создания этой типографии и ее провал:

«В половине января 1885 года [2]) провалилась прекрасно обставленная и организованная еще Якубовичем [3]) дерптская типография, на которой базировались наши надежды. Типография помещалась в квартире двух студентов, которые дали Якубовичу обещание никакими революционными и студенческими делами не заниматься, не компрометировать себя, а сидеть смирно, а если нужно, то и жуировать, но в меру. Адрес этой типографии знали только Якубович и я, а потом Емельянова [4]). Студенты свято исполняли данное обещание. Один из студентов, кажется, Иванов [5]), уехал на Рождество в отпуск; остался другой, Н. Н. Пепеляев [6]). Оказалось, что он в детстве или юности страдал эпилептическими припадками, но потом они не повторялись. Пепеляев о болезни ничего не сказал Якубовичу. В половине января ночью с Пепеляевым сделался припадок; он упал на тюфяк и, кажется, задохся. Дали знать полиции, и вот, при осмотре квартиры была найдена типография» [7]).

Другой современник, доктор А. Ю. Фейт, тогда студент медицинского факультета дерптского университета, связанный с мест-

[2]) Неверно, 6 февраля 1885 г. *Р. К.*

[3]) Якубович, Петр Филиппович (1860—1911), известный впоследствии литератор и поэт (псевдонимы: «Л. Мельшин», «П. Я»)—один из инициаторов и организаторов «Молодой Партии Народной Воли», слившейся к осени 1884 г. с центральной организацией старой партии. Якубович был арестован в ноябре 1884 г., судился в 1887 г. по процессу 21-го (Г.А. Лопатина и др.) и приговорен к смертной казни, замененной 18-летней каторгой. Каторгу отбывал на Каре и в Акатуе. Вернулся в Петербург в 1899 г., и всецело отдался литературной деятельности. *Р. К.*

[4]) Емельянова, Мария Николаевна (уроженка города Тобольска, дочь коллежского советника, окончила высшие женские курсы)—видный член центрального кружка петербургской народовольческой организации 1884 — 1885 г.г. Арестована 12 февраля 1885 г. и в административном порядке выслана в Якутскую обл. на 5 лет. В ссылке вышла замуж за известного революционера-семидесятника В. Ф. Костюрина. *Р. К.*

[5]) Иванов, Иван, студент дерптского ветеринарного института. О нем и его роли в типографии см. ниже в показаниях А.М. Новикова. За прикосновенность к дерптской типографии высочайшим повелением от 1 апреля 1887 г. отдан под гласный надзор полиции на один год «в избранном месте жительства, вне местностей, об'явленных в положении усиленной охраны». *Р. К.*

[6]) И.И. Попов неверно называет фамилию. То был Владимир Переляев. *Р. К.*

[7]) И. И. Попов. «Минувшее и пережитое». П., 1924 г., изд. «Колос», т. I, стр. 132.

ными революционными кружками, показывал, между прочим, на процессе провокатора И. Окладского, на котором он выступал свидетелем, что дерптская народовольческая «типография была обнаружена совершенно случайно. Хозяин квартиры и главный работник ее Кавалеев (читай: Переляев. *Р. К.*) умер в припадке падучей болезни и, когда на утро нашли его мертвым и был произведен осмотр его вещей, не с полицейскими целями, а с целью передать эти вещи родственникам, была обнаружена типография» [8]).

На ту же «случайную» причину—скоропостижную смерть В. Переляева, ссылаются многие другие и не только непосредственные участники народовольческого движения того периода, не посвященные в закулисные подробности провала типографии и, вообще, разгрома организации в 1884—1885 г.г., но даже те из них, которые изучали соответственные архивные дела. В. Сухомлин, такой осведомленный и активный современник тех событий, ознакомившийся притом с подлинными делами департамента полиции о лопатинской организации, вслед за И. И. Поповым и другими утверждает то же самое: «она (дерптская типография) была обнаружена случайно общей полицией при составлении протокола о скоропостижной смерти Переляева, одиноко жившего на своей квартире»—пишет он [9]) и т. д.

Фактически, однако, дело обстояло совершенно иначе. Дерптская народовольческая типография провалилась не случайно. И смерть В. Переляева не сыграла в ее провале никакой роли. О существовании дерптской типографии и ее местонахождении департаменту полиции было точно известно задолго до внезапной смерти Переляева, но ее не решались ликвидировать из-за так назыв. агентурных соображений. Неожиданный трагический случай с В. Переляевым если и мог в данном случае иметь какое-либо значение, то только в том смысле, что он несколько, быть может, преждевременно, с точки зрения розыскных целей, заставил охранку «внезапно обнаружить» давно известную ей типографию и тем самым отчасти расстроил строго и точно рассчитанные планы сыщиков. Не умри тогда Переляев, типография, правда, попрежнему продолжала бы существовать на своем месте, но только известное, весьма короткое время, ибо того настойчиво, видимо, требовали как интересы розысков, так и интересы сохранения самого секрета неминуемого провала типографии.

Вот краткий неопубликованный всеподданнейший доклад министра внутренних дел графа Д. А. Толстого от 7 февраля 1885 г., который неопровержимо доказывает, что о существовании типо-

[8]) «Процесс предателя-провокатора Окладского-Петровского в Верховном Суде», Л. 1925, изд. «Рабочий Суд», стр. 14.

[9]) В. Сухомлин. «Из эпохи упадка партии «Народная Воля», «Каторга и Ссылка», 1926 г. № 7—8 (28—29), стр. 95.

графии и ее местонахождении департамент полиции был осведомлен еще до смерти Переляева и что только «в интересах розыска» «арест типографии временно признавался неудобным», а потому «и самая типография оставалась нетронутой».

«Всеподданнейшим долгом поставляю себе довести до сведения вашего императорского величества, что вчера, 6-го февраля, в Дерпте скоропостижно умер студент университета Переляев, в квартире которого по обыску найдены все принадлежности подпольной типографии и значительное количество шрифта. По сведениям департамента полиции и на основании данных, обнаруженных дознанием по делу Лопатина и Якубовича, в этой именно типографии печатался № 10 «Народной Воли», и так как арест типографщиков временно признавался неудобным в интересах розыска, то и сама типография оставалась нетронутой.

В настоящее время приняты все меры к задержанию в Дерпте всех лиц, имевших связи с типографией и принимавших участие в печатании № 10 «Народной Воли».

Переляев уже привлекался к дознанию по обвинению в государственном преступлении в 1881 году.

7 февраля 1885 г. Граф Дмитрий Толстой» [10]).

Быть может, перед нами факт безосновательного хвастовства департамента полиции? В практике работы последнего подобные факты иногда имели место, в особенности когда шла речь об отчете перед верховной властью. Откуда департаменту полиции могло стать известным до смерти Переляева о существовании и местонахождении дерптской типографии?

На этот вопрос мы имеем вполне определенный ответ. Основные источники жандармской информации указаны в приведенном докладе: то, с одной стороны, «данные, обнаруженные дознанием по делу Лопатина и Якубовича», и, с другой стороны, «сведения департамента полиции».

Г. А. Лопатин был арестован в октябре 1884 г., П. Ф. Якубович — в ноябре 1884 г. Жандармское дознание по их делу к моменту смерти Переляева продвинулось несомненно значительно далеко. В руках сыщиков были основные нити лопатинской организации и было большое количество разнообразных документов, выявивших связи организации и изобличавших ее деятельность. Оба они: Лопатин и Якубович были непосредственно прикосновенны к дерптской народовольческой типографии и к печатанию в ней № 10 «Народной Воли». С первых же шагов дознания следователи-жандармы должны были натолкнуться хотя бы на косвенные следы типографии. Было бы более удивительно (учитывая характер отобранных при аресте Лопатина и Якубовича документов и списков), если бы департамент полиции в длинный промежуток времени с октября 1884 г. по февраль 1885 г. не напал на следы конспира-

[10]) Подлинник доклада хранится в архиве бывш. департамента полиции среди разных всеподданнейших докладов того времени. На подлиннике пометка гр. Д. Толстого «Рассмотрено его величеством 7 февраля».

тивной квартиры студента Переляева. Но «данные, обнаруженные дознанием по делу Лопатина и Якубовича», не имели, видимо, тут решающего значения. Департамент полиции располагал другими «агентурными сведениями», шедшими из других источников, более надежными и опередившими материал, добытый при разработке дела лопатинской организации.

Что департамент полиции своевременно напал на след квартиры Переляева, что ему задолго до смерти последнего было известно о существовании дерптской типографии и что в связи именно с работою этой типографии ему было знакомо и имя самого Переляева,—это в значительной степени подтверждается обстоятельствами ареста в декабре 1884 г. и высылки (в марте 1885 г.) известного в то время социал-демократа Д. Благоева, которого департамент полиции принимал тогда за народовольца. Б. Николаевский, изучавший архивные дела о благоевской соц.-дем. организации, пишет следующее по поводу ареста руководителя организации:

«Как видно из дел департамента полиции, Благоев был арестован, главным образом, вследствие упоминания его фамилии в перехваченном департаментом полиции письме хозяина так назыв. дерптской типографии «Народной Воли», Переляева—к видному члену этой партии того времени Емельяновой, в котором Переляев, жалуясь на широкое разглашение «тайны печатания № 10 «Народной Воли», указывает, как на пример этого разглашения, на знание этой тайны студентом Благоевым, болгарином, знакомым г-жи Волкенштейн [11]), теперь осужденной» [12]).

Не станем разбираться в том, знали ли что-либо о дерптской типографии Д. Благоев и Л. А. Волкенштейн (последняя, например, ни в коем случае не могла ничего знать, так как арестована в октябре 1883 г., а типография была создана только в начале 1884 г.). Для нас сейчас важнее другое: формальные и в то же время действительные причины ареста Д. Благоева с несомненностью доказывают, что к концу 1884 г. (времени ареста Благоева) департамент полиции был точно осведомлен о существовании типографии и о причастности к ней В. Переляева, как равно и об ее местонахождении (это, ведь, нетрудно было установить хотя бы по адресу

[11]) Волкенштейн, Людмила Александровна (1857—1906), известная революционерка, участница убийства в феврале 1879 г. харьковского губернатора кн. Кропоткина, потом народоволка. Арестована в октябре 1883 г. Судилась по процессу 14-ти в октябре 1884 г. и приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Наказание отбывала в Шлиссельбурге и на Сахалине.

[12]) Б. Николаевский. «Программа первого в России соц.-дем. кружка»—«Былое», 1918 г. № 7 (13), стр. 42—43. О том же см. в примечаниях к «Переписке Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода» (т. I, М. 1925 г., стр. 22) и у В. Невского «Очерки по истории РКП(б)» (II, изд. «Прибой», 1924 г., стр. 232; у Невского неправильно указана дата ареста Благоева—«летом 1885 г.» вместо, как должно быть, декабрь 1884 г. и как в тексте, так и указателе допущена описка в отношении Емельяновой, названной там «Емельяновым»).

Переляева, жившего в Дерпте легально и прописанного в участке). Перехваченное в декабре 1884 г. письмо Переляева является, таким образом, одним из секретных источников жандармской информации.

Был еще и другой более секретный и более, с точки зрения розысков, верный и ценный источник. Мы склоняемся к тому, что первые сведения о типографии департамент полиции получил еще гораздо раньше—именно летом 1884 года.

В нижеприведенном документе, показании А. М. Новикова, сожителя Переляева и работника дерптской типографии, мы читаем: «В нашей квартире бывали общие знакомые, студенты «Русского Общества», в числе их бывал и студент Геккельман, который также *не знал* (курсив наш Р. К.) о типографии».

Итак, в квартире, где помещалась типография и где печатался № 10 «Народной Воли»», бывал и студент Авраам (Арон) Геккельман, тот самый Геккельман, который впоследствии прославился своей неслыханно гнусной провокационной деятельностью под фамилиями Ландезен и Гартинг.

В. Сухомлин, приведя эту единственную цитату из показания А. М. Новикова в названной статье своей, ставит вопрос, не выдал ли Геккельман дерптскую типографию, и тут же отвечает на него отрицательно и вполне категорично. Он, правда, допускает, что Геккельман «несомненно знал о существовании в квартире студента Переляева тайной типографии», но ему неизвестно, «был ли уже в Дерпте Геккельман провокатором». «Во всяком случае,—пишет В. Сухомлин,—он своевременно о типографии не донес, так как она была обнаружена случайно»... И дальше: «Факт прикосновенности Ландезена к долго работавшей типографии, лишь случайно провалившейся, дал ему возможность проникнуть в среду эмигрантов и приобрести их доверие [13]).

Мы вполне разделяем предположение В. Сухомлина, что, несмотря на отрицание А. М. Новикова, Геккельман безусловно знал, что в квартире В. Переляева устроена типография. Ибо, вопреки утверждению И. И. Попова, что о том, кроме двух студентов, непосредственно работавших в типографии,—были осведомлены только он, И. И. Попов, П. Ф. Якубович и М. Емельянова, секрет печатания № 10 «Народной Воли», как видно из перехваченного письма Переляева, получил известную огласку. Вполне естественно поэтому, что Геккельман, посещавший квартиру Переляева, поддерживавший близкие связи с П. Ф. Якубовичем и находившийся с последним в переписке, знал эту «сокровенную тайну».

Что Геккельман определенно знал о существовании типографии, указывает, между прочим, А. Ю. Фейт в своих показаниях на процессе И. Окладского. «С Геккельманом-Ландезеном—говорил он—

[13]) Цитиров. статья—«Каторга и Ссылка», 1926 г. № 7—8 (28—29) стр. 94—96.

я был знаком, еще будучи в Дерпте, в период 1883—1884 г.г. Тогда Геккельман-Ландезен принимал участие в работах народовольческой типографии, основанной там Якубовичем, в которой был напечатан № 10 «Народной Воли» [14]). И, наконец, вдумчивый и осторожный анализ показания А. М. Новикова приводит к заключению, что последний просто сознательно скрывал от жандармов факт осведомленности Геккельмана относительно типографии, как он умалчивал также о своем несомненном знакомстве с П. Ф. Якубовичем и о многом другом, думая этим выгораживать заинтересованных лиц.

Но того, что Геккельман знал о существовании дерптской типографии, мало. Мы считаем на все сто процентов вероятным, даже несомненным, что это он, Геккельман, а не кто-либо иной (о «случае», на котором настаивает В. Сухомлин, и речи быть не может) первый информировал полицию о дерптской типографии. За это говорят как веские косвенные данные, так и простая логика.

Тогда, в 1884 году, А. Геккельман был уже, если не провокатором, то во всяком случае видным и ценным «осведомителем» охранки. Ведь он—по предположению В. К. Агафонова—был «зааген-турен» еще в начале 80-х годов начальником петербургского охранного отделения полковником Секеринским [15]). Еще до Дерпта он «освещал» деятельность революционных студенческих организаций. Когда впоследствии в 1903 г. составлялся служебный формуляр Геккельмана-Гартинга, ему срок службы по высочайшему повелению был зачтен с 28 марта 1883 г. [16]). Последняя дата и является, очевидно, временем начала его шпионской работы. Известный С. Дегаев еще в те времена категорически заявлял эмигрантам, что Геккельман «работал» при Г. П. Судейкине [17]). В начале 1885 г., в связи с обнаружением типографии, Геккельман скрывается заграницей по подложному паспорту на имя Ландезена, выданному, по сведениям департамента полиции, лифляндским губернатором. И уже 8 мая 1885 г. П. И. Рачковский и С. Э. Зволянский от имени департамента полиции подписывают в Париже с Ландезеном-Геккельманом договор на его дальнейшую провокационную работу среди эмиграции. Из этого договора, опубликованного В. Агафоновым, мы знаем, что Геккельман получил в Париже полный расчет по 1 марта 1885 года, исходя из ежемесячного оклада в 200 рублей, что ему оплачена стоимость «бегства» из Дерпта в Париж и что с 1 марта 1885 года он стал получать по 300 рублей ежемесячного жалованья, не считая «командировочных» и всяких других сумм [18])

[14]) Цитиров. отчет о процессе Окладского, стр. 14.
[15]) В. К. Агафонов. «Заграничная охранка», П. 1918 г., изд. «Книга», стр. 25.
[16]) «Падение царского режима», под ред. П. Щеголева, т. VII, Л. 1927 г. стр. 322.
[17]) Л. Тихомиров. «Воспоминания», П. 1927 г., изд. Госиздата-Центрархива, стр. 312.
[18]) В. Агафонов, цитиров. сочин., стр. 24—25.

Не подлежит, следовательно, никакому сомнению, что еще до возникновения «Молодой Партии Народной Воли» и тем более во время существования дерптской типографии Геккельман состоял «осведомителем» петербургской охранки, за какую работу получал 200 рублей в месяц. Какие же причины могли удержать его, того Геккельмана, который, как охарактеризовал его в одном из своих показаний П. Ф. Якубович, был «самой популярной личностью» в Дерпте, которого там «знали все, от жандармского капитана и профессора до последнего фурмана и экспресса» и которого П. Ф. Якубович, в силу слепого доверия к нему, всячески на допросах старался выгородить[19]),—какие же причины, повторяем, могли удержать его от откровенного «освещения» дерптского подполья?

Не было, понятно, ничего такого, что могло бы заставить молодого шпиона Геккельмана скрывать от жандармских властей дерптскую тайну. Не было и не могло быть. В противном случае мы не были бы свидетелями договора, заключенного между департаментом полиции и Ландезеном в Париже в мае 1885 года.

Допустим, что он скрывал от них эту тайну. Но из показаний П. Ф. Якубовича, А. М. Новикова и др. материалов дознания департаменту полиции в начале 1885 г. формально стало известно о причастности Геккельмана к дерптскому кружку. Если департамент полиции действительно неожиданно узнал бы, что его сотрудник-осведомитель, получавший 200 рублей в месяц, скрыл от него те или иные обстоятельства, то он, понятно, не заключил бы с подобным сотрудником такого важного договора, какой в мае 1885 г. был подписан в Париже.

Очевидно, деятели сыска хорошо знали, кто такой Геккельман и какова была его действительная роль в деятельности разгромленной организации, а потому и оплатили ему стоимость «бегства» и привлекли его к более тонкой и ответственной работе на поприще провокации.

Все эти обстоятельства и даже история с поспешным, в связи с обнаружением дерптской типографии, таинственным исчезновением в начале 1885 г. Геккельмана за границу с подложным документом на имя Ландезена, выданным лифляндским губернатором (о чем департаменту полиции каким-то странным путем стало быстро известно), убеждает в том, что именно Геккельман своевременно информировал охранку о дерптской типографии. И он, Геккельман, видимо, и являл собою те «агентурные соображения», которые, с точки зрения соблюдения строгой тайны, заставляли департамент полиции повременить с формальной ликвидацией долго бездействовавшей типографии.

Умер Переляев, волей-неволей наружной полиции пришлось писать протокол об обнаружении типографии, и Геккельман по-

[19]) «Каторга и Ссылка», 1926 г., № 7—8 (28—29), стр. 95.

спешно при поддержке и за счет охранки «бежит» за границу, где в Париже рассчитывается полностью за «российские» дела по 1 марта 1885 г. и одновременно получает повышение... И глубоко правы были те эмигранты, которые, по приезде Геккельмана за границу после провала типографии, считали последний делом его предательских рук [20]). Если к трезвым голосам одиночек-смельчаков, предупреждавших о Геккельмане, более чутко прислушивались бы эмигрантские массы, то, можно смело утверждать, провокационная деятельность Ландезена не достигла бы в 1880-х годах такого большого размаха.

Все то немногое, что нам известно по литературным источникам о дерптской типографии, относится, главным образом, к факту ее провала. О самой типографии нам ничего неизвестно. С целью восполнить этот пробел мы и публикуем тут интересные неизданные показания А. М. Новикова. Показания эти знакомят нас с историей типографии, ее устройством и ходом работ в ней и сообщают некоторые новые данные, как о печатании № 10 «Народной Воли»», так и о выпуске известного «Заявления центральной группы Молодой Партии Народной Воли».

Александр Михеевич Новиков, студент дерптского ветеринарного института, был одним из тех трех студентов, которые были непосредственно причастны к работам типографии. Он работал в ней с момента ее создания и до самого последнего времени жил в той же квартире совместно с В. Переляевым. Незадолго до смерти Переляева он уехал в отпуск, в Харьков, где в феврале 1885 г. и был арестован. За причастность к дерптской народовольческой типографии он по высочайшему повелению от 1 апреля 1887 г. был сослан на три года в Восточную Сибирь [21]).

Показания свои А. М. Новиков давал 9 марта 1885 года жандармскому ротмистру Лютову в присутствии товарища прокурора петербургской судебной палаты М. М. Котляревского. Записаны показания ротмистром Лютовым [22]), так как сам Новиков, вследствие вывиха правой руки, собственноручно писать не мог.

---

[20]) См. об этом подробнее в названных воспоминаниях Л. А. Тихомирова, стр. 312—314. К числу немногих лиц, считающих Геккельмана виновником провала дерптской типографии, принадлежит и Л. Меньщиков (см. его книгу «Охрана и революция» т. I, М. 1925 г. стр. 90). Последний только ошибочно утверждает, что выдача типографии была «началом карьеры» Геккельмана. Он начал свою провокаторскую карьеру несколько раньше, но в чем конкретно выразилось это «начало», мы так еще и не знаем.

[21]) «XII обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за 1887 год», стр. 163.

[22]) См. дело IV делопроизводства департамента полиции, № 62 за 1885 г. л. 42—45.

Показания А. М. Новикова о дерптской типографии.

Я не признаю себя виновным в принадлежности к революционной партии «Народной Воли» или какой-либо ее фракций, но сочувствую всякому революционному движению и сочувствие это выразил в том, что принял участие в содержании тайной типографии в Дерпте и в печатании в этой типографии № 10 революционной газеты «Народная Воля». При этом для меня было безразлично, какого направления и содержания была газета, так как я интересовался вообще выпуском свободного органа.

В марте 1884 года через общего знакомого товарища моего, имени которого назвать не желаю, я познакомился с каким-то молодым человеком, имя которого осталось для меня неизвестным [23]) и который, об'яснив мне о предположенном устройстве в Дерпте тайной литографии или гектографии, предложил принять участие в издании революционных сочинений, для чего и поселиться на квартире, которая будет для этого приготовлена, о чем мне дадут знать.

В мае месяце 1884 года студент дерптского университета Владимир Переляев, с которым я был знаком со времени приезда моего в Дерпт в 1881 г., сказал мне, что квартира приготовляется и что в ней будет помещена тайная типография. В этом же мае месяце я перебрался на эту квартиру, в доме Крейден, по Ботанической улице, в которой застал уже Переляева и некоего Иванова [24]), которого знал только по фамилии и который, по его словам, приготовлялся к поступлению в дерптский университет. Я знал еще одного Иванова, студента ветеринарного института, имя и отчества его не знаю, но он никакого отношения к типографии и революционному делу не имел.

Перебравшись в названную квартиру, я застал там и принадлежности типографии, а именно: шрифт, вал, стекло, стол и пр. Впоследствии был привезен еще шрифт и другой вал, это было летом, но когда именно, не помню. Шрифт и вал приносил Иванов, который обыкновенно делал поездки по надобностям типографии, так как я и Переляев этого не делали и в Петербурге совсем не бывали. Иванов же по делам типографии несколько раз ездил в Петербург.

То лицо, которое меня пригласило принять участие в типографии, никогда на нашей квартире не появлялось, и я с ним больше не видался,—и вообще на той квартире не бывал никто, знавший о существовании тайной типографии. Бывали же общие знакомые, студенты Русского Общества [25]), в числе их бывал и студент Геккельман, который также не знал о типографии.

По пред'явлении мне карточек лиц, которых называют Герман Лопатин и Петр Якубович, об'ясняю, что личностей этих никогда не видал и не знал, хотя фамилию Германа Лопатина слышал по поводу его арестования [26]). Никаких изданий мы не гектографировали и не литографировали.

К печатанию приступили с июня 1884 года (приблизительно). Прежде всего начали печатать «Заявление Молодой Партии Народной Воли», рукопись которого я уже застал на нашей квартире. Напечатали этого заявления приблизительно более 200 экземпляров, но в точности не помню. По пред'явлении мне копии протокола осмотра вещей этой квартиры от 15 февраля 1885 года, в котором под № 2 значится «Прокламация от Центрального Комитета Молодой партии Народной Воли от 20 мая, на полулистах в три столбца, напечатанная в типографии молодой партии Народной Воли 29 мая 1884 года»—об'ясняю,

[23]) То был П. Ф. Якубович. Ср. «X Обзор дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за 1885 год», стр. 7.

[24]) Иванов, Иван, состоял студентом Дерптского ветеринарного института (Ср. «X обзор жандармских дознаний», стр. 6—7). О нем см. выше, в нашей вступительной заметке. *Р. К.*

[25]) Национальная корпорация тогдашнего дерптского студенчества.

[26]) П. Якубовича, конечно, А. М. Новиков знал, но сознательно на допросе отрицал это знакомство.

что это то самое заявление, о котором я показываю [27]). Вскоре при напечатании этого заявления приехал Иванов и об'явил, что «Молодая Партия Народной Воли» не будет выступать самостоятельно [28]), а потому и напечатанное заявление непригодно. Поэтому заявление это было нами сожжено за исключением нескольких экземпляров. После этого приступили к набору № 10 «Народной Воли», но набор продóлжали долго, так как несколько раз Иванов привозил распоряжения о перемене и переделке некоторых статей.

Окончили набор и приступили к печатанию № 10 «Народной Воли» только в августе 1884 года, набирали и печатали по листам, так как для набора целого номера не хватало шрифта. Шрифт был у нас только: корпус, цицеро и петит, других же сортов было не в полном количестве. Для напечатания заглавия служила медная доска с вырезанными словами: «Народная Воля». Всего «Народной Воли» напечатали около 1200 номеров. Первый транспорт был вывезен в последних числах сентября Ивановым в Петербург, не знаю сколько экземпляров, но печатание продолжали еще и в октябре. Посылали и еще транспорты, но кто и куда их возил, я не знаю. После октября месяца 1884 года печатание уже не продолжалось.

Кроме названных двух изданий, в этой квартире ничего больше не печатали. Набором и печатанием занимались только я и Переляев, изредка помогал и Иванов. Моя роль в этом деле ограничивалась только механическою работою. От Иванова я слышал, что статьи для номера составлялись и редактировались в Петербурге, а поступали в типографию через Иванова, но кто составлял статьи, кто руководил устройством типографии и квартиры для нее, мне неизвестно. Корректуру держал Иванов и занимался этим на той же общей квартире. Посылались ли для корректуры листы еще кому-либо, я не знаю.

С ноября месяца 1884 года всякие работы в типографии прекратились. Иванов, уехав в сентябре с первым транспортом, не возвратился. Я занялся приготовлением к семестровому экзамену в Ветеринарном Институте и выдержал в декабре и первой половине января 1885 года шесть экзаменов и, не имея больше средств к жизни, 13 января 1885 года выехал из Дерпта в Петербург, прожил здесь у брата (Кирочная улица, дом № 44), Павла Новикова, дней пять или шесть и уехал к другому брату в Харьков, где и был арестован. В Петербурге был в первый раз в жизни, ни с кем из революционных деятелей не видался и из таковых никого не знаю. Материальных средств от революционной партии я не получал лично. На чей счет содержалась наша квартира в Дерпте, на счет партии или отдельного лица, я не знаю, но я денег за квартиру не платил. На вопрос о приметах лица, пригласившего меня участвовать в типографии и о приметах Иванова, я не могу дать удовлетворительного ответа, так как приметы их никаких особенностей не представляют.

(Подписи:) А. М. Новиков. Отд. корпуса жандармов ротмистр Лютов.

[27]) Прокламация эта опубликована в № 4 «Вестн. Народ. Воли»—Женева 1885 г., стр. 239—240 и перепечатана в известном сборнике «Литература Партии Нар. Воли», ред. Б. Базилевского. Париж, 1905 г., стр. 675—676, и затем в ростовском издании Донской Речи 1907 г.

[28]) К осени 1884 г. Молодая Партия Нар. Воли окончательно слилась со старой организацией и прекратила кратковременное самостоятельное существование.

З. Коган.

Тульская типография партии „Народной Воли“.

23 января 1886 г. была арестована типография в Таганроге. Для всех было ясно, что это результат предательства, но кто был предателем, тогда еще не было известно. Одновременно с Таганрогской типографией работала типография в Новочеркасске. И хотя она была хорошо законспирирована, все же была опасность, как бы предатель не навел на ее след. Поэтому решено было временно ликвидировать ее. Весь шрифт и типографские материалы были вывезены и сложены в безопасное место в том же Новочеркасске. Работники же ее—Богораз, Пашинский и я—уехали. Пашинский по своему легальному паспорту поехал в Житомир, а Богораз и я—в Екатеринослав, где в это время находился и Оржих. В половине февраля решено было, что Оржих и Богораз развезут отпечатанную в Новочеркасской типографии брошюру Богораза «Борьба общественных сил в России», а я поеду в Таганрог, Ростов н/Д. и в Новочеркасск, чтобы узнать, что делается в этих городах, кто арестован и что из местных организаций уцелело. После этого об'езда я должен был вернуться в Екатеринослав и встретиться с Оржихом и Богоразом. Предполагалось, что к тому времени положение дел выяснится, и можно будет решить, что дальше делать.

Об'езд мой закончился в начале марта, и я направился в Екатеринослав. Под'езжая к этому городу, я услыхал в вагоне разговор между двумя пассажирами о том, что в городе был арестован какой-то политический преступник, и что при аресте он стрелял в полицеймейстера. Я насторожился. При выходе из вагона в Екатеринославе я заметил, что из соседнего вагона вышел какой-то суб'ект и пальцем позвал жандарма. Хотя суб'ект был в обыкновенной одежде, подошедший жандарм, повидимому, узнал его, вытянулся в струнку, взял под козырек и что-то стал отвечать на вопрос приезжего. Ясно было, что в Екатеринославе действительно произошло что-то серьезное, и что приезжий суб'ект, неизвестный мне, но известный жандарму, явился сюда в связи с этим событием.

Таким образом, приехав в Екатеринослав, я сразу увидел, что в городе неблагополучно. Но надо было узнать, в чем дело. Я отправился в город. Квартиры мне были известны, но безопасность их была под сомнением. Проходя мимо квартиры, в которой жили А. Н. Шехтер (впоследствии Минор) и В. С. Гасох (впоследствии Гоц), я увидел, что окна закрыты ставнями. Ясно, что обитательницы квартиры арестованы. Квартира М. М. Полякова тоже показалась подозрительной. У третьей квартиры просто стояли два шпика, так что тут никаких сомнений быть не могло. Наименее подозрительной была квартира матери Оржиха. Я ходил по бульвару и соображал, что делать. Наконец, решил зайти к матери Оржиха. В несколько минут я узнал, в чем дело. Арестованы Шехтер, Гассох, Поляков. На квартире последнего арестован Оржих, оказавший вооруженное сопротивление, пытаясь бежать через окно. Богораз уехал, оставив мне записку у лица, живущего на третьей квартире, где никого не арестовали, ограничившись лишь обыском. Сказав несколько утешительных слов матери, я поспешно ушел. Теперь меня больше всего интересовала записка Богораза, но как ее достать? Пойти прямо за ней было невозможно. Когда я, наконец, нашел возможным справиться о ней, оказалось, что при обыске, боясь провалить записку, ее уничтожили.

Положение получалось крайне затруднительное. Прочти я записку Богораза, мне легко было бы ориентироваться, легко с'ехаться с ним, сообща обсудить положение дел и снова приступить к работе. Без него целый ряд вопросов не мог быть разрешен. Надо было во что бы то ни стало разыскать его и повидаться.

Я уехал в Харьков. Там мы много беседовали с Бражниковым, но самого главного: как повидаться с Богоразом, он мне сообщить не мог. Он знал только, что Богораз уехал на север, но где находится в настоящее время, и долго ли продлится его отсутствие, так же не знал, как и я. После долгих размышлений я решил, что болтаться мне в Харькове опасно и что до свидания с Богоразом мне надо удалиться в безопасное место, где ни о каких политиках не знают. Поговорив с Бражниковым, мы решили, что я уеду в Крым и там буду дожидаться разрешения вопроса.

Там я прожил целый месяц, не обращая на себя ничьего внимания. Наконец, приехал Бражников с добрыми вестями, через несколько дней я уже беседовал с Богоразом.

Встреча с Богоразом была очень радостна для обоих. Мы уже с год работали вместе, привыкли друг к другу, полюбили друг друга, оба полны были сил и энергии и, что называется, рвались в бой. Разумеется, мы погоревали о постигших нас потерях, среди которых особенно чувствительна была потеря Оржиха, но, выяснив положение дел, определив наши наличные силы, бодро решили со всею энергией продолжать наше дело.

Прежде всего надо было поставить типографию. Интересного литературного материала на первое время было достаточно. Затем—заняться подготовкой материалов для нового номера «Народной Воли» и в крайнем случае для «Листка Народной Воли». Кроме того предполагалось создать чисто литературную группу, которая занималась бы исключительно подготовкой материалов для правильного издания органа партии в определенные периоды.

Возникал вопрос, где ставить типографию: опять на юге или на севере? Юг имел серьезные преимущества. Но больно уж мы намозолили глаза на юге. Карточки наши имелись у жандармов всех крупных городов юга и даже в Полтаве, где я имел случай из'ять свою карточку. К тому же литературные связи тоже требовали, чтоб типография была на севере.

Вопрос был решен в пользу севера. Колебались между Серпуховым и Тулой, остановились на последней.

Работников для типографии у нас было достаточно: Богораз, я и в перспективе—Пашинский. Но не было хозяйки. Ее надо было найти. Соображая, кому бы можно было предложить эту роль, я остановился на Марии Николаевне Третьяковой. Марию Николаевну я знал с 82 года, когда она кончала Екатеринославскую гимназию. Позднее она состояла в Екатеринославском кружке. Я знал, что она сидела в Екатеринославской тюрьме, сидела в Симферопольской и отлично держалась в тюрьме и с жандармами. Я предложил ее. Богораз согласился, и я в тот же день поехал в Екатеринослав. Мария Николаевна очень горячо откликнулась на наше предложение, но принять его не могла. Дело в том, что ее выпустили из тюрьмы на поруки сестры, и это связывало ее по рукам и ногам. Сестра ни в коем случае не согласилась бы, чтоб она уехала нелегально, а уехать без ведома сестры,—считала невозможным. Она очень волновалась, чуть не плакала, наконец, предложила мне решить этот вопрос, а она подчинится моему решению. Не желая насиловать ее совесть, я отказался от ее услуг, постарался ее утешить и вернулся в Харьков.

Стали обсуждать другие кандидатуры и остановились на Вере Обуховой. Обухова жила в Твери под надзором полиции.

Наметив помещение под будущую типографию, мы поехали в Тверь. На наше предложение Обухова с восторгом согласилась, быстро собралась и, счастливая, уехала с нами в Тулу. В Тулу мы приехали утром и тотчас же отправились смотреть квартиру. Квартира оказалась очень удобной. Домик состоял из 4-х небольших комнат, сеней с парадным ходом во двор и из кухни и комнаты при ней для прислуги с черным ходом. Между сенями парадного хода и черным ходом тянулся довольно длинный коридор. Таким образом, жилые комнаты были совершенно отделены от кухни, и всякий, пришедший на кухню, не видел жилых комнат.

Отрекомендовавшись хозяевам служащими на железной дороге запасными агентами, указав на Обухову, как на мою молодую жену, с которой мы недавно повенчались, что вызвало сочувственную улыбку на лицах хозяев, и на Богораза, как моего друга и сослуживца, который с нами будет жить, я справился о цене. Цена была недорогая,—11 руб. в месяц. Воду будет нам доставлять работник хозяев по мере надобности, для чего летом в черных сенях, а зимой в кухне будет иметься ушат. Я согласился на эти условия, дал задаток и заявил, что мы в тот же день переедем.

Действительно, мы сейчас же отправились в магазины, купили необходимую обстановку для себя и для типографии, самовар, чайную и кухонную посуду, икону и пр. и, сложив все это на 2 подводы, приехали на квартиру, не забыв и про хлеб-соль. Хозяева нас очень любезно встретили, открыли ворота и, когда увидали, что мы прежде всего внесли в дом икону и поднос с хлебом и солью, составили себе, вероятно, о нас очень лестное мнение.

Квартиру мы распланировали так. В первой комнате устроили мой кабинет, из него одна дверь вела в гостиную—другая в комнату Богораза. Из комнаты Богораза дверь в типографию. Комнату при кухне отвели под столовую. Квартирную плату платили хозяевам аккуратно, так что им не было надобности приходить к нам, а приходивший по утрам работник с водой, чаще всего застававший нас в столовой за чаем, в нашу «белую половину» совершенно не проникал.

Со следующего же дня началась наша работа по устройству типографии. Я заказал в одной столярной мастерской необходимое количество планок и досок для двух типографских касс. В другой,—деревянный вал для печатания. В кузнечно-слесарной мастерской заказал раму на восемь страниц. Дня через три доски и планки были готовы, и я сделал кассы. Богораз с'ездил в Москву и привез бумагу, два станка для валиков, две верстатки и типографской краски. Вскоре я получил вал и раму, отлил валик для краски, и, таким образом, все предварительные подготовления были закончены. Оставалось главное—привезти шрифт. Я поехал за ним в Харьков, где все уже было подготовлено. Весь шрифт был уложен в пудовые ящики из-под гвоздей. Хотя ящиков было много, но внимания на себя они обратить не могли, так как для всякого носильщика было ясно, что это проволочные гвозди. В Туле Богораз встретил меня на вокзале. Я через открытое окно передал ему все ящики, а затем мы их перенесли на извозчика и благополучно доставили домой.

На другой же день Тульская типография начала работать. Это было в июне 1886 года.

Первая работа была «Варшавский процесс 29-ти». С первых же дней работа была поставлена на правильные рельсы. Мы печатали лист из 8-ми страниц с обеих сторон, т.-е. 16 страниц. Затем лист резался на две части, и получалось 2 листа по 8 страниц. Обыкно-

венно я набирал 8 страниц в день. Вечером я заключал набор в раму, смачивал 250 листов газетной бумаги и клал ее на всю ночь под пресс. К утру бумага была готова, снимался корректурный лист и за утренним чаем просматривался. После чаю Богораз и Обухова становились печатать, а я уходил на рынок за провизией. Затем я готовил обед. Часам к 5-ти печатание оканчивалось, я смывал шрифт и разбирал набор. Этим заканчивалась дневная работа. И так шел день за днем с правильностью машины: день набор и день печатание. Вечера были свободны, и каждый проводил их по своему усмотрению.

В первое время приходилось чуть не каждый день вносить «усовершенствования» в наш печатный станок, который в процессе работы обнаруживал тот или иной дефект. Станок наш состоял из обыкновенного кухонного стола, покрытого гладкой мраморной доской. На доске лежала железная рама с заключенным в нее набором. На продольные бока рамы накладывались картонные полосы до уровня шрифта, так что получалось 2 рельса, по которым прокатывался деревянный вал, туго обтянутый тонким сукном.

Типографская краска раскатывалась на небольшой мраморной доске, лежавшей на табуретке тут же у станка. Печатали двое. Один раскатывал краску на доске, проводил валиком по набору и после того, как второй наложит на набор «талер» и лист, прокатывал по бумаге большой вал.

Благодаря этим усовершенствованиям, мы добивались того, что работа у нас получалась настолько чистой, настолько ясной, что впоследствии жандармы серьезно уверяли публику, что брошюры эти печатались за границей.

Не помню, когда окончили первую работу. Помню только, что когда мы подобрали все листы, сшили и сброшюровали 500 экземпляров «Процесса», то ощутили большое удовлетворение. Брошюра вышла на славу.

После издания «Процесса» в типографию был водворен Пашинский, так как Богоразу и мне приходилось увезти «Процесс» и привезти подготовленные уже материалы для «Листка Народной Воли». Богораз поехал на север, я—на юг. Пока мы ездили, Пашинский набирал новое издание программы «Исполнительного Комитета». По возвращении из поездки, приступили к второй работе Тульской типографии—«Листку Народной Воли № 5». Эта работа уже шла по заведенному порядку, только вместо Богораза печатал Пашинский, а Богораз писал. Ему вообще для этого номера пришлось много поработать: и статьи писать, и редактировать весь остальной материал.

Третья и последняя работа Тульской типографии при мне—было издание брошюры под общим заголовком «Из Сибири», куда вошло описание голодного бунта в Иркутской тюрьме четырех женщин: Росиковой, Кутитонской, Богомолец и Ковальской, письмо с Кары и покаянное письмо из Белгородского Централа предателя

Пацановского, адресованное осужденным по Варшавскому процессу 29-ти.

Все эти издания выходили в количестве 500 экземпляров каждое.

Тульская типография была нашей лебединой песнью. В ноябре был выпущен «Листок Народной Воли» и подготовлялась к печати брошюра «Из Сибири». В начале декабря Богораз увез значительную часть «Листка» на север, а остальное я отвез в Харьков, предоставив дальнейшее распространение его по югу харьковцам. Сам я вернулся в Тулу, чтоб заняться печатанием «Из Сибири». К тому времени от Богораза уже должно было получиться извещение о том, что все обстоит благополучно и что материал для следующей работы имеется. Но от Богораза ничего не получалось. Это вызвало большое беспокойство, тем не менее работа шла обыкновенным порядком. К концу декабря брошюра была готова. К этому же времени я уже окончательно утвердился в мысли, что Богораз провалился. Надо было поставить в известность об этом товарищей, отвезти брошюру и сговориться насчет дальнейшей работы, насчет денег и проч. Я забрал обычную часть издания для юга и отвез его в Харьков и Таганрог. В Харькове я виделся с Бражниковым, в Таганроге—с Кулаковым. При обмене мнениями никто из нас не предполагал, что в Москве есть предатель, и что арест Богораза был результатом этого. Предполагалось, что это—просто несчастная случайность. Поэтому решено было поехать в Москву, отвезти брошюру «Из Сибири», узнать о Богоразе, выяснить относительно литературной группы и забрать материалы для печати, буде таковые имеются. После Москвы отправиться в Харьков.

С этим решением я вернулся в Тулу числа 20 января 1887 г. Я переговорил с Пашинским и Обуховой, снабдил их деньгами и посоветовал в случае моего провала,—а это выяснится не далее, как через неделю после моего от'езда—типографию ликвидировать, для чего обратиться за помощью к Тульской организации, среди которой у Обуховой были знакомые. Таким образом, типография сохранится подобно Новочеркасской, и при надобности снова пойдет в дело.

23 или 24 января я уехал в Москву. В это время у меня жестоко болел зуб, и я первым делом поехал к зубному врачу и вырвал его. После этого поехал в Петровку, к Соломонову. Здесь я узнал все, что было известно об аресте Богораза, об обысках и арестах, последовавших затем, о том, что литературная группа совершенно разбита, и много других неприятных вещей. О том, что в местной организации имеется провокатор, ни у кого не было и тени подозрения. Но мне тут все-таки было не по себе, особенно смущало меня вечное присутствие на кухне городового. Я обратил на это внимание Соломонова и Софьи Львовны Зотовой, но они это присутствие об'ясняли очень невинным образом. Я решил не задерживаться в Москве.

Привезенную литературу я передал и отправился в город. Я много ходил по городу, стараясь установить, есть-ли за мною

слежка. У меня по этой части был довольно большой опыт, между прочим, и по той же Москве, где мне уже пришлось раз быть. Но самое внимательное наблюдение не вызвало во мне никаких сомнений,—за мною никто не следил. Тем не менее я не был спокоен и, когда на другой день я прощался с Соломоновым и Зотовой, я им сказал, что сильно думаю, что провалюсь, хотя за мною и не следят. Они смеялись, об'ясняя это нервами. Я отправился в город и снова немало походил и, убедившись, что и на этот раз никакой слежки за мною нет, зашел в магазин, купил стопу бумаги и поехал с нею на Курский вокзал. Здесь я сдал ее носильщику, дал ему денег, велел купить билет до Тулы и сдать в багаж тючок с бумагой, а сам прошел в зал I класса и стал обедать. Ничего подозрительного и здесь не было. Носильщик принес мне билет и багажную квитанцию, и, когда раздался второй звонок, я вышел на перрон и прошел в один из вагонов III класса. Вагон был почти полон. В трех шагах от дверей была свободная лавочка. Я занял ее и, вынув газету и оглядев своих визави—каких-то двух с виду лабазников,—занялся чтением. В это время дверь вагона отворилась, вошел станционный жандарм и какой-то юркий человечек с бегающими глазами, указавший ему на меня. Жандарм попросил меня в контору, и здесь меня арестовали.

С этого момента для меня стало ясно, что в Московской организации есть провокатор, а когда я сел в карету, в которой меня повезли в охранку, и увидел против себя тех же двух лабазников, которые сидели против меня в вагоне, окончательно утвердился в этом мнении. Сразу стал ясен арест Богораза и отсутствие слежки за мной.

Зачем, в самом деле, было следить и рисковать упустить меня, если я замечу слежку, когда они прекрасно могли знать от провокатора время моего от'езда?

Два года я терялся в догадках насчет того, кто был этим провокатором, и только по прибытии в Бутырки в декабре 1888 года я узнал, что провокатором был Зубатов, член Московской организации «Народной Воли».

Насчет типографии я не беспокоился. Я пользовался у жандармов определенной репутацией. Конечно, Бердяев, начальник Московской охранки, ни минуты не сомневался, что если у меня билет был до Тулы, то ясно, что типография находится не в Туле, а где-то дальше или ближе Тулы. И я спекулировал на этом, не сомневаясь, что в Туле ее искать не станут.

В апреле 1887 года меня повезли из крепости в жандармское Управление. Здесь меня поместили в пустую камеру. В дверях камеры имелась небольшая форточка. Я ходил по камере из угла в угол. Вдруг форточка открылась и послышался какой-то шопот. Я понял, что меня кому-то показывают. Кому именно, я не мог знать, потому что по ту сторону форточки было темно. Но минуты через три я

уже знал, кому. Меня пригласили в кабинет следователя—полковника Страхова, и там я застал своих тульских квартирных хозяев. Когда квартира была оставлена и Обухова уехала, они, очевидно, не видя никого, сообщили в полицию. Когда же полиция разобрала, что тут была типография, хозяев арестовали и провезли в Питер, чтоб показать им Богораза и меня*). Таким образом, после моего ареста, который произошел 27 января 1887 г., типография просуществовала еще два месяца: февраль и март.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Тульская типография в конспиративном отношении обставлена была идеально. Ни один человек во всей партии, кроме непосредственно работавших в ней, не знал о ее существовании. Знали, что есть типография, но где—абсолютно никто не знал. Письменных сношений с ней абсолютно никто не имел, даже и работавшие в ней. В необходимых случаях сношения велись путем заранее условленных об'явлений в газете «Русские Ведомости». Мы выписывали эту газету, и ежедневно почтальон приносил ее нам. Когда мы ждали какого-нибудь извещения, мы, получив газету, искали на первой странице соответствующего об'явления. Об'явления составлялись, примерно, так: Такого-то числа при возвращении из театра Корша (или Большого, или Малого) утерян браслет или часы,—указывались приметы,—нашедшего просят доставить за приличное вознаграждение туда-то и туда-то,—следовал подробный адрес!! Увидав в газете такое об'явление, мы знали, как обстоит интересующее нас дело. Если же приходилось известить, что человек благополучно выехал и едет дальше, тогда прибегали к телеграммам на вымышленное заранее условленное имя. Например, уехав из Москвы в Питер, Богораз посылает из Твери или Клина телеграмму по такому адресу: Москва. Континенталь. Полковнику Звереву. Так как никакого такого полковника в Континентале нет, телеграмма не принимается и на следующий день появляется в газете в списке недоставленных телеграмм. Ожидая такое сведение, ежедневно просматриваешь недоставленные телеграммы и, найдя ожидаемое сведение, знаешь, что Богораз не только благополучно пробыл в Москве, но и едет дальше.

При таких условиях, конечно, типография могла бы существовать годы и не провалиться. И еслиб не наш арест, она бы еще немало поработала.

6 августа 1927 г.

*) Подробности раскрытия типографии изложены в воспоминаниях т. Головина, которые будут напечатаны в след. сборнике.

М. А. Брагинский.

Из воспоминаний о военно-революционной организации (1884—1886).

Еще на гимназической скамье, в тайных товарищеских кружках саморазвития, в тесном общении с политическими поднадзорными [1]), за чтением «Исторических писем» Миртова—этого «евангелия» народников 70—80 г.г. прошлого столетия—и другой легальной и нелегальной народнической литературы, постепенно складывалось мое революционное миросозерцание.

Но только после окончания гимназии и с переездом осенью 1882 года из Самары в Петербург, который с непобедимой силой притягивал к себе передовую молодежь, как центр кипучей умственной жизни, выработка определенных политических взглядов стала передо мной, как серьезная и первоочередная задача. Я шел в университет, чтобы учиться, чтобы, вооружившись научным знанием, отдать все свои силы борьбе за интересы трудящихся. Я поступил на естественное отделение физико-математического факультета, считая естественные науки основой современного научного миросозерцания. Однако, интерес к обществоведению все же доминировал над всеми другими моими интересами познания, и потому мне пришлось делить время, собственно, между двумя университетами—между подлинным университетом на Васильевском Острове, где я слушал лекции Менделеева, Бекетова и других известных в то время профессоров, и другим—на углу тогдашней Б. Садовой и Невского проспекта (Публичная библиотека), где я с жадностью поглощал книги по философии, полит. экономии, по истории первобытной культуры и т. д. Кроме того, дома по вечерам я усердно штудировал I том «Капитала» Маркса.

[1]) Самара была в конце 70 и начале 80 г.г. прошлого века местом политической административной ссылки. В то время там собралась довольно солидная группа народников-пропагандистов и первых народовольцев. Двое из поднадзорных (Глеб Яковлев и Маков) жили в квартире моей семьи, и в комнате, которую занимал я вместе с Маковым, однажды был даже произведен обыск.

Однако, как ни велика была эта жажда знания, она не могла целиком захватить меня. Новые встречи будили новые запросы и требования; притом же мы, революционно настроенные юноши того времени, и не думали замыкаться в узкие рамки «кабинетной», книжной работы, которая никогда не была для нас самоцелью, отрешенным от практической жизни делом. В трудах наших авторов мы искали материалов, необходимых для углубления и научного оправдания наших революционных убеждений, которые мы собирались проводить в жизнь и которые к тому же вскоре представился случай продемонстрировать на деле.

Зимой того же 1882 года разразились в Петербурге студенческие волнения по поводу так называемой «Поляковской истории» Движение было организовано под определенным влиянием народовольческих групп и под непосредственным руководством двух видных представителей этих групп: студентов университета—Фрелиха и Корна. Эти две очень популярные фигуры среди университетской молодежи того времени выступали на всех университетских сходках в качестве ораторов и горячо призывали к борьбе с полицейским гнетом не только во имя академической, но и политической свободы. Их страстные призывы нашли во мне, как и в моих сверстниках, самый живой отклик, и я принял активное участие в широко развернувшихся бурных событиях университетской жизни.

Скромный провинциальный юноша, я был подхвачен вихрем этих событий и, усердно посещая все сходки и собрания в университете, с затаенным дыханием прислушивался к смелым и революционным речам своих старших и более талантливых товарищей и решил стоять в этой борьбе против университетской администрации и полиции до конца не только из простого чувства товарищеской солидарности, но и из желания открыто демонстрировать свое революционное настроение.

Наша неравная борьба, разумеется, закончилась для нас полным поражением. После недели сходок и волнений, в университет вторглись полицейские орды, и все присутствовавшие на последней сходке в шинельной были арестованы, окружены вооруженной силой и отведены в манеж Павловского военного училища. Там уже поздним вечером, под контролем университетской инспекции, арестованные студенты были профильтрованы, причем одни из них были отпущены по домам, а другие задержаны и затем размещены в арестных помещениях при полицейских участках.

В числе около 200 арестованных молодых бунтарей находился и я. Позднее я, по постановлению университетского суда, был исключен из университета с правом обратного поступления через год. Я вынужден был распроститься со своими занятиями и уехать в Самару.

По истечении года я, конечно, воспользовался своим правом и осенью 1883 г. подал прошение об обратном приеме меня в пи-

терский университет, но уже не на естественный факультет, которому при добросовестном отношении к занятиям приходилось уделять слишком много времени, а на юридический, где можно было свободно располагать собою. А это было для меня очень важно, ибо самообразование по собственному плану и по авторитетным указаниям компетентных людей меня гораздо более интересовало, нежели казенная наука, и более соответствовало научным и общественно-революционным запросам, волновавшим меня в то время.

* * *

80-е годы прошлого века были, как известно, годами самой тупой и разнузданной реакции, в тисках которой была зажата вся страна. Совершив кровавую расправу над народовольцами и разгромив основное ядро их организации, правительство Александра III сосредоточило все свои усилия на том, чтобы изъять из жизни последних оставшихся еще на свободе сподвижников Желябова и Перовской. В сгустившейся, особенно в первые годы нового царствования, атмосфере безудержного реакционного разгула, небывалого административного произвола, беспощадных полицейских репрессий, политического шпионажа и гнусной провокации правительство взяло курс на искоренение не только революционной крамолы, но и самых невинных и легальнейших проявлений общественной самодеятельности. Если не считать мирных, по существу, студенческих землячеств, кружков самообразования, сыгравших, впрочем, известную роль в концентрации и консолидации радикальных элементов передового студенчества, в то время (83—84 г.г.) как будто почти уже не существовало таких прочных революционных организаций, которые привлекали бы и вбирали в себя всех, жаждущих приложить свои силы к революционной работе.

В обстановке этого революционного безвременья, возникновение новой организации не могло, конечно, не вызвать во мне огромного интереса, и поэтому, когда один из моих знакомых А. А. Шухт, студент института гражданских инженеров, сообщил мне об образовании в Петербурге новой военно-революционной организации и предложил мне встретиться с ее представителем, я очень охотно согласился на его предложение.

* * *

Эта встреча должна была произойти у Шухта, в его скромной студенческой квартире, которую он занимал вместе со своей женой. Я явился туда в назначенный вечер, а вслед за мной скоро пришел строго законспирировавший себя представитель военной организации, облаченный в форму юнкера Михайловского артиллерийского училища. Это был, как я узнал много позже, Душев-

ский, в 1889 г., уже в офицерском чине, привлекавшийся к суду в качестве обвиняемого по делу С. М. Гинзбург, Л. А. Фрейфельда и Стояновского, но судом оправданный. В момент нашей встречи, в 84 г., он предстал пред нами таким же, как и мы, совсем еще молодым. Это был среднего роста юноша лет 19, довольно плотного сложения, со смуглым, монгольского типа, симпатичным и умным лицом, лишенным всяких знаков растительности. Не называя себя по имени, наш военный конспиратор молча поздоровался с нами (кроме супругов Шухтов и меня, кажется, никого больше не было), сел и, окинув нас испытующим взглядом своих маленьких черных глаз, смотревших поверх очков, немедленно же, без всяких предисловий, приступил к выполнению своей миссии.

Он начал свой доклад-лекцию с очерка истории политического развития русского народа, особенно выделяя в своем изложении момент преобразования последовательных форм русской государственной власти. Наш докладчик, говоривший довольно плавно, несколько докторальным и даже самоуверенным тоном, разделил всю историю России на три периода: 1) удельно-вечевой-княжеский, 2) царский и 3) императорский. Анализируя политический строй России в каждый из этих периодов ее истории, общее положение народа, постоянную взаимную борьбу между так называемым народным началом и началом государственным, оратор констатировал, что в каждый из указанных трех периодов государственная власть всегда торжествовала над противоборствующими ей общественными группами, вступавшими с нею в борьбу за свободу, и над народными массами, которые не раз, но всегда безуспешно протестовали стихийными бунтами и восстаниями против деспотического произвола власти и экономического господства привилегированных классов. Останавливаясь, далее, на исследовании причин, обусловливавших победу государственной власти и ее привилегированной клики над обществом и народом, наш докладчик находил, что основной и даже чуть-ли не единственной причиной здесь служило обладание вооруженной военной силой, т.-е. постоянной армией. Армия, говорил докладчик, как показывает опыт истории, и в частности—истории русской, в руках государственной власти была тем решающим фактором, который обеспечивал ей победу над враждебными ей силами; армия же своим вмешательством в междуусобия князей, царей и императоров неизменно обеспечивала победу тому из конкурирующих претендентов на власть, на сторону которого она становилась. Это, подтвержденное всем историческим прошлым положение о решающей роли армии в борьбе за политическую свободу сохраняло, по мнению нашего оратора, всю свою силу и для современной нам эпохи.

Вся история стихийных народных движений в прошлом и опыт современной революционной борьбы с самодержавием свидетель-

ствуют о том, что, при всем своем героизме и безграничном самопожертвовании, борцы за свободу не добьются победы над врагами народа до тех пор, пока на стороне последних останется армия. Только перетянув на свою сторону, если не всю, то хотя бы более или менее значительную часть вооруженной силы или, по крайней мере, обеспечив себе ее нейтралитет в решительный момент восстания, революционная организация могла бы рассчитывать на верную победу над самодержавием. Поэтому одной из основных и важнейших задач современности должно быть революционизирование армии, превращение ее из орудия порабощения народа, каким она является в настоящее время, в орудие его освобождения, каким она станет в будущем.

Таково было содержание сделанного нам доклада. Не помню, состоялся ли у нас после него какой-либо обмен мнений. Во всяком случае некоторые из нас, уже в то время успевшие познакомиться с начатками марксистской доктрины и с идеей классовой борьбы, могли критически отнестись к историко-социологическим построениям нашего докладчика, крайняя упрощенность и наивность которых в настоящее время каждому совершенно очевидны. Однако основная идея доклада—завоевание сочувствия армии революции—сама по себе была бесспорной, и в программах почти всех революционных партий ей отводили почетное место. Но помимо того, мы, представители радикального и революционного студенчества, кое-что уже знали и о деятельности В.Н. Фигнер, и вообще о роли военной организации в партии «Народной Воли». Уже по одному этому, независимо от слабости аргументации нашего докладчика, мы, его слушатели, не могли не признать огромное значение революционной пропаганды среди армии и охотно согласились примкнуть к новой организации.

На этом закончилась наша первая встреча с ее представителем. Расставаясь, мы условились с ним снова встретиться в ближайшие дни для оформления наших отношений и для определения способов участия нашего в практической работе организации.

* * *

Что же представляла из себя новая военная организация? Существовала ли какая-нибудь преемственная связь между нею и народовольческой военной организацией, незадолго до того разгромленной правительством Александра III? Существовала-ли у нее вообще какая-либо идеологическая и организационная связь с другими направлениями революционного движения? Ставя себе исключительной целью революционизирование армии для привлечения ее на сторону народного восстания, как мыслила себе новая организация самое народное восстание? В форме-ли стихийного крестьянского бунта или заранее подготовленного и руководимого

какой-нибудь другой революционной организацией движения? В последнем случае—имела-ли в виду новая революционная организация, приурочивавшая свое открытое выступление к моменту массового революционного взрыва, установить организационную и тактическую связь с партией, подготовляющей народное восстание, и определенным образом координировать свою деятельность с деятельностью этой партии?

Вот вопросы, на которые следовало бы ответить для оценки характера новой организации и для определения места, какое она могла занять в русском революционном движении.

«Программа» новой военной организации или, вернее, введение к программе, как можно было бы назвать выше изложенный нами доклад, давала ответ лишь на некоторые из поставленных здесь вопросов; другие вопросы были оставлены совсем без ответа, остальные же разрешались в процессе чисто практической работы.

Что касается первого вопроса, то на него и формально, и по существу приходится как будто ответить безусловно отрицательно: никакой преемственной связи между новой военной организацией и партией «Народной Воли» вообще и, в частности, ее военной организацией не существовало. Сам докладчик, вообще не ссылавшийся на опыт какой-либо из предшествовавших русских революционных партий, даже не намекнул на какое-либо идеологическое родство с партией «Народной Воли».

Новая военная организация, как это видно из приведенного доклада и как это мы еще яснее увидим ниже, при характеристике ее задач и целей, а также методов ее работы, возникла и существовала, как организация совершенно самостоятельная. Вступая в новую организацию, сами мы мало интересовались «историческими корнями», «теоретическими предпосылками» и т. п. вещами. Мы шли в нее потому, что она приобщала нас сейчас же к чрезвычайно важной революционной работе, открывавшей широкий простор для приложения нашей революционной энергии, не находившей себе выхода.

Безусловно отрицательно разрешался вопрос и об отношении новой организации к другим течениям революционного движения. Как выяснилось для меня вскоре после принятия меня в число членов военной организации, последняя, согласно своему неписанному уставу (письменного не существовало), сознательно не допускала никаких организационных связей с какими-либо другими революционными партиями и ревниво охраняла полную свою независимость, оставаясь строжайшим образом законспирированной. Впрочем, это стремление к «блестящему одиночеству» вожди организации объясняли не какими-либо принципиальными соображениями, а чисто практическими требованиями, вытекавшими из самого характера организации и сущности выполняемой ею работы. В виду специфических особенностей среды и всей внешней обста-

новки, в которой приходилось вести свою работу членам военной организации, руководители последней признавали необходимым окружить ее величайшей тайной и строжайшей конспирацией. Поэтому и всей организации в целом, и отдельным ее членам предписывалось, во избежание какого-либо риска, не входить ни в какие отношения с другими политическими партиями и, по возможности, уклоняться даже от встреч с их отдельными представителями. Все время, все внимание, вся энергия членов военной организации должны быть посвящены исключительно их специальной работе. В интересах той же конспирации, для большего успеха дела нам, студентам-пропагандистам, предлагалось бросать университеты и поступать в юнкерские училища, чтобы там организовать военно-революционные гнезда и чтобы впоследствии, по окончании училищ, мы могли с течением времени разместиться во всех войсковых частях и пехоты и флота, создать в них опорные пункты в командном составе этих частей и таким образом создать себе прочную базу в стане врага. И действительно, увлеченные раскрывавшимися при этом широкими перспективами, мы строили планы перехода из университета в военные училища, а двое из нас (один из них вышеупомянутый Шухт) эти планы даже привели в исполнение.

Необходимо при этом отметить, что опять-таки, главным образом, в интересах той же конспирации, организация строго ограничивала свою деятельность исключительно кругом военной интелигенции. Революционная пропаганда должна была вестись лишь среди воспитанников военных и морских средних и высших учебных заведений и среди офицеров различных войсковых частей. Серая солдатская масса не должна была втягиваться в сферу непосредственной революционной работы. Это однако не значило, что организация совершенно игнорировала роль армейской массы. Наоборот, как мы выше видели, организация рассчитывала заручиться, если не прямой активной поддержкой, то моральным сочувствием ее будущему народному восстанию против существующего самодержавного строя. Но добиваться завоевания симпатий солдатской массы следовало отнюдь не методами революционной пропаганды, а мерами морального воздействия. В чем же и как должно было оно проявляться? На этот вопрос вожди организации отвечали так.

Положение солдат и условия их казарменной жизни исключали всякую возможность какой-либо конспиративной работы среди них. Но самое это положение солдатской массы, на каждом шагу чувствовавшей невыносимый гнет военной муштры, воспитывает в ней глубокое недовольство и скрытую вражду против виновников этого гнета и олицетворяемого ими режима бесправия и произвола. Но, несмотря на эту ненависть к начальству, солдаты все же проникнуты чувством беспрекословного повиновения ему. Поэтому при

известном стечении обстоятельств эта, в глубине всегда недовольная, но внешне покорная серая солдатская масса может быть легко использована представителями революционного офицерства, как боевой материал против существующего строя. В предвидении такого благоприятного момента, офицеры, члены военной организации, должны примером своей личной жизни и своим гуманным обращением с солдатами снискать себе их любовь и уважение, поднять свой моральный авторитет в их глазах на такую высоту, чтоб они повиновались их приказам не за страх только, но и за совесть. Тогда с полным основанием можно будет рассчитывать, что в момент народного взрыва солдаты, по призыву популярных и любимых своих командиров-революционеров, обратят свое оружие против врагов народа или по, крайней мере, откажутся стрелять в восставших.

Таким образом, основная задача военной организации состояла в подготовлении широких революционных кадров среди командного состава армии и в завоевании широких симпатий со стороны солдатской массы путем постоянного нравственного воздействия на нее со стороны членов организации.

Наконец, что касается упомянутого выше и, казалось бы, кардинальнейшего вопроса о самом «народном восстании», которым, по предположениям организации, должна была начаться революция, то на этот счет в организации царила полная неясность. Очевидно, предполагалось, что другие революционные организации, помимо военной, возьмут на себя подготовку организованного «народного восстания», если оно раньше не прорвется стихийным путем. Но, повидимому, осуществление этой основной задачи, хотя целиком и предоставленной другим революционным партиям, нашей организацией отодвигалось в столь далекое будущее, что она, как это мы видели выше, считала, по крайней мере на известной период времени, нецелесообразным и даже опасным вступать с ними в какие-либо отношения, а тем более в организационные соглашения. Впрочем, как будет указано ниже, наша организация впоследствии отказалась от состояния политической и организационной изоляции.

* * *

До сих пор я говорил об идеологической установке и политической позиции нашей организации. Посмотрим теперь, какими способами и методами действовала она при осуществлении своих целей. И здесь, как и в области идеологической, наша организация страдала отсутствием четкости и системы. Я уже упоминал, что какого-либо строго выработанного устава у военной организации не существовало. Как я узнал впоследствии, после более близкого знакомства с руководителями организации, одним из которых был Душевский, существовало какое-то руководящее ядро, строго

законспирированное. Кроме Душевского и С. М. Ястребова, я встречался по делу еще с некоторыми офицерами из руководящей головки, имена которых я уже забыл. В чем собственно заключалась руководящая роль моих новых товарищей-офицеров, мне трудно было уразуметь; ибо, получив в свое заведывание юнкерский кружок, я начал и продолжал свою работу совершенно самостоятельно, ни от кого не получая каких-либо директив. И когда весною 1885 г. Душевский, уже произведенный в офицеры, явился ко мне однажды на квартиру вместе с товарищем С. М. Ястребовым, таким же, как и он, вновь испеченным артиллерийским офицером, одетые в новые, с иголочки военные мундиры, и об'явили мне, что отныне я принят в «полные» члены организации, я, хотя и был польщен присвоенным мне званием, впервые, однако, от них узнал об этом делении на «полных» и «неполных» членов. Да и впоследствии я, собственно, не ощутил никакой разницы в положении «неполного» и «полного» члена организации.

Работа моя, как и других членов организации, сводилась к установлению при помощи военных членов организации связей с военно-учебными заведениями столицы; в подготовке выходных дней для юнкеров, не имевших родственников, к которым они могли бы получать отпуск из училищ, носивших характер закрытых учебных заведений, и в подыскании подставных родственников; в образовании из выуживаемых таким образом из училищ юнкеров кружков; в ведении в этих кружках пропаганды путем чтения специально подобранной прогрессивной, радикальной экономической и политической литературы, преимущественно народнического направления, и отчасти литературы революционной, добывавшейся весьма нерегулярно, а также путем чтения рефератов и собеседований по злободневным вопросам текущей жизни. Много хлопот доставляли нам поиски подставных родственников и подходящих квартир для наших кружков, так как собирать юнкеров в обычных студенческих квартирах было бы крайне неудобно и не конспиративно. В такие квартиры мы шли только в самых крайних случаях; обыкновенно же мы искали квартир по преимуществу в семейных домах с буржуазной обстановкой.

Благодаря различным знакомствам, нам, студентам-пропагандистам, удалось установить довольно прочные связи с большинством столичных военных училищ: с Михайловским артиллерийским, с Константиновским пехотным, с Николаевским инженерным, с Павловским, с Морским, с некоторыми низшими военными училищами, и, наконец, исключительно через меня велись сношения с кронштадским морским техническим училищем в лице его воспитанника Алексея Тыркова, брата известного народовольца Аркадия Владимировича Тыркова.

Руководителями кружков, по которым мы распределяли попадавшую под наше влияние военную учащуюся молодежь, были исключительно штатские люди—студенты различных высших учебных заведений. Некоторые из этих кружководов, хотя и принадлежали сами к народовольческим кружкам, но в качестве пропагандистов в военной организации приспосабливались к специальным заданиям этой последней. Нельзя сказать, чтобы руководители военных кружков были связаны обязательной для всех их программой. Каждый вел свою работу по своему собственному разумению, без всякого контроля со стороны какого-либо руководящего органа. В общем же работа наша не имела строго революционного, агитационного характера, а шла главным образом по линии политико-просветительной.

Это направление нашей работы обусловливалось, по моему мнению, не только довольно мирным, в общем, характером программы военной организации, мыслившей себе революцию только, как музыку будущего, но и специфическим составом наших военных кружков.

Дело в том, что учащиеся военных училищ, 17—19-летние юноши, по уровню своего умственного развития, за немногими исключениями, стояли значительно ниже штатской учащейся молодежи соответствующего возраста. Умственно более квалифицированными были среди них только юнкера артиллерийского, инженерного и морского училищ. В массе же члены наших кружков являлись к нам с неясными и совершенно неоформленными устремлениями, с только просыпающейся потребностью познать окружающее, осмыслить свое отношение к нему и таким образом определить в будущем свою роль, как сознательных граждан, в борьбе между передовыми общественными силами и тем мощным аппаратом насилия и гнета, важнейшей составной частью которого они служили сами, как представители царской армии. Поэтому мы полагали необходимым прежде всего дать нашим питомцам общее представление о начатках политики и экономики вообще и экономическом и политическом строе России в частности. Материалом для нас служила легальная литература и журналистика. Читались рефераты руководителями кружков, и затем велись дискуссии по злободневным в то время вопросам—об общине, об артелях и других формах русского народного хозяйства, в которых мы видели здоровые элементы того социалистического общества, которое являлось нашим конечным идеалом. Что касается нелегальной литературы, то, как я уже указывал, мы с трудом ее добывали и поэтому с жадностью хватались за каждую нелегальную книжку и брошюрку, независимо от их направления.

Обыкновенно члены наших кружков принадлежали к последнему или последним двум курсам училищ. Перед выпуском их из учи-

лищ кружководы останавливались особенно подробно на роли армии, как орудия политического угнетения трудящихся и самой мощной опоры существующего государственного строя.

Затем, по окончании училищ, наши питомцы, произведенные уже в офицеры, блиставшие серебром и золотом своих погонов на новеньких мундирах, с саблями и шашками через плечо или изящными кортиками на поясах, получали от нас последнее, так сказать, революционное напутствие, перед отправкою их в различные провинциальные полки, куда они получали назначение. С этой целью мы устраивали ряд довольно многолюдных собраний, состоявших из руководителей организации и молодых офицеров, где мы раз'ясняли, в духе нашей программы, характер и задачи той культурно-политической работы, которую они призваны были выполнять на местах в своих войсковых частях в качестве членов военной организации. Эти собрания, куда сходились наши выпускные офицеры всех родов оружия, в числе до 20—30 человек, производили на нас довольно сильное, импозантное впечатление. Зрелище организованных групп офицеров-революционеров будило в нас самые радужные надежды и гордое сознание при мысли об участии в работе по созданию той мощной силы, которая, по нашему представлению, должна была явиться единственным залогом победы будущего революционного восстания.

* * *

Скоро, однако, сравнительно спокойное и мирное течение нашей работы приняло несколько иное направление. 1884 год, к которому относятся мои сношения с первыми представителями новой военной организации, можно назвать подготовительным периодом в ее истории. При этом необходимо отметить, что инициаторы организации, каковыми для меня были Душевский и его товарищи, вскоре выпущенные офицерами, остались совершенно в стороне от нашей работы последующего периода. Никаких связей с нашими позднейшими кружками у них не сохранилось; они настолько оторвались от нашей работы, что после разгрома нашей организации в 1886 г., когда все члены как в центре, так и успевшие раз'ехаться по провинциям, были арестованы, они в число последних не попали [1]).

С вхождением в наши военные кружки группы воспитанников С.-Петербургского военно-морского училища, возглавляемой Н. Н. Шелгуновым (сыном известного радикального публициста и политического деятеля Н. В. Шелгунова), начался период более оживленной работы нашей организации. Увеличилось число наших кружков,

[1]) Некоторые из них впоследствии были преданы суду по делу С. М. Гинзбург.

усилился также приток представителей революционного студенчества, выступавших в качестве пропагандистов: самая работа в кружках меняла свой прежний преимущественно политико-просветительный характер, приобретая все более заметный общий революционный уклон. Несколько позднее у нас появилась даже рукописная программа нашей организации. Оставшись в общем верной принципам, положенным в основу нашей военной организации в самом начале ее существования, новая программа имела однако то существенное отличие от прежней, что она решительно отказалась от первоначальной своей позиции «блестящего одиночества», о которой говорилось выше. Сохраняя самостоятельность военно-революционной организации, как организации, имеющей свои специальные, чрезвычайно важные задачи и действующей в специфической обстановке своеобразной среды, новая программа однако считала необходимым, в интересах общего дела, координировать свою работу с работою той из революционных партий, которая была нам ближе по своему направлению. К моменту(1885—86 г.), когда в нашей организации обнаружилась указанная тенденция, партия «Н. В.» после разгрома лопатинской и южной организации была уже близка почти к полной ликвидации; организации же социал-демократические лишь зарождались и начинали свою жизнь. И вот, когда нам пришлось сделать выбор между этими двумя направлениями в русском революционном движении: народническим и социал-демократическим, в нашей среде нашлись сторонники и того, и другого течения. Начались споры, принимавшие порой довольно острый характер и приведшие в конце концов к формальному расколу. Огромное большинство нашей организации, частью по мотивам, которые приводились в самом начале в оправдание сугубо-конспиративного характера нашей деятельности, частью по соображениям, вытекавшим из оценки социал-демократической организации, целиком ориентирующейся на массовое рабочее движение, которое в будущем должно привести к массовому вооруженному восстанию, высказалось за сближение с социал-демократией. И это было вполне логично, если принять во внимание, что наша организация имела своей основной задачей революционизирование армии с целью обеспечить будущему народному восстанию ее активную поддержку или, по крайней мере, ее моральное сочувствие. Раз социал-демократическая партия оценивалась нами, как партия, организующая в конечном итоге своей работы массовое вооруженное восстание, то именно с ней наша организация, сохраняя свою организационную самостоятельность, и должна была координировать свою работу. Противники социал-демократического уклона, верившие еще в возможность возрождения народовольческой организации, хотели, очевидно, создать из нашей организации смену прежней военной организации, существовавшей при партии «Народной Воли». В этом споре большинство нашей организации пошло

за сторонниками сближения с социал-демократами, уже образовавшими к тому времени свою группу (группа Благоева) и выпустившими свой печатный орган—газету «Рабочий». Особенно горячим сторонником сближения с социал-демократами был Шелгунов с его группой моряков, а вместе с ним, кроме пишущего эти строки, новую позицию отстаивали братья А. М. и П. М. Редько, студенты технологического института, а также упомянутый выше Тырков, который с нашей организацией был связан через меня.

К числу наших противников принадлежали товарищи, игравшие довольно видную роль в нашей организации: Л. Ф. Гаевский,—студент университета, Н. Н. Слепцова—слушательница Рождественских курсов, Д. Бруевич—офицер гвардейского полка. К той же группе принадлежала София Михайловна Гинзбург, заточенная в 1890 г. в Шлиссельбургскую крепость, после осуждения ее по упомянутому мною выше делу, и покончившая в крепости самоубийством. С. М. Гинсбург с самого начала принимала очень деятельное участие в нашей организации, ведя занятия в юнкерских кружках, привлекая радикальных литераторов и ученых к составлению специальных программ для наших занятий в этих кружках. Так, ей удалось привлечь к этому делу известного публициста С. Н. Южакова, составившего для нас программу занятий по социологии; молодого приват-доцента университета—Судейкина, согласившегося руководить нашими занятиями по политической экономии; В. И. Семевского, в то время весьма популярного среди студентов опального историка русского крестьянства, который нам давал руководящие указания, снабжал программами и литературой по изучению русской истории, и некоторых других представителей нашей радикальной журналистики и литературы.

Переговоры, которые у нас велись по поводу возникших разногласий между сторонниками двух различных партийно-политических направлений, приняли вскоре столь острый характер, что раскол сделался неизбежным. И когда, наконец, он стал совершившимся фактом, обе группы прежней единой военной организации окончательно разошлись, и каждая пошла своей особой дорогой.

Наша группа сторонников сближения с социал-демократической организацией, познакомившись с ее представителями, решила для осуществления своего плана войти в переговоры с ними для установления формального соглашения относительно возможных между нами взаимоотношений и относительно координирования действий, при условии автономного существования каждой из договаривающихся групп.

Эти переговоры состоялись в одном из помещений Академии Наук, кажется, в квартире одного из служащих Академии. В переговорах с социал-демократами от военной организации были делегированы Шелгунов и я. Я не могу теперь припомнить содержания наших

переговоров. Во всяком случае, они ни к каким положительным результатам не привели; вторично мы для этих переговоров не собирались. Это можно об'яснить отчасти некоторым ослаблением нашей работы после совершившегося раскола, а отчасти последовавшим вскоре полным разгромом нашей организации.

Лично меня работа в нашей военной организации, которая, как я уже отметил, носила в значительной мере культурно-просветительный характер, в последний период не вполне удовлетворяла. Вот почему, познакомившись через С. М. Залкинда, работавшего короткое время в качестве пропагандиста в наших военных кружках, с кружком «Народной Воли», я охотно принял сделанное мне его членами предложение взять на себя роль пропагандиста среди рабочих за Нарвской заставой. Эта новая обязанность, возложенная на меня, как нельзя более соответствовала моим революционным запросам и устремлениям, и я с большим усердием выполнял ее в течение 1885—86 г., регулярно, каждую неделю, посещая порученный мне рабочий кружок в 8—10 человек. Эта работа меня так увлекла, что я иногда даже манкировал своими обязанностями члена военной организации, которая—увы!—уже близилась к своему концу.

* * *

Просуществовав около трех лет, наша военная организация пропустила через свои кружки около сотни офицеров. Тем не менее, вследствие отсутствия прочной организационной связи между ними и центром, мы не могли создать на местах в тех войсковых частях, куда наши офицеры посылались на службу, никаких сколько-нибудь серьезных опорных революционных пунктов. Не осталось поэтому и никакого прочного следа от нашей организации после ее разгрома.

Процесс, который был создан после краха военной организации и на котором фигурировали исключительно военные в числе 17—18 человек (Шелгунов, Черневский, Бруевич, Хлодовский, Маурер и др.), закончился суровыми приговорами (каторга и поселение), которые однако, в виду выраженного, как видно в официальном судебном приговоре, подсудимыми раскаяния, были заменены разжалованием в солдаты с правом выслуги в офицерские чины через разные сроки. Очень многие из арестованных юнкеров были в административном порядке разосланы в качестве рядовых по полкам.

Что касается штатской публики, студентов-пропагандистов, то с ними расправились административным порядком, сослав в Восточную Сибирь, в Якутскую область на 5 лет М. А. Брагинского, М. В. Брамсона, на 4 года—С. М. Залкинда (ныне покойного), на 3 года—Г. А. Гроссмана; в Иркутскую губернию—Л. Ф. Гаев-

ского на 5 лет, А. А. Шухта на 4 года; в Западн. Сибирь—А. М. Редько—на 5 лет, П. М. Редько—на 4 года, Никонова—на 4 года. Н. Н. Слепцова (ныне работает в качестве научной сотрудницы в Институте Карла Маркса и Энгельса) избежала ареста, во-время скрывшись: она выехала еще до провала организации за границу. Остались также на свободе Душевский, Ястребов, С. М. Гинсбург, Тырков [1]) и еще некоторые другие из участников нашей организации, имена которых остались в то время жандармерии неизвестными.

[1]) При ознакомлении с архивными документами по делу нашей военной организации я убедился, что имя Тыркова сделалось известным жандармерии. Каким путем было обнаружено его имя, из документов не видно. Однако, как передавал мне живущий ныне в Москве брат Алексея Тыркова, последний оставался на свободе до своей смерти и аресту не подвергался.

В. П. Денисенко.

Харьковская группа партии „Народной Воли“ 1885—1887 г.г.

В «Воспоминаниях народовольца восьмидесятых годов», «Революционный Харьков в 1882—85 г.г.» и «Из истории революционного движения 1885—87 г.г.» профессора А. Н. Макаревского, а также в воспоминаниях под заглавием—«В Харьковских революционных кружках 1882—89 г.г.» рабочего И. Д. Веденьева упоминается о некоторых товарищах, которые принадлежали к одной из последних более значительных организаций партии «Народной Воли» в гор. Харькове [1]).

В период с 1885 по июль 1887 года эта группа провела по тому времени заметную революционную работу в Харькове среди учащейся молодежи.

Однако, о работниках и деятельности этой харьковской группы «Н. Вол.» в революционной литературе нет до сего времени ни отчетов, ни воспоминаний; таковые мне по крайней мере неизвестны.

Как самостоятельно действующая революционная организация, эта группа сорганизовалась при содействии оканчивавшего юридический факультет Харьковского университета Василия Петровича Бражникова, роль которого в самой группе не была руководящей. Первоначальная его роль ограничилась лишь тем, что он перезнакомил нас, троих харьковцев, с кружком «Минчуков» (студентов 2-го и 3-го курса университета из минской гимназии).

Нас, харьковцев, связывала уже 2—3-летняя дружба, у земляков из Минска дружеские отношения были еще с гимназических времен.

Все мы пережили ряд провалов революционных народнических организаций, как, например, провал типографии, работники которой: Манучаров, Н., Иордан, Д., Ослопов, Забулаев, были арестованы по доносу провокатора—рабочего Шкрябы, убитого П. Л. Антоновым. Макаренко бежал и несколько дней скрывался у меня.

[1]) См. «Летопись Революции», журн. Всеукр. Истпарта № 5—23 г. и № 2(7)—24 г.

Вскоре провалилась боевая организация «Нар. Воли» Антонова (шлиссельбургца) и С. А. Лисянского (повешенного в Харькове), по делу которых был арестован А. Н. Макаревский, ныне профессор Витебского ветеринарного института.

Наша группа сконструировалась при сравнительно благоприятных обстоятельствах, но проработала всего лишь около 1½ г. и была ликвидирована жандармами по частям—в марте, апреле и мае 1887 года, а окончательно разгромлена в июле того же года после ареста И. И. Мейснера, Хроновского и Рымашевского.

В группу входили харьковцы: М. В. Гельрот (в то время носивший фамилию Гельруда, под кличкой «Спиноза»), И. И. Мейснер (кличка «Ванька») и я (кличка «Василий»), и из «Минчуков» М. А. Уфлянд, С. М. Ратин—студенты медики (кличка первого «Пятнышко», второго «Якобинец» или «Робеспьер») и Хр. Г. Томашевский—студент-юрист (клички не помню).

В конце 1886 г. или в начале 1887 г. в группу вошел С. Ф. Хроновский, студент-медик.

Близко к нашей группе стояли: М. Б. Фрейд, студент-медик, однокурсник и соквартирант Уфлянда, Г. Е. Шур, студент-медик, у которого на квартире, на углу Николаевской пл. и быв. Московской ул., устроены были склад нелегальной литературы, паспортный стол и гектограф, а впоследствии хранились части типографии и приготовленные для печати рукописи; Н. В. Григорьев, чиновник, у которого на Песках хранилась довольно значительная полулегальная библиотека, составленная, главным образом, из книг, из'ятых из всех публичных библиотек, как издания неблагонадежные.

Эти три лица не были членами харьковской группы «Нар. Воли». Квартиры Шура и Григорьева считались конспиративными, посещение их разрешено было 2—3 лицам из группы. Только по особому настоянию, Григорьеву разрешены были занятия с кружком рабочих; Шур же абсолютно не должен был принимать участия ни в каких практических делах и принужден был вести замкнутый образ жизни; Фрейд был в тесной дружбе с тов. Уфляндом и, как соквартирант, многое знал.

Тем не менее при аресте в мае 1887 г. всем им троим были пред'явлены обвинения в принадлежности их к партии «Нар. Воли», и хотя впоследствии жандармами были точно выяснены действительные члены группы, тем не менее все трое понесли значительное наказание. Шур был сослан на шесть лет в Якутскую область и убит в Якутске во время первой Якутской бойни в марте 89 года; Фрейда отправили на три года в Архангельскую губ., по окончании ссылки он эмигрировал в Сев. Америку, где, окончив курс врачом, натурализовался; Григорьев был сослан административно на 4 года в Западную Сибирь

Писать воспоминания о событиях, происходивших 40 лет тому назад, по одной памяти—дело рискованное. Между тем архивных материалов бывш. Харьк. губ. жанд. управления за указанный период почти не сохранилось; нет протоколов и документов дознаний жандармов за период около 20-ти лет, т. е. до 1900 года; все дела жандармского архива были уничтожены. В делах, попавших в Архив Революции гор. Харькова, остались лишь канцелярские бумажки и списки лиц, привлекавшихся к дознанию.

Ныне найдены мною в г. Киеве в Архиве Революции документы, подтверждающие приводимые мною факты. Это два дела: 1) Харьковского военно-окружн. суда—процесс Мейснера, Хроновского и Рымашевского и 2) канцелярская переписка военного прокурора того же суда по тому же делу.

Считая работу в крестьянстве при тогдашних полицейских условиях делом безнадежным, мы в своей программе и деятельности совершенно не разбирали вопроса об аграрном терроре; к фабричному террору мы даже теоретически близко не подходили. В то время работа среди рабочих ограничивалась небольшими кружками, а следовательно, практических вопросов о фабричном терроре не выдвигалось.

Основные идеи марксизма были знакомы почти всем членам группы и примыкавших к ней кружков учащейся молодежи; но марксистских кружков в Харькове тогда не организовалось. Изучение же марксизма ограничивалось ознакомлением с «Манифестом» и изучением 1-го тома «Капитала» Маркса.

Как я уже выше сказал, В. Бражникову, участнику Екатеринославского с'езда 1885 г., принадлежала инициатива образования Харьковской группы; но по конспиративным соображениям, а отчасти, быть может, и по соображениям другого порядка—нежелания разыгрывать роль генерала-руководителя,—Бражников почти не посещал наших собраний. Это не мешало ему вносить непосредственно или через кого-нибудь из нас на обсуждение группы то или другое задание и ставить всей группе, части ее или отдельным лицам задачи и предложения практического характера.

Об'единение нас, харьковцев, с «Минчуками», т.-е. окончательное создание партийной группы, произошло в зиму 1885—86 г. В это время у нас, харьковцев, были уже знакомства с рабочими кружками. Эти рабочие кружки в то время не имели твердой, ясно выраженной программы; с виднейшими их представителями первоначально связался Мейснер, а затем постоянно занимался с ними и проходил с ними краткий (по Иванюкову) курс политической экономии Гельрот (Гельруд).

Когда об этих занятиях стало известно группе, было решено предложить «старикам» рабочим принять программу партии «Нар. Воли». Но «старики» рабочие, в недавнем прошлом последователи чистых «народников», еще не отошли от народнических традиций;

некоторые отрицательно относились к террору, а кроме того у них были слишком близкие, дружественные личные и идейные связи с несколькими теоретиками-народниками, оставшимися после разгрома народнической организации и провала типографии, в которой работали Иордан, Манучаров, Забалуев, Ослопов, Макаренко и др., а также убитый Антоновым предатель—рабочий Шкряба.

Чувствуя себя недостаточно подготовленными вести теоретические дебаты по вопросам предложенной им к принятию программы, руководители харьковских рабочих, как Веденьев, Бронштейн и др., внесли два предложения.

Во-первых, они потребовали, чтобы предложенная им программа «Нар. Воли» в их присутствии и при участии пользующихся их доверием лиц была подробно просмотрена и переработана как в теоретической своей части, так и практической и особенно в отношении террора. Во-вторых, они потребовали для более подготовленных рабочих со средним развитием дать руководителей для изучения политико-экономических и социальных вопросов, а для рабочих мало подготовленных, но распропагандированных,—учителей, которые занимались бы с ними арифметикой, историей, географией и др. предметами.

Для участия в пересмотре программы был назначен М. В. Гельрот, для занятий с рабочими кружками по экономическим и политическим наукам и социологии выдвинут был Григорьев, заведывавший хранившейся у них полулегальной библиотекой, и еще кто-то—фамилии не помню; занятия по общеобразовательным предметам возложены были на меня.

Занятия с двумя кружками, по 4—5 человек в каждом, происходили два раза в неделю, при чем занятия необходимо было вести очень осторожно, собираясь со всеми предосторожностями на квартирах рабочих. Часто квартиры менялись с конспиративными целями.

На пересмотр программы «Народной Воли» с участием рабочих потребовалось много вечеров. На этих совещаниях оппонентами против Гельрота выступали два видных теоретика-народника: д-р. Д. Д. Бекарюков и окончивший юридический факультет и кандидат в доценты, юрист И. В. Теличеев.

В дебатах и спорах Гельрот выходил, если не полным победителем, то не терпел и поражений; ему удалось отстоять основные положения программы, иногда соглашаясь на редакционные изменения без нарушения принципиальных положений программы Исполнительного Комитета партии «Н. В.».

По основному в то время вопросу — о терроре—дебаты продолжались очень долго, более месяца. Теоретически террор, как самозащита и как фактор дезорганизации царского правительства, в конечном итоге был принят, но и после этого долго еще обсуждались детали и вопросы практического его применения.

Меня в то время крайне удивляло упорное нежелание старших и более развитых рабочих ввести безоговорочно террор в рабочую программу. Я помню конфликт между Мейснером и рабочими, возникший по вопросу о терроре, о котором говорит в своих воспоминаниях И. Веденьев, один из участников этих совещаний. С одной стороны, они, очевидно, опасались, что террористические выступления помешают организационной работе, нанесут ущерб всему рабочему делу; с другой—это упорство «стариков»-рабочих могло быть просто пережитком незабытых еще программных положений народничества, отвергавшего политический террор.

Не буду здесь приводить выработанную для Харьковской группы рабочих программу, она уже опубликована (см. «От Благоева до Освобождения Труда» Невского).

Считаю однако нелишним привести здесь часть нашей программы, как исторический документ, ибо она была выработана нашей организацией и явилась одним из пунктов обвинения членов нашей группы и Шура, убитого в Якутской трагедии, у которого хранился подлинник этой программы вместе с революционной литературой.

Вот как изложена эта часть в протоколе дознания:

I. «Программа практической деятельности и организации кружков».

A. Деятельность пропагандистская: устная и письменная пропаганда соц.-рев. идей в духе партии «Н. В.» и критика существующего строя среди всех слоев городского населения: 1) рабочих, 2) войска, 3) учащейся молодежи, 4) интеллигенции и пр. Пропаганда среди сельского населения не отрицается, поскольку она не вредит концентрации сил в городах. *B. Деятельность агитационная*: возбуждение революционного духа в народе, пользоваться всяким неудовольствием и брожением среди всех слоев общества для возбуждения протеста против существующего общественного строя в форме демонстраций, петиций, тенденциозных адресов, стачек и пр. *C. деятельность террористическая и разрушительная*. Убийства важных правительственных лиц, шпионов, предателей, взрыв и поджоги правительственных зданий, как Жанд. управлений и т. п. *D. Организационная работа*: 1) организация кружков партии «Н. В.», 2) устройство и организация среди молодежи кружков саморазвития для подготовки к революционной деятельности, 3) организация всяких тайных обществ, имеющих целью оказать какую бы то ни было помощь партии «Н. В.», 4) организация и поддержка правильных сношений с провинцией. *E. Приобретение материальных средств*: 1) сборы по листкам партии «Н. В.», 2) устройство спектаклей, вечеров, лотерей и вообще сборы денег под различными предлогами, 3) конфискация казенного имущества.

F. Вспомогательные средства: 1) устройство типо-лито- и гектографий, устройство паспортного стола, приобретение нужных для этого вещей: станков, прессов, шрифта, паспортных бланков, печатей, подписей, дубликатов и пр., 2) приобретение оружия и всякого рода взрывчатых веществ и ядов, устройство динамитных мастерских, 3) устройство конспиративных квартир и изыскание квартир для сокрытия нелегальных и всевозможного рода вещей, 4) приобретение связей среди различных слоев общества, 5) устройство кружковых легальных и нелегальных библиотек и изыскание складов для них, 6) ограждение партии от полиции и шпионов».

II. «Программа организации».

1. Все члены равноправны.

2. Дела обсуждаются на собраниях подгруппы и решаются простым большинством; особо важные—единогласно.

Примечание 1. Все дела, предпринимаемые подгруппой, должны быть сообщаемы в общих чертах местной группе через представителя последней, который присутствует на собраниях подгруппы с правом совещательного голоса.

Примечание 2. Ни одно решение не может быть приведено в исполнение, если местная группа наложила на него свое veto.

3. Собрание считается законным при наличии $^2/_3$ всех оповещенных членов подгруппы и представителя группы.

4. Собрания бывают периодические (не менее 1-го раза в месяц) и экстренные; право созыва последних принадлежит каждому члену подгруппы.

5. Прием новых членов производится по рекомендации и ручательству двух членов и единогласному решению всей подгруппы.

6. Число членов подгруппы—не более 9-ти и не менее 5-ти.

7. Подгруппа устраивает свою кассу, которая составляется ежемесячными взносами самих членов и способами, указанными в пункт. прак. деят. под лит. Е.

Примечание: $^1/_3$ средств кассы подгруппы поступает в кассу местной группы.

Из дознания, производившегося жандармами (по материалам процесса Мейснера и Хроновского), видно, что в целом наша организация, и в частности отдельные лица, принимали участие в следующих революционных делах.

Еще до об'единения нашего в группу Харьковская тройка (Гельрот, Мейснер и я) через В. Бражникова вступила в сношения с нелегальными Н. Богоразом и З. Коганом и получила заказ заготовить для предполагавшейся подпольной типографии, устраиваемой взамен ликвидированной в Таганроге, шрифт и некоторые принадлежности для набора. Через И. Д. Веденьева, В. Соколова, С. Брон-

штейна и др. Мейснером было предложено достать из легальных типографий гор. Харькова шрифт и наборные части. Вскоре рабочие сообщили нам, что достать бесплатно шрифт невозможно, и предложили купить, на что требовалось несколько десятков рублей.

Средств у нас не было, но через Бражникова необходимую сумму удалось достать, и весной 1886 г. В. Соколовым было доставлено нам около 1½—2 пудов шрифта весьма хорошего качества и еще какие-то принадлежности. Хранить их было негде. Пришлось большую часть шрифта отправить к сестре Мейснера в село Рогань. Другая часть временно была спрятана в парке, находившемся за домом, где была квартира Мейснера и меблированные комнаты Подкаминского. Шрифт пришлось вложить в довольно большое дупло одного дерева. Это было ночью, часть шрифта рассыпалась, а на другой день детишки, найдя рассыпавшиеся буквы, стали ими играть и показывать старшим. Дошло это и до Подкаминского, арендатора парка, который о находке детей дал знать полиции. Но об этом узнал и Мейснер и во-время убрал шрифт, спрятав его у кого-то из товарищей. Явившаяся полиция составила протокол о найденных 2—3 фунтах рассыпанного шрифта.

Однако, пока мы сдали этот шрифт Когану, мы должны были, запаковав его в ящик, отвезти в Карачевку, закопать там в лесу, потом обратно вывозить его из Карачевки, и все это делалось на глазах у публики, с риском, что ящик наш рассыпится, и мы попадем в лапы полиции. Вся эта возня со шрифтом измотала нас порядочно. Для хранения его пришлось мне нанимать даже квартиру на Панасовке, перепаковывать его в небольшие ящики для удобства отправки в Тулу.

Зато мы были очень обрадованы и польщены, когда через несколько месяцев получили через Богораза в техническом отношении прекрасно отпечатанную нашим шрифтом брошюру «Процесс Варынского, Куницкого, Бардовского, Рехневского, Кона и др. деятелей по делу Польской партии «Пролетариат», судившихся Варшавск. воен.-окр. судом».

При провале таганрогской типографии жандармы взяли часть метательных разрывных снарядов. Другая часть их взята была в квартире Антонова и Лисянского, а последняя партия жандармами была найдена у Кузина, Александрина в области Войска Донского. Бомб в распоряжении организации не было, приходилось подумать об их приготовлении. Через Бражникова предложено было Мейснеру, как химику, знакомому с пиротехникой, заняться изготовлением разрывных снарядов. Об этом поручении, как особенно секретном, известно было лишь нам троим (т.-е. Мейснеру, Гельроту и мне), а остальная группа не была осведомлена об этом.

С приготовлением этих снарядов едва не произошел взрыв. Если не ошибаюсь, осенью 1886 г. стало известно, что кто-то из нелегальных: Богораз или Коган привезет отпечатанную ими литературу,

а вместе с тем, интересуясь ходом работ по изготовлению снарядов, желают присутствовать при пробе. Получив уведомление, что приехал Коган, Мейснер заторопился закончить засыпку и заделку пробного снаряда, который изготовлялся им в исключительных, даже по тому времени, условиях. Он работал и начинял снаряд в комнате, где помещались его родители и приходили все их знакомые, там же часто бывала и моя сестра. Проба назначена была в праздник, и я должен был дать знать об этом Бражникову.

В это утро я еще раз зашел к Мейснеру, видел готовую жестянку и разложенные на столе и на окне лабораторные принадлежности. Мне нужно было сначала зайти на почту; Мейснер проводил меня до Университетской горки, где мы расстались, так как ему надо было приобрести какие-то химические препараты. С почты мне пришлось зайти к Бражникову на Ветеринарный пер., где я узнал, что никто из них на пробе присутствовать не будет. Проба предполагалась на Основе. По дороге я вспомнил, что в рваных ботинках бродить по пескам Основы тяжело, и потому зашел на квартиру к Томашевскому и Уфлянду, у которого и достал сапоги. Зайдя затем домой за Гельротом, мы направились к Мейснеру.

Впоследствии, после моего ареста оказалось, что жандармскому ротмистру Померанцеву до тонкости был известен весь этот путь до самого моего возвращения домой. Очевидно, филеры все время следили за мной, я же ничего не замечал; доведя меня до нашей квартиры, они слежку, очевидно, прекратили, так как дальнейших моих странствований в тот день Померанцев не знал.

А между тем, дальше они могли бы увидать много для них интересного. Когда через полчаса мы с Гельротом пришли к Мейснеру, мы застали там страшный переполох. Оказалось, что у Мейснера произошел взрыв. В единственном окне квартиры были выбиты все стекла; сам он с обожженным лицом и глазами убежал в Александровскую больницу (на Благовещенской ул.), а его родители и моя сестра были так перепуганы происшедшим при них взрывом, что не могли дать точных раз'яснений. Весь двор в тревоге; публика толпится у квартиры, Мейснер перед уходом в больницу приказал отцу говорить присутствовавшим, что он собирался на охоту, курил над рассыпанным на столе и находящимся в коробке порохом, который взорвался и засорил ему глаза. Мы бросились в больницу, где нашли Мейснера с забинтованными наскоро промытыми глазами; нам посоветовали отвезти его в глазную лечебницу Гиршмана. В больнице Мейснер об'явил происшествие так же, как и дома. По дороге в лечебницу мы узнали от Мейснера подробности взрыва. Взрыв произошел от того, что он забыл подмочить бертолетовую соль, когда растирал ее вместе с сернистым аммонием. В глаза ему попали, очевидно, кусочки сернистого аммония и другие соринки, которые причиняли ему сильную боль. Впоследствии оказалось, что у него от взрыва притупился слух на одно ухо. Самый снаряд не взорвался

только потому, что стоял на низком стуле у стола, а сила взрыва пошла к потолку и в окно. У Мейснера нашлось еще столько самообладания и находчивости, что вслед за взрывом он схватил снаряд, раскрыл его, спустил в ведро с грязной водой и просил отца немедленно же выбросить все из ведра в надворную уборную. Все было сделано быстро; когда публика наполнила квартиру, снаряда уже не было; он покоился на значительной глубине отхожего места.

Обсудив создавшееся положение и учитывая, что при обыкновенном засорении глаз могут быть одни методы лечения, а при ожоге и засорении частицами сернистого аммония другие, мы решили, что в лечебнице Гиршмана нам надо изменить и приблизить к правде об'яснения происшествия. Всем было известно, что у Мейснера имеется домашняя лаборатория, и он занимается химическими опытами. Гиршману мы заявили, что, желая получить химическим путем хлор, Мейснер растирал в ступке бертолетовую соль несмоченной, и оттого произошел взрыв, а перед тем в ступке он растирал сернистый аммоний, и потому могли попасть соринки аммония ему в глаза. В лечебнице Мейснеру пришлось пролежать около 2-х недель, глаза были вылечены, но глухота от взрыва осталась на всю жизнь.

После ареста Гельрота и моего в феврале и апреле 1887 г., жандармы спрашивали нас, почему на квартире и в больнице было дано одно об'яснение взрыва, а в лечебнице Гиршмана другое. Очевидно, от арендатора Подкаминского, у которого жили Мейснеры, жандармам стали известны подробности происшествия и происходивших об'яснений. Однако добраться до сути дела жандармам так и не удалось, хоть эти данные и наводили их на подозрения. Повидимому, они умышленно не арестовали Мейснера при общих арестах 2-го мая 87 года, когда арестованы были все члены нашей группы и связанные с ними посредственно и непосредственно лица.

Остается еще упомянуть, как и в чем выразилась работа нашей группы после арестов—в феврале 87 года В. П. Бражникова и в марте Гельрота.

В течение февраля и до середины марта я продолжал заниматься с рабочими, изредка виделся и с членами группы, избегая ходить на общие собрания. Однажды, возвращаясь с занятий с рабочими, заметил за собой слежку шпионов и после этого совершенно прекратил свидания с членами группы и занятия с рабочими. 9-го апреля я был арестован на Николаевской ул. двумя полупьяными переодетыми жандармами и после обыска на квартире отправлен в тюрьму. К этому времени из нашей группы были арестованы только двое: В. Бражников 27-го февраля и М. Гельрот—3-го марта 87 г. Для меня было ясно, что мой арест последовал после того, как жандармы установили, что я прекратил всякие сношения с внешним миром и с товарищами.

Незадолго до моего ареста был принят в группу М. Хроновский. При содействии Григорьева и Шура организация продолжала вести свои нормальные работы. В виду того, что с арестом Богораза и Когана порвались связи с др. организациями, было решено связаться с Москвой, предполагалось поставить и типографию.

В Москву был командирован тов. Ратин; поездка эта состоялась в начале апреля, во время пасхального перерыва в университетских занятиях.

Связи с Москвой были восстановлены, была получена для печатания рукопись, и обещано содействие по устройству типографии. Однако дни нашей группы были сочтены. По возвращении из Москвы, Ратин попал под наблюдение филеров. На допросах оказалось, что каждый шаг его по возвращении в Харьков был точно зафиксирован местными жандармами.

В ночь на 2-е мая и в течение этого дня все тюрьмы гор. Харькова: губернская, пересыльная, арестантские роты на Холодной Горе и почти все полицейские части были переполнены арестованными, преимущественно студентами, учащимися и проч. интеллигенцией. Из рабочих никто арестован не был, что лишний раз подтверждает, что сношения и занятия с рабочими были законспирированы сравнительно хорошо.

Был арестован вместе с другими прибывший в Харьков около 2-го мая и делегат Московской организации Терешкович. Сначала он содержался в харьк. губ. тюрьме, где сидели почти все, а затем был перевезен в Москву и там привлекался за принадлежность к Московской группе партии «Народн. Воли».

Как видно из протокола Харьк. Жанд. упр. 20/VI—1887 г. № 35, «в начале апреля получены были сведения о том, что в Харькове образовался кружок, в основание деятельности членов которого положена программа партии «Нар. Воли», и что в состав этого кружка между прочими лицами вошли и студенты университета: Ратин, Уфлянд, Томашевский, Шур и обер-офицерский сын Григорьев».

Только И. Мейснер, С. Хроновский и близко стоявший к нашей организации земляк и сожитель мой Н. М. Фомичев не были тогда арестованы, а лишь в квартирах их произведены были обыски. Эти три лица оставлены были на свободе с очевидной целью дальнейшей за ними слежки.

Возвратимся несколько назад и отметим обстоятельство, характеризующее настроение тогдашнего переходного времени.

В конце 1886 г. А. Н. Макаревский возвратился из-за границы. В январе 1887 г., во время свидания его с Гельротом, последний передал ему предложение В. Бражникова отправиться в Ростов и другие города и там заняться организацией боевых дружин. Макаревский был несколько смущен и удивлен таким предложением и заявил, что, по его мнению—и таков взгляд и заграничных товари-

щей, в том числе и П. Л. Лаврова,—террор не отвечает данному моменту; Лавров при от'езде Макаревского в Россию говорил с ним о том, что необходимо пересмотреть вопрос о терроре и поднять вопрос, нельзя ли вернуться к старым народническим приемам борьбы, к широкой организации пропаганды среди рабочих и крестьян, по возможности избегая террора, не дающего значительных результатов и требующего больших жертв.

Этот разговор с А. Н. Макаревским, о котором он сам почему-то не упоминает в своих воспоминаниях, Гельрот передавал Бражникову и нам, и мы крайне удивлялись предложению заграничных партийцев и П. Л. Лаврова.

Такое настроение эмиграции мы об'яснили тогда тем, что эмигранты оторвались от работы и не учитывают общую ситуацию в России, где реакция все более усиливалась. Мы считали, что общее положение в этот момент таково, что политическая борьба не может быть оставлена и должна вестись с применением террора. Нам было известно, что к террористическим выступлениям готовятся не только в Харьковской группе, но и в других центрах. Неудавшееся покушение на Александра III в Петербурге 1-го марта 87 года и последовавший за тем Шемякин суд над участниками этого покушения, как нам тогда представлялось, подтверждали не только обоснованность, но и практическую необходимость террористической борьбы. Насколько я помню, мы даже иронизировали над проектами закордонных товарищей о возвращении к невозвратному времени, к старому народничеству и к его методам борьбы, при условиях той самодержавной и самодурной реакции, которая в то время по всей России думала не только уничтожить социалистические организации, но и прекратить буржуазные либеральные воздыхания, задушив всякое живое слово.

Необходимо привести и еще одну историческую справку по вопросу о терроре, а вместе с тем исправить те неточности, какие имеются в воспоминаниях проф. А. Н. Макаревского, помещенных в «Летописях революции» в 1923—1924 г.г. Дело идет о с'езде народовольцев 1885 г. в гор. Екатеринославе. Вот что писал мне по этому поводу участник этого с'езда Лев Яковлевич Штернберг в письме от 25 мая 1925 г.

«Что касается воспоминаний Макаревского, то хотя, повидимому, у него отличная память, но с'езд он описал и неточно, и «между прочим». Об'ясняю это тем, что на с'езде он был случайно, не как член, а случайный гость, и был слишком «молод» и самого главного не уловил, по крайней мере, что касается номера «Нар. Воли».

«Сообщаю, что номер, о котором идет речь—№ 11—12. Статья передовая (1-я) написана мною. Макаревский странно забыл это и приписал (ее) Богоразу, хотя появление моей статьи первой и самое составление ее являлось результатом требований с'езда, который остался недоволен представленной статьей Богораза и по-

ручил мне написать другую, которая была одобрена с'ездом, хотя и вызвала принципиальный спор весьма бурного характера.

«Чтобы вы поняли всю остроту спора, прочитайте мою статью в сборнике «Литература «Народной Воли» Базилевского.

«Особенность моей статьи та, что я выпукло и со всей ясностью подчеркнул, что задача настоящего (того времени) момента—борьба с самодержавием, борьба за политическую свободу, завоевание которой—необходимый этап по пути к социализму, в то время как в революционных кругах и среди некоторых членов самого с'езда царил старо-народнический страх перед политической свободой и отсюда разброд революционной мысли и упадок революционной энергии. И долго пришлось убеждать товарищей и то после прибавления компромиссного конца к статье, чтобы она была принята. Впрочем, я вновь поставил только точку над i к лозунгу первых народовольцев: «Cartago delenda est!»

«Свои взгляды я еще раньше обосновал в своей брошюре «Политический террор в России», впервые изданной в Одессе в 1885 г. и переизданной уже после моего ареста в Петербурге. В этом же номере («Народн. Воли» № 11—12)—моя корреспонденция из Одессы. Все остальное в номере не мое. «Внутреннее обозрение» и вторая статья принадлежат Богоразу (Тану). Брошюра моя и взгляды передовой статьи вызвали наиболее живой отклик среди наиболее активных рабстников, среди рабочих, напр., у Петровича-Ясевича, которые убедились горьким опытом, что при тогдашних политических условиях террор является основным рычагом борьбы и что завоевание политической свободы—conditio sine qua non (условие, без которого нельзя обойтись) для социалистической работы.

«Главным моим противником был старого типа народник Бражников, для которого политическая свобода казалась синонимом буржуазии, которая будет опаснее для крестьянства, чем самодержавие[1]).

«После с'езда я вернулся в Одессу. Мы успели выпустить номер (11—12 «Нар. Воли»), организовать две типографии, склады бомб, связаться с Севером, но арестом Сергея Иванова, которому, вопреки постановлению с'езда, были даны все явки и у которого все явки были найдены и расшифрованы, все организации сразу—в феврале 86 года—были разрушены».

[1]) Насколько в 1886 г. и 87 г. В. П. Бражников эволюционировал и вполне разделял взгляды самого Штернберга на террор и политическую борьбу, доказательством этого служит то, что он являлся в последние годы, если и не организатором и инициатором, то участником, прямым и косвенным террористических выступлений на юге, в частности в Харькове. Он был также связан с делом о покушении на Александра III 1-го марта 1887 года через своих личных друзей и товарищей: Генералова, Осипанова и Андреюшкина; официально связь его установлена с Ревеккой Шмидовой (свидание с ней в Питере), а равно участие его в нашей группе.

В заключение своих воспоминаний приведу еще из протокола от 20-го июня 87 года № 35 обвинения, официально пред'явленные каждому из членов харьковской группы и близких к ним лиц.

1. Окончивший юридический факультет Харьковск. университета Василий Петрович Бражников обвинялся в том, что он еще в 1883—84 г.г. принимал деятельное участие в Харьковском революционном кружке, о котором в 84 г. производилось дознание при Харьк. Жанд. Упр., но к этому дознанию Бражников привлечен не был. В последующее затем время вокруг него группировались лица, известные местному Жанд. Упр-ю за людей крайне неблагонадежных. Затем он принял на себя роль руководителя и устраивал сношения с революционными кружками других городов. «Так,—говорится в протоколе № 35—«по показаниям обвиняемого Станислава Турского, Бражников принимал участие в с'езде революционеров, бывшем в сентябре 1885 года в г. Екатеринославе, на котором обсуждался вопрос о правильной организации издания органа «Нар. Воли», в июне 86 года он ездил в Одессу для установления связи с местными революционерами—показания обвиняемого Файнберга; в деятельном участии в укрывательстве А. Н. Макаревского, бежавшего 3-го сентября 85 года в гор. Харькове из-под стражи (бежал из полицейской части после ареста по делу шлиссельбуржца Антонова).

В ноябре 86 г. он, Бражников, ездил в Екатеринодар, где имел сношения с только что возвращенными из административной ссылки Степаном Ерастовым и Анной Сердюковой (осужденной по процессу 1-го марта 87 г.) и др. лицами, в настоящее время привлеченными к дознанию, производящемуся при Кубанском областн. жанд. упр. (дело о метательных снарядах и типографии) и что в феврале 87 г. он ездил в С.-Петербург, где имел сношения с Ревеккою Шмидовой, присужденной по процессу 1-го марта 87 г. к смертной казни [1]).

Тотчас по возвращении из Петербурга 26-го февраля он был арестован в Харькове, где содержался сначала в тюрьме и арестантских ротах, а затем переведен в Петербург, где сидел в Петропавловской крепости и в Доме Предварительного Заключения.

Дело Бражникова закончилось в начале 88 г., и по высочайшему повелению он сослан административно на Сахалин на 10 лет.

По рассказам тов. Макаревского, т. Бражников был уверен, что большинство пред'явленных к нему обвинений не были установлены жандармами и прокуратурой, подозревал многих товарищей в шпионаже и предательстве и, вообще, находился в крайне подавленном психическом настроении.

Из переписки с сахалинцами было известно, что и на Сахалине первое время тов. Бражников находился в подавленном настрое-

[1]) Жандармы «позабыли» докончить: «к смертной казни, замененной по ходатайству суда ссылкой на поселение».

нии, которое изменилось лишь после прибытия к нему из Восточной Сибири личного его друга и близкого ему человека, тов. Теличеевой.

По возвращении из ссылки Бражников поселился на родине в Ейске или Екатеринодаре, где некоторое время служил секретарем городской Думы и во время голодных г.г. 1919—20-го умер там от истощения.

2. Студентам Харьковского Ветеринарного Института: Михаилу Владимировичу Гельруду (он же Гельрот) и В. П. Денисенко, арестованным сначала по обвинению в укрывательстве Макаревского, затем инкриминировались близкие отношения к Бражникову, друг к другу и к Мейснеру; впоследствии им были пред'явлены обвинения в участии в деятельности Харьковской группы, а в частности, что после взрыва на квартире у т. Мейснера помогали его поместить в лечебницу и давали разноречивые показания о причинах происшедшего взрыва.

Мне назначена была административная ссылка на 5 лет, которую я и отбыл в Акмолинской области, проживая там под надзором в Атбасаре, Кокчетаве и в Петропавловске.

М. В. Гельрот был отправлен в Восточную Сибирь на 5 лет, получив назначение в Якутск, а оттуда в Средне-Колымск.

3. Самуил Маркович Ратин, медик 4-го курса харьковск. университета, обвинялся в том, что, состоя членом Харьковской группы «Нар. Воли», ездил в Москву для связи с тамошними революционными кружками, откуда возвратился 14 апреля 87 г.; посещал квартиру студента Шура, в которой устроен был Ратиным склад нелегальной литературы. В этом же складе была найдена рукописная, приведенная выше, программа «Практической деятельности и организации кружков», в которой исправления сделаны рукой Ратина. С. М. Ратину назначено было 7 лет ссылки в Восточную Сибирь, и вместе с другими харьковцами он направлен был в Якутск, где, в ожидании отправки в Вилюйск, участвовал в протесте ссыльных, судился в 89 г. за участие в вооруженном сопротивлении властям в доме Монастырева и приговорен к каторжным работам.

4. Студент 3-го курса Харьк. Медицинск. факультета Мендель Аронович Уфлянд со своим другом студентом Фрейдом проживал в одной квартире. При обыске у Уфлянда найдено зашифрованное письмо, которое по дешифрировании оказалось от эмигранта, политического поднадзорного Гормидора, который сообщал о своем переходе через границу, о невозможности поступить в университет, о женевской типографии, которая остановилась за неимением средств, предлагал прислать немедленно 200 рубл., чтобы восстановить ее работу и проч.

Уфлянд отказался дать какие бы то ни было об'яснения, как по поводу найденного письма, так и об участии его в группе. Он был отправлен в ссылку в Восточную Сибирь на 7 лет и вместе с дру-

гими по делу первой Якутской бойни осужден на каторгу. Вернувшись с каторги в Россию, сначала проживал с семьей в гор. Минске на родине, во время февральской и после октябрьской революции жил в Петербурге, где и умер в тяжелые голодные годы от воспаления легких.

5. Студент 2-го курса юридического факультета Хар. ун. Христиан Григорьевич Томашевский обвинялся лишь в том, что при обыске у него найден «Каталог систематического чтения» и что вместе с Уфляндом он составил ту библиотеку, которая найдена была у Григорьева. Тем не менее он вместе с другими отправлен был в ссылку, получив назначение в Степное генерал-губернаторство на 5 лет. Из Омска направлен в Зайсан Семипалатинской области.

6. Николай Григорьевич Григорьев, сын капитана, служил в каком-то учреждении г. Харькова, обвинялся в принадлежности к нашей организации. Занятия Григорьева с рабочими не были обнаружены, хотя продолжались около полугода. Григорьев был приговорен к 4 г. ссылки в Западную Сибирь.

7. Студент Хар. ун. медик Герш Ехелевич Шур обвинялся в принадлежности к нашей группе, членом которой он не состоял. При обыске у него найдены: склад революционных изданий, общее число которых вместе с революционными об'явлениями и программами доходило до 700 экз., кроме того найдены подложные документы, печати (паспортный стол), копии секретных правительственных распоряжений и типографский набор для печатания листков сбора пожертвований в пользу «Нар. Воли». Чтобы облегчить положение Шура, Ратин сам указал, что склад у Шура устроен им, но это делу не помогло. Шур был вместе с другими приговорен к ссылке в Восточную Сибирь на 5 лет. В Якутске во время первой бойни, вызванной Осташкиным, Шур был убит.

Л. В. Фрейфельд.

Из жизни народовольческих организаций конца 80-х годов.

Вторая половина 80-х годов ознаменовалась почти решительным разгромом народовольческих организаций в целом ряде городов. В Харькове в конце 1887 года народовольческой организации, как органической части партии, уже не существовало, уцелело несколько человек (кажется, Бражников, Голосов и Рклицкий), которые вскоре были также ликвидированы. И когда мы (я и С. Стояновский) приступили к воссозданию народовольческой группы, нам пришлось начать дело с начала, так сказать, с фундамента. Правда, когда С. М. Гинсбург при своем агитационном об'езде России посетила Харьков, она передала некоторые связи, но, благодаря массовым арестам, они скоро оборвались, и мы были предоставлены самим себе.

Условия нашей работы были крайне неблагоприятны. Время было мрачное; реакция глубоко в'елась во все стороны жизни; крайний упадок настроения отмечался даже среди наиболее либеральной части общества; среди студенчества стали нарождаться толстовские кружки с проповедью непротивления злу; отмечался вообще призыв к мирной культурнической деятельности. Новый университетский устав, рассчитанный на обезличение студента, обративший высшее учебное заведение в казарму с наглыми педелями-охранниками, внес несомненно деморализацию в ряды студенчества и расслоил его. Современники той печальной эпохи помнят бравых студентов в мундирах, с высокими, до ушей, воротниками, со шпагами на боку, в генеральских шинелях. На студенческих вечерах в дворянском собрании они надевали парадные мундиры с расшитыми золотом воротниками, вооружались шпагами с фигурными ручками и соперничали с офицерством. Антисемитизм—наглый, обнаженный—царил в стенах университета, в особенности среди студентов первых курсов. В 1886 г. наблюдались случаи массового самоубийства среди студентов.

Атмосфера была так тяжела и сгущена, жизнь как в стенах, так и за стенами университета становилась до такой степени не-

выносимой, что мало-по-малу начало, наконец, нарастать оппозиционное настроение среди более демократической части студенчества, еще сохранившего лучшие традиции недавнего прошлого. Вот среди этой здоровой части учащейся университетской молодежи, а также среди слушательниц фельдшерских курсов и учениц старших классов гимназии мы стали набирать первые «кружки саморазвития», первые кадры будущей народовольческой группы.

Возникшие зимою 1887-88 г. студенческие волнения, закончившиеся избиением и арестами студентов, дали нам богатую почву для нашей революционной деятельности. Мы учли этот благоприятный момент и постарались использовать его возможно полнее. Мы поставили гектограф, печатали воззвания к студентам, вырабатывали требования к администрации университета, выступали на собраниях, вели переговоры и дискуссии с разными группами и проч. Для отвлечения студентов от участия в «беспорядках» администрация назначила зачеты. Главная масса студенчества этим путем была действительно отвлечена, но человек 300 все же держалось до закрытия университета. В течение этих волнений мы с'агитировали и с'организовали довольно активную группу и решили после рождественских каникул продолжить «волнения».

Когда студенты с'ехались и появились в достаточном количестве в здании университета, были выброшены заготовленные нами прокламации с призывом добиваться отмены университетского устава 85 г. и с пред'явлением целого ряда других требований. Многие студенты при этом разбежались,—осталось человек 200. Дорождественский энтузиазм погас,—волнения (первый вал) закончились поражением студенчества. До сих пор не могу понять, каким образом мы с С. Стояновским уцелели; вообще наша группа сохранилась. Мы снова принялись за пропагандистскую работу и за организацию кружков.

В Харькове каким-то чудом уцелела народовольческая рабочая организация. Доступ к ней мы получили, благодаря необыкновенной популярности среди рабочих народовольца Гельруда, который был известен под кличкой «Хаим» и именем которого мы с Стояновским воспользовались для сближения сначала с отдельными рабочими, затем и со всем кружком, куда входили: В. Соколов И. Веденьев, А. Кондратенко, Я. Рябоконев, Михаил ..... С. Бронштейн, С. Чайченко, Я. Алексеев. Наиболее развитые из них были портные.

В 1887 г. мы столкнулись с интеллигентской группой «революционеров-народников», возглавляемой врачом Д. Д. Бекарюковым [1]). Эта группа явилась фактической наследницей всего, что осталось

[1]) Он и поныне жив и ведет большую обществ.-медиц. работу и сохранил кристальную чистоту. Один из членов кружка д-р. А. Г. Фрейфельд, мой двоюродный брат, считает этот кружок «марксистским».

после разгрома народовольч. орган. в Харькове. С нею нам пришлось столкнуться, тем более, что она успела войти в тесный контакт с вышеупомянутой рабочей организацией: на эту часть наследства мы пред'явили права и решили самым энергичным образом отстаивать их. К этому времени у нас было несколько солидных интеллигентных кружков, выработались пропагандисты (А. Махвиц, сын повстанца 63 г., чрезвычайно способный и по тому времени образованный юноша, знавший прекрасно «Капитал» Маркса; М. Зайцев, впоследствии чл. 2-й Госуд. Думы, деятельный чл. эсеровских Уфимской и Златоустовской организаций), которые, переодевшись в рабочие костюмы, шли в рабочий поселок и удачно вели свою работу. Под разным соусом мы устраивали вечеринки, на которые приглашались рабочие, и тут мы вели дискуссии, разворачивали наше знамя. В противовес тактике, энергично проводимой представителями «народнич.-революц. группы», решительно отметавшей все, что напоминало нелегальность или активность, мы призывали молодежь именно к активности, к активному протесту, где таковой окажется необходимым и возможным. Для характеристики тактики этой группы считаю нелишним привести несколько пунктов их программы:

п. 8)... «до того момента, пока не сформированы группы в достаточном количестве, ни одна из них не имеет права выступать в качестве борца против каких-бы то ни было насилий, как со стороны правительства, так и со стороны местной фабричной администрации. 10) Пропаганда соц.-револ. идей, как среди рабочих, так и среди интеллигенции, должна вестись или устно, или путем чтения, но только книг легальных. 11) Никакие подпольные журналы, никакие подпольные газеты, никакие воззвания, никакие новые подпольные книги, вновь появившиеся, не должны быть в обращении. 13) Отношение нашей группы к группам старого направления: а) с группами террористического направления не завязывать никаких сношений, хотя бы только для того, чтобы вести переговоры. О каком-либо содействии не может быть и речи: оно не должно быть оказываемо ни в какой форме (из-за конспиративных целей); б) с группами других, нетеррористических направлений входить в сношения с целью лишь переговоров; с) что касается помощи людям с шатким положением, как напр., людям нелегальным, бегущим из ссылки и т. п., безусловно никакой помощи не оказывать: ни деньгами, на квартирой, ни паспортом» [1]).

К этому мне остается прибавить, что члены группы—студенты, согласно своему уставу, не принимали никакого участия в студенческих волнениях [2]).

[1]) Программа эта полностью приведена в «Воспоминаниях» П. Л. Лаврова о С. Гинсбург, которая и послала ее в Париж.

[2]) Увы! Не взирая на крайнюю осторожность и конспиративность, эта группа также просуществовала недолго.

Наша группа, как народовольческая, старалась проводить в жизнь традиции и программу партии «Народной Воли», выступала активно во время студенческих волнений, призывала к террористической борьбе с самодержавием, распространяла нелегальную литературу (к сожалению, у нас ее было очень мало) и, вместе с тем, усиленно проводила пропагандистскую работу как среди интеллигентов, так и среди рабочих, при чем настольными книгами у нас были, согласно требованиям времени, наряду с «Истор. письмами» Миртова, «Капитал» Маркса, Шефле, книги по рабочему вопросу, «Отечественные Записки» и т. д.

Вести подпольную работу в условиях того времени, при отсутствии средств и связей, было, конечно, очень трудно, но наша организация все крепла, увеличивалась количественно и качественно.

В октябре месяце 1888 г. на ст. Борки близ Харькова произошло крушение царского поезда с человеческими жертвами. Говорили о покушении. Пострадавших среди поездной прислуги было очень много; их разместили по разным больницам и в клинике. Купечество лезло из кожи, чтобы обставить раненых наилучшим образом: в больницы были доставлены прекрасные железные кровати с пружинными матрацами, белье, папиросы; обед приносили из гостиниц и проч. Момент был очень выигрышный; под впечатлением «чудесного спасения» и радости (быть может, вынужденной) населения по случаю «спасения», царь с царицей довольно свободно посетили раненых во всех больницах в присутствии не только врачей, но и студентов-кураторов; этот счастливый момент был нами не использован, так как мы к этому не были в то время подготовлены.

После от'езда царя на нашем горизонте появилась С. М. Гинсбург. Она внесла большое оживление и определенность в нашу работу и расширила наши горизонты: мы идейно связались с Петербургом и с заграницей, главное—с П. Л. Лавровым. Мы дали возможность С. М. ближе ознакомиться с некоторыми членами нашего кружка, среди которых, между прочим, был рабочий Михаил, токарь по металлу. После встречи с нами и с нашими товарищами С. Гинсбург сама окрылилась: наша группа была для нее сюрпризом. На всех нас С. М. произвела чарующее впечатление. На куске грифельной доски была вырезана печать: «Харьковская Народовольческая группа», и мы были, так сказать, зарегистрированы.

От С. Гинсбург мы узнали о том, что за границей (в Париже и в Швейцарии) сорганизовался кружок, в который вошли эмигранты народовольцы и пролетариатцы, что он должен был войти в контакт с российскими товарищами, и что в Швейцарии производятся опыты над вновь изобретенным взрывчатым веществом «панкластитом», который не требует сложных аппаратов для своего изготовления и обладает большими разрушительными свойствами. Мы попытались наметить программу применительно к переживаемому нами моменту. Клочки этого документа попали в руки жандар-

мов. Согласно обвинительному акту [1]), «в этой программе он (Стояновский) указывал, что для изменения существующего порядка государственного и общественного на социалистических началах необходимо проникновение в общество социалистических идей, чем и должны заняться в России революционеры и социалисты; так как достигнуть этого при современных условиях мирным путем нельзя, то необходимо прибегнуть к террору, под которым он разумел исключительно цареубийство». Программа была разработана вчерне детально, но руководствоваться ею в нашей деятельности не пришлось.

В ноябре месяце С. М. уехала в Петербург. На рождественских каникулах мы попытались с Стояновским приготовить (в деревне, в доме моих родителей) панкластит, а токарь Михаил взялся изготовить две пробные оболочки.

В Петербурге С. Гинсбург встретилась с уцелевшими членами б. военной организации: с Душевским (крепостной артиллерист, слушатель Военно-Юрид. академии), Чижевским (слушатель Михайловской артиллерийской Академии) и К. Оберучевым (офицер); там были, кроме того, В. Гурари, К. Качоровский, ее двоюр. брат—студент Михаил Стояновский. От прис. пов. Кедрина и поэта Минского она получила 500 р. и рассчитывала еще от кого-то (фамилию я позабыл) получить 10 тыс. руб. С П. Л. Лавровым С. М. вела оживленную переписку при помощи посылаемых книг. Мы получали от нее бодрые письма. Все шло гладко.

Совершенно неожиданно в половине февраля месяца я получил от С. Гинсбург телеграмму, в которой она просила встретить ее на вокзале. Телеграмма нас смутила. Я встретил С. М. на перроне и еле узнал ее—на ней была крестьянская одежда, голова повязана платком, в руках узелок. Я увез ее к себе в квартиру и при этом совершенно не подозревал, что каждое мое движение было отмечено шпиками—жандармами (показание их на суде). Им только в голову не приходило, что «особа», которую я встретил, была именно та самая, которая вырвалась из рук петербургских шпиков в тот момент, когда она была окружена ими по выходе из своей квартиры, и не взирая на то, что один из них уже наложил свою руку на ее плечо. От дальнейшей погони спас ее извозчик. Мы услышали печальную повесть о забытом в лавочке кошельке, в котором находился маленький клочок бумаги (2-х—$2^1/_2$ вершков), исписанный чрезвычайно мелким, почти бисерным почерком. Он представлял собою проект воззвания, написанного пр. пов. Кедриным на случай удачного покушения на жизнь Александра III. Начинался он так: «Устранив..., мы считаем нравственным долгом об'яснить русскому обществу значение совершившегося. Для тех, кто вместе с..... считает чудесным спасение его при крушении поезда 17 окт. 1888 г., об'-

[1]) «Социал-Демократ» за 92 г., кн. 4.

яснять значение его смерти не нужно—воля провидения, сохранившая его тогда, теперь избрала нас орудием его наказания за массу причиненного им зла. Мы должны оправдать наше решение перед теми, которые не видят пользы в насилии и рекомендуют мирные средства работы на пользу народа». Далее приводятся доказательства невозможности такой мирной работы в России и высказывается твердое решение неуклонно устранять царя, «систематически уничтожать всякого представителя царской власти до тех пор, пока не явится возможность работать для народа свободным словом в печати и свободной речью во всероссийском земском собрании. Итак, отказ от неограниченной власти или смерть» [1]). Затем следовали программные требования, абсолютно не разделяемые С. Гинсбург.

Этот документ, написанный присяжным поверенным Кедриным и переписанный Мих. Стояновским, предназначался к отправке П. Л. Лаврову, как характеризующий настроение и чаяния лучшей части русского либерального общества. К несчастью, С. Гинсбург случайно [2]) оставила кошелек в лавке отставного полковника Татаринова, который, не взирая на энергичные попытки С. М. получить кошелек обратно, не замедлил представить драгоценную находку куда следует... С. Гинсбург о случившемся предупредила своих друзей и, хотя удачно бежала из Петербурга, но судьба М. Стояновского, Чижевского и Душевского была решена: они были вскоре арестованы; Кедрин, Минский, Качоровский и др. остались вне подозрений. С. М. благополучно прибыла в Харьков. Положение создалось крайне критическое. Как закончится эта печальная история,—мы не знали. Ясно было одно: надо было снабдить С. М. паспортом, деньгами и устроить ее выезд из Харькова за границу. С. Стояновский поехал за деньгами в село Акимовку к к учителю Сидорову, я взял у одной моей приятельницы, М. Ямпольской, паспорт. Таким образом, труднейшая часть задачи была разрешена. С. Гинсбург уехала благополучно в Севастополь с тем, чтобы, при содействии оберфейерверкера А. Орочко, народовольца Теплова и В. Л. Перовского уехать на пароходе за границу. К сожалению, она не уехала, а осталась в Севастополе до мая месяца. Заметив за собою слежку, она уехала в Успенский монастырь в Бахчисарае, где однажды (в 1888 г.) уже скрывалась и откуда благополучно пробралась за границу при содействии А. Орочко. С. Гинсбург только не знала, что вслед за ее от'ездом в монастырь нагрянули жандармы. Настоятель монастыря вспомнил об этом обстоятельстве и выдал ее на сей раз уже более счастливым жандармам. Теплову удалось скрыться за границу, а Орочко был арестован.

[1]) Социал. Д. 92 г., кн. 41

[2]) Сколько таких роковых случайностей записано на страницах истории партии «*Н. В.*»!

Обо всем этом, а также о дальнейших событиях за границей (о цюрихской трагедии [1]), о парижских арестах [2]) и проч.) я узнал только при ознакомлении с протоколами дознаний перед судом и во время самого суда.—За время нашего предварительного заключения события разворачивались, так сказать, широким фронтом, что особенно ярко отразилось в «Обзорах важнейших дознаний, производившихся в жанд. упр-х империи по делам о государственных преступлениях» в течение 1889—91 г.г., т.-е. с момента побега С. Гинсбург из Петербурга и взрыва бомбы в Цюрихе. Оба эти события дали огромный материал в руки охранки. Дальнейшие аресты в Париже, как увидим ниже, были также чреваты огромными последствиями.

В «Обзоре» за 1899 г. мы читаем: «Результаты негласного наблюдения по гор. С.-Петербургу к концу 88 г. указывали, что, независимо от существования обычных кружков учащейся молодежи, занятых изучением социально-экономических вопросов, в Пет-ге в *течение 88 г.* возобновился будто бы тайный кружок из офицеров под названием кружка «милитаристов», основанием преступной деятельности которых являлось изменение существующего госуд. строя путем захвата власти войском. Из лиц, имевших сношение с этим кружком, обращала на себя внимание б. слушательница С.-Петербургских Педагогических курсов охтенская мещанка Вера Гурари, в квартире которой происходили еще в 1884 г. сходки кружка военной учащейся молодежи». Далее указывается на знакомство и сношение с Душевским, Чижевским и К. Качоровским.

«В начале 1889 г. имелись, кроме того, хотя и не в определенной форме, сведения, что среди эмигрантов в Швейцарии предполагается устроить *какое-то* [3]) «дело» и что будто бы несколько эмигрантов собираются тайно вернуться в Россию в течение 1889 г. для усиления рядов революц. деятелей... Производство подробно изложенного... дознания по делу С. Гинсбург и других установило *совершенно определенно* (курсив мой) существование с осени 1888 г. заговора для совершения террористического факта чрезвычайной важности. В том же году был арестован на границе при перевозке транспорта нелегальных изданий Б. Гроссман, который «откровенно показал», что был знаком за границей с целым рядом эмигрантов-народовольцев (Раппопортом, Рейнштейном и др.), что

[1]) В 1889 г. проба бомб, при чем И. В. Дембо был убит, а А. Н. Дембский ранен. *Редакция.*

[2]) В 18 0 г. ряд арестов эмигрантов, обвиняемых в приготовлении бомб. Были выданы известным провокатором Гекельманом, он же Ландезен и Гартинг. *Редакция.*

[3]) Курсив мой. Итак, до забытого в лавочке документа и до взрыва в Цюрихе, т.-е. до февр. мес. 1889 г., у Охранки были только самые смутные сведения о планах эмигрантского террорист. кружка и о деятельности народовольческой организации в России.

все они принимали участие в изготовлении разрывных снарядов, что химическая жидкость изобретена Дембским, что снаряды предполагалось отправить в Россию через Вильно, при посредстве некоего Дуговского»... «Учрежденное в виду сего особое наблюдение в Париже за всеми выдающимися по своей деятельности эмигрантами подтвердило имевшееся указание на возобновление попыток к изготовлению метательных снарядов и взрывчатых веществ; так, эмигранты Степанов, Рейнштейн, Лавренiус, Шерр, Кассиуш и др. начали скупать химические аппараты и продукты и таинственно носили их в квартиры Кашинцева и Рейнштейна». В саду Raincy (близ Парижа) производились опыты над снарядами, приведшие [1]) к обыскам у всех эмигрантов в Париже.

В марте 1890 г. должны были отправиться в Россию Ю. Раппопорт и затем В. Бурцев и «лично проверить на местах прочность и надежность адресов, явок, паролей и проч.». Ю. Раппопорт был задержан на границе [2]), благодаря чему В. Бурцев задержался за границей. Обыски в Париже оказались также чреваты весьма печальными последствиями для русской организации. «При рассмотрении бумаг, отобранных по обыскам в Париже, получились более определенные указания на лиц, на *разнообразное содействие коих* (курсив мой) рассчитывали эмигранты». Фамилии этих лиц были записаны сокращенно, но были восстановлены охранкой [3]) полностью. Это были слушательницы женских курсов Лидия Калибрина и Ю. Марина, Неонила Истомина, студ. военно-мед. акад. С. Фойницкий, студ. Бруггер, П. Виноградов—в Петербурге, С. Сухаревская в Москве, М. Деляницкая в Одессе, Л. Иогихес в Вильне. Вслед за этим—в февр. 1890 г.—в Пензе состоялся с'езд, на который прибыли представители разных мест—Истомина, Беляев, Израильсон и др.—и приняли участие б. ссыльные В. Гусев, Д. Волков, «известный по прежним сношениям с Тепловым», и др. Все участники с'езда были, разумеется, арестованы, при чем «из откровенных показаний Н. Истоминой выяснилась вся, до мельчайших подробностей, сложная и трудная работа по восстановлению народовольческих организаций *по всей* (курсив мой) России, связь их с заграницей, деятельность заграничного кружка и пр. за 1888—90 г.». В конце 1887 г. среди всех высших учебных заведений [4]) было предположено организовать революц. кадры с общим представительным собранием во главе, при чем главной задачей деятельности этих кадров была поставлена пропаганда социалистических и революционных идей в обществе путем распростране-

[1]) Благодаря провокации Ландезена.

[2]) Ниже автор говорит о приезде Раппопорта из-за границы, его посещении Москвы и других событиях, которые имели место в 1887—1889 г. г.

[3]) Вероятно, при содействии Ландезена.

[4]) Это решение обсуждалось также в Харькове во время студенческих волнений, куда приезжал представитель из Петербурга.

ния нелегальной литературы и образования кружков саморазвития. Подобный кадр был организован и на Бестужевских курсах под руководством Истоминой, А. Разумовской, А. Мясниковой и Ю. Родзевич. К началу 1888 г. кружок Беляева и Качоровского пришел к убеждению, что ближайшей задачей революционной деятельности должно быть достижение политической свободы, и наилучшим к тому средством должно считать систематический террор против выдающихся правительственных сановников. Взамен прежнего кружка саморазвития организуется уже при участии Качоровского, Беляева, Владимира и Неонилы Истоминых особый кружок с террористическим направлением, к которому примкнул студ. Фойницкий. Кружок задался целью организовать все революционные силы в России для правильной постановки систематического террора (*конечно, не только для этого*. Л. Ф.), при чем Петербург назначался центром организационной деятельности. Кружок был намерен вступить в сношения с другим существовавшим в Петербурге и также организованным для террористической борьбы кружком, причем с представителем этого кружка В. Гурари Истомина познакомилась чрез М. Ландау. К началу 1888 г. относятся первые связи кружка с эмигрантами через М. Гармидора, который в Петербурге виделся с Качоровским, Истоминой, Беляевым, Фойницким и связал их адресами и явками с заграницей. Беляев предпринял деловую поездку по России—посетил Курск, Орел, Москву, где виделся с П. Крафтом и А. С. Белевским. Качоровский вел, кроме того, переговоры в Москве с Липкиным и Курнатовским. Осенью 1888 г. в Петербург прибыл Паули, но вскоре уехал за границу.

К началу 1889 г. предварительная организационная часть работы кружка закончилась; между отдельными членами его распределены были роли и районы. Фойницкий вел оживленные переговоры о постановке типографии, паспортного бюро, лаборатории для приготовления снарядов и об организации транспорта из-за границы. Качоровский взял на себя сношения с югом, в частности с Симферополем, Севастополем и с Пензой, где находились П. Крафт и Волков; Истомина—в Петербурге; Беляев отправился в Москву, где ввел в кружок Я. Юделевского и М. Шеффер, и предпринял поездку по Волге. В Н.-Новгороде от А. Карелина [1]) он получил обширные поволжские связи.

Осенью 1888 г. в Петербург приехала С. Гинсбург, повидалась с Качоровским и передала ему несколько воззваний об организации за границей «Социалистич. литерат. фонда» и разные революционные издания и взяла для напечатания за границей рукопись «Лопатинский процесс».

[1]) Впоследствии известный анархист, умер в Москве в 1926 г. *Редакция.*

Вслед за С. Гинсбург приехал тайно из-за границы Ю. Раппопорт и, получив в Минске петербургские явки, прибыл в Петербург, где виделся с Качоровским, Юделевским и с Истоминой, т.-е. вошел в контакт с петербургским кружком и передал явки (в Одессе—Виткович, на Волге и в Варшаве).

В конце февраля 1889 г. в Москву прибыл из-за границы транспорт революционных изданий. Туда направились Раппопорт с Беляевым. Истомина подробно говорит о том, кем получен был транспорт, что в нем находилось и как он распределялся между отдельными организациями. В транспорте находились, между проч., паспорт Васкевич, по которому 6-II—1888 г. С. Гинсбург перебралась за границу из Севастополя при помощи А. Орочко, и «весьма важная программа, составленная членами заграничного кружка эмигрантов с целью об'единения всех социально-революционных групп». Программа эта была найдена в бумагах Истоминой и представляет собою интересный документ. Недостаток места не позволяет привести его полностью. Петербургским кружком программа обсуждалась и встретила серьезные возражения. Качоровский, с своей стороны, написал проект программы, которую предложено было сделать общереволюционной программой России. Позволю себе привести хотя бы начало ее.

«По основным своим убеждениям мы—социалисты и народники. Мы думаем, что единственно социализм обеспечивает наибольшее счастье для наибольшего количества людей, единственно обусловливает полное, всестороннее развитие личности, действительно осуществляет в жизни человечества великий девиз: свобода, равенство и братство. Мы полагаем, что только та реформа имеет все шансы и право на существование, которая предварительно прошла через сознание и волю народа. Благо народа и воля народа—вот две наши заповеди, вот та великая правда, за которую мы боремся... Итак, мы полагаем, что, как социалисты и народники, мы можем опереться на следующие общественные силы в России: на большую часть крестьянства, на большинство пролетариата и на русскую интеллигенцию».

Из дальнейших показаний Истоминой мы узнаем, что «летом 1889 г. почти все члены петербургского кружка раз'ехались по России,—Качоровский поехал в Крым; Фойницкий посетил Вильно, Минск, Одессу; Беляев об'ездил Поволжье, где встретился с бежавшим из Сибири Сабунаевым, и массу других городов (Ярославль, Кострому, Нижний, где виделся с В. Г. Короленко, Казань, где была большая группа работников, Саратов, Астрахань (Е. Чириков), Воронеж (П. Мануйлов), Рязань, Кострому)»; в показаниях отмечаются решительно все, с кем члены кружка встречались. С половины сентября 1889 г. в Казани начался с'езд, в котором, между прочим, приняли участие Сабунаев, Гусев, Сазонов, Беляев, Трофимов и Лев Осинский. По постановлению с'езда, всю Евро-

пейскую Россию предположили разделить в революционном отношении на несколько областей, как-то: Петербургскую, Московскую, Восточно-Камскую, Черноморско-Донскую, Украинскую и Кавказскую. Западный Край, т.-е. Польша, Литва, Белоруссия, Отзейский край и Финляндия не входили в общую организацию, как самостоятельные области, а должны были временно находиться в распоряжении революционного центра под ведением особых лиц, назначаемых этим последним. С'езд занялся также разрешением вопроса о террористических предприятиях. Осенью 1889 г. (т.-е. после ареста С. Гинсбург) «по рекомендации Бурцева и Раппопорта прибыл в Петербург эмигрант под фамилией Миллера [1]) и заявил, что прислан представителем заграничного террористического кружка для переговоров с русскими революционерами о совместной террористической деятельности в России. Переговоры с ним вели Истомина и Фойницкий, при чем сущность переговоров и возникшие разногласия были изложены Качоровским в особой декларации, содержание которой эмигрант должен был передать Парижскому кружку. Окончательное соглашение с эмиграцией было отложено до лета, и в качестве делегата петербургского кружка предположили послать Фойницкого». Указанная декларация была впоследствии найдена в копии при обысках русских эмигрантов в Париже. В ней, между прочим, говорится: «Цель нашей деятельности—прочная постановка террора, как системы; цель эта достигается созданием крепкой, достаточно многочисленной и приспособленной к условиям времени и места организации. Последнее еще не выполнено, поэтому всякую террористическую попытку сейчас мы считаем вредной и несоответствующей целям систематического террора, который мы считаем единственно целесообразным. Поэтому мы обращаемся к Вам и к Вашим товарищам с решительным протестом против немедленного выступления в дело».

Через несколько времени Истомина получила из Парижа письмо с извещением, «что, ознакомившись с результатами переговоров, Парижский кружок с нетерпением ждет прибытия в Париж уполномоченного для окончательного с ним соглашения».

В «Обзоре важнейших дознаний за 1891 г.» находим:

«Предпринятые с начала 1889 г. и преимущественно после цюрихского взрыва обширнейшие розыски и наблюдения привели к возникновению нескольких сложных дознаний (дело С. Гинсбург, революционных кружков за границей, парижские обыски, петерб. кружка Фойницкого, Истоминой и др., кружка Сабунаева на Волге и проч., которые более или менее охватили *почти все губернии империи* (курсив мой) и послужили к обнаружению связей центральных кружков, способов сношений и пр.».

[1]) По расшифровке Л. Меньщикова, это был знаменитый провокатор Ландезен.

Я счел необходимым сделать, быть может, слишком длинные выписки из «откровенных показаний» Истоминой и из других документов, чтобы выяснить ретроспективно ту революционную ситуацию в России и за границей, при которой С. М. Гинсбург была командирована своими товарищами—народовольцами и пролетариатцами—в качестве представителя для восстановления террористической деятельности, направленной, главным образом, против Александра III. С. Гинсбург поехала не в пустое пространство; наоборот, как мы видели выше, народовольческие организации широкой сетью раскинулись почти по всей России; были, несомненно, крупные работники, большие связи, хороший тыл, все программные и организационные вопросы обсуждались достаточно серьезно.

К великому несчастью, тяжкие условия подпольной работы, оговор такого осведомленного члена Петербургского кружка, как Н. Истоминой, разрушили вновь созданные народовольческие организации в момент, когда они только что сформировались.

Поистине—«не расцвел и отцвел в утре пасмурных дней».

Заканчивая свой грустный мартиролог из жизни наших товарищей конца 80-х годов, я позволю привести характеристику С. М. Гинсбург, оставленную П. Л. Лавровым в статье: «Мои воспоминания о С. М. Гинсбург» («Гол. Минувш.» за 1917 г. 7—8 кн.).

«Мне с первого свидания уже показалось, что я имею дело с личностью, способной к инициативе. Наши разговоры стали чаще и откровеннее. С тех пор до самого ареста С. М.—31 мая 1889 г.—наши отношения были самые дружественные. Насколько я в состоянии судить, она была со мною очень откровенна даже в мелочах своих действий [1]), замыслов и предприятий, хотя наши взгляды в этом отношении очень расходились. Я не раз видел, как она умела воодушевить [2]) и привлечь к работе людей, гораздо более опытных, довольно скептических и далеко недюжинных; как она умела сблизить разных лиц, нужных для этого, и сорганизовать группу. В 1885 г. С. М. впервые приехала в Париж и явилась ко мне с рекомендациею от одного союзного кружка... Первые сношения ее с революц. кружками сблизили ее с «милитаристами», среди которых элемент социализма и организация, которая обусловливается этим элементом, значительно уступали чисто политической организации по типу польских патриотов и итальянских карбонариев. Неблагоприятное впечатление, произведенное на С. М. этим первым опытом, имело следствием, что она более укрепилась в своих социалистических убеждениях, постоянно ста-

[1]) Я могу это полностью подтвердить.

[2]) Быть может, эта способность С. М. влиять на людей, заражать их своей верой и своим энтузиазмом сыграли печальную роль при подборе ею своих ближайших сотрудников, в решительный момент не проявивших достаточной выдержки и мужества. В этом грешна была, конечно, не только одна С. М.

вила их в основание своих типов организации, даже *в те эпохи* (курсив мой), когда она все более увлекалась террористическими задачами». В последний свой приезд в Россию С. М. писала: «Всюду, все-таки, я нахожу людей, отнесшихся в высшей степени сочувственно и горячо к моим взглядам, и везде, где я была, я находила людей, не пугающихся меня, нелегальной особы, и готовых на все, что угодно. Но эти люди—везде только единицы»... «Тяжелую годину переживаем мы теперь»,—писала она после наших арестов—«авось, все-таки одолеем трудности... Помните, что я не только не изменила взгляды на то, что должно теперь делать в России, но, напротив, мои взгляды получили тысячи фактических подтверждений в своей правильности. На следующий раз я напишу вам еще кое-что, о чем хотела бы сказать вам раньше, чем погибну (теперь-то будущее мое совершенно ясно), и передайте N, что никаких *хлопот* об улучшении *моего положения не должно быть*, раз я буду *взята* (курсив мой)»... Последнее письмо, писанное, очевидно, в чрезвычайном волнении, было от 27 мая. Оно очень кратко и кончается словами:

«Ну, пожелаю, ну, пожелаю вам всем работать с большим успехом, чем пришлось мне».

Даже озлобленный и отрекшийся от своего прошлого Тихомиров почти накануне своего официального отречения не мог не отдать должного яркой личности С. М. Гинсбург (стр. 320 дневника):

«...Была в России одна ярая «народоволка». Боюсь ошибиться, но, кажется, это была та самая Гинсбург, которая была потом повешена (неверно: она покончила с собою в Шлиссельбургской крепости,—*Л. Ф.*). В то время я уже отстранился от революции, хорошо помню личность, но она носила выдуманную фамилию и хотя мне открывалась, но я не запомнил, не интересовался. Во всяком случае, она была родом из Керчи и жидовка. Это была особа весьма неглупая, страстной энергии; тип, способный много сделать. Я ее разубеждал в ее стремлениях, доказывал их тщетность, но совершенно без успеха. Когда она начинала говорить о революции, о том, будто в России жить невозможно, ее ноздри характерно раздувались, словно у горячей лошади. Все мои убеждения отскакивали от нее, как горох от стены. Кончилось тем, что она перестала говорить со мною о «делах». Но лично она мне понравилась, и я ей»...

31 мая 1889 г. С. Гинсбург была выдана, как указано выше, настоятелем Успенского монастыря жандармам и увезена в Петропавловскую крепость. Судя по ее последним письмам к П. Л., она уже знала о цюрихских событиях. Я же, конечно, ничего об этом не знал; я был уверен, что С. М. за границей,—и только в июне месяце об ее аресте с чувством огромного удовлетворения мне сообщили Котляревский и Дурново, и перед судом при чтении протоколов дознания я узнал о провале заграничного кружка.

Дело, начатое С. Гинсбург и продолженное другими эмигрантами-народовольцами и пролетариатцами, роковым образом шло к своему печальному концу.

Случайно забытый С. Гинсбург в лавчонке кошелек с никому ненужным клочком бумаги поднял на ноги петербургский охранный мир; разгром двух молодых народовольческих организаций; цюрихская трагедия, встряхнувшая охранников заграничных; отобранная при обыске в квартире Дембо записная книжка, установившая личность С. Гинсбург и связь ее со Швейцарией и давшая указания относительно мастерской бомб и их предназначения; парижские опыты над метательными снарядами при участии Ландезена; обыски эмигрантов, сопровождавшиеся выемкой разных документов с указанием конспиративных адресов и фамилий видных русских революционеров в разных городах; провал с'езда в Пензе; «откровенные показания» Неонилы Истоминой, одной из центральных фигур того времени, фактически отдавшие в руки охранки все существовавшие в то время многочисленные народовольческие организации; трагическая смерть С. М. Гинсбург в одной из камер старого корпуса Шлиссельбургской крепости—вот печальный мартиролог восстановления народовольческих организаций конца 80-х годов.

И. И. Ракитникова (Альтовская).

Революционная молодежь 90-х годов на работе в деревне.

90-е годы отмечаются в истории общественных течений в России как годы перелома, перехода от унылой разочарованности второй половины 80-х г.г. к бодрым настроениям следующего десятилетия. В литературе, посвященной этой эпохе, в достаточной мере освещен вопрос и о причинах, вызвавших смену этих настроений, и о связи их с нарастанием глубоких изменений в самых основах русской жизни.

Перелом этот, как известно, первый подмет л чуткий к общественным настроениям Шелгунов, отметивший его словами: «Шире дорогу, девятидесятник идет». И девятидесятник во многом оправдал слова умиравшего публициста, он действительно пошел широкой дорогой.

Поколение, шедшее на смену восьмидесятникам, если не брать отдельные кружки, где не прерывались революционные традиции,— прежде всего отличалось стремлением выбраться из душных закоулков, куда загнали мысль и чувства близорукие, обесцвеченные «негерои» «Недели».

От малых дел, от копанья в себе поколение это устремилось к поискам широкой общественной работы, в нем снова вырос интерес к коллективу, его трепещущим порывам, врывавшимся в застоявшуюся жизнь.

Первым, чем выявило себя это действенное настроение начала 90-х годов, были студенческие волнения, начинавшиеся обычно с Петербургского университета и эхом раскатывавшиеся по др. университетам—Московскому, Казанскому, Киевскому, Харьковскому. Начавшись на академической основе, они быстро разрастались в требования университетской автономии, свободы преподавания, отмены всяческих полицейских пут, связывавших университетскую жизнь. Еще начало учебного года более или менее проходило спокойно, но чем ближе к весне, тем беспокойнее становилась студенческая среда, начинались сходки, совещания, живо устанавливалась связь между технологическим институтом, университетом, Медицинской

Академией, Рождественскими и Бестужевскими курсами. Вырабатывались общие требования и пред'являлись начальству. Высылки и аресты, которые следовали вслед за этим, только увеличивали волнения, пострадавшие превращались в героев, которым нужно было подражать и за которыми нужно было следовать.

«Мы арестанты молодые
Сидим за родину в части...»

с увлечением распевались тогда на вечеринках слова детски-наивной песенки, сложенной, очевидно, где-нибудь в участке. Сочувствие к пострадавшим было огромное даже среди мало затронутой части молодежи. Иногда это сочувствие выливалось в курьезные формы. Помню, какого переполоху наделало исчезновение казенных подушек и одеял из интерната Рождественских курсов,—все это оказалось в участке, куда было направлено тотчас же по получении записки от «молодых арестантов» о том, что им приходится спать в участках на голом полу.

По учебным заведениям организовывались очередные хождения на свидания к заключенным в качестве родственников, всякого рода передачи, сборы денег. Ожили кружки саморазвития, в которых изучалась политическая экономия, история французской революции,—земляческие собрания, вечеринки, нередко разгонявшиесяполицией.

Но не студенческие истории и не все возраставшее чувство солидарности отличают эту эпоху от предшествующей. Всегда известная часть учащейся молодежи была более или менее оппозиционно настроена, всегда это оппозиционное настроение выливалось в ту или иную форму. Для 90-х г.г. характерно не это. Эту эпоху отличает от предшествующей то, что в эти годы снова зародились в молодежи те чувства к народу, тот интерес к рабочему, к его борьбе, к мужику и к его доле, которыми так проникнуты были поколения 60-х и 70-х г.г. Снова, как и в эти годы, народ становился центром, вокруг которого постепенно стали сосредоточиваться все интересы, все стремления. Снова ожило то большое, что у восьмидесятников второй половины так потускнело и выцвело, выродившись в крохоборство, в мелочи.

Можно сказать определенно, что у большинства в то время не было ни программы, ни выработанного миросозерцания. Это пришло позднее. Но тяга к массам уже тогда ощущалась ясно. Интересно отметить, что, пожалуй, тогда же смутно наметились среди петербургского студенчества и те два основных течения, на которые потом поделилась русская интеллигенция. Пока что водораздел прошел по линии учебных заведений,—в то время как медики (студенты Пет. Военной Медицинской Академии), рождественки тяготели к деревне, уклон технологов был в сторону рабочих.

Решающее значение в определении настроения части молодежи, тяготевшей к деревне, сыграла зима 91—2 г.г. Отовсюду из провин-

ции, сначала смутно и неопределенно, в виде глухих слухов, а затем все настойчивее и упорнее, неслись вести о надвигающемся на Россию страшном голоде. К весне 92 г. сомнений не было даже и для тех, кто старался скрыть действительные размеры бедствия—небывалый голод охватил всю страну. Газеты полны были описаний тех ужасов, которые творились в глухих заброшенных деревнях, призывов о помощи умирающим. Общество всколыхнулось.

Быть может, это покажется странным, но бедствие, разразившееся над народом, в некоторой части общества оживило тайные надежды. «Чем хуже, тем лучше»...—раздавалось в некоторых кругах интеллигенции—почем знать, быть может, голод встряхнет народ»... Защитники теории—чем хуже, тем лучше—утверждали, что есть границы терпения, что народ, ввергнутый в бездну нищеты и отчаяния, гонимый голодом, перед лицом неизбежной смерти способен на все; другие возражали—жизнь далеко не всегда оправдывает эту теорию. Есть бедствия, которые пришибают человека, подавляют его и вместо гнева и отчаяния порождают тупое смирение и покорность судьбе. Голод, подтачивающий человеческие силы, убивает в нем силу духа, превращая человека в покорное животное, ничего не ждущее, ни на что не надеющееся.

Как бы то ни было, но и те, и другие понимали, что не в разговорах теперь дело. Нужно было действовать, не теряя ни минуты. И вот начинается лихорадочная работа по сбору пожертвований, по организации отрядов для устройства столовых, для борьбы со вспыхнувшей на почве голода тифозной эпидемией. И молодежь первая откликнулась на призывы о помощи вымирающей от голода и болезней деревне. Это была какая-то лихорадка, охватившая всех, один из тех порывов, которые, независимо от их непосредственных результатов, все-таки толкают жизнь вперед. Мучительно было жить изо-дня в день и знать, что где-то там, в заброшенных, далеких углах умирают люди. Знать, что ты, здоровый и крепкий, можешь помочь им—и сидишь и ждешь, ждешь... А ждать приходилось из-за тысячи формальностей, из-за невозможности сразу пристроиться к какому-нибудь отряду, из-за того, что отряды Красного Креста набирались из казенных сестер милосердия и сугубо благонадежных лиц, наконец, из-за недоверия к молодежи со стороны начальствующих лиц, зорко следивших, чтобы до конца экзаменов никто не покидал учебных заведений.

Кое-кто не выдерживал, бросал все и ехал в провинцию на-авось, без денег, без связей, с одной прожигавшей душу мыслью,—скорее быть там, на месте, в каком-нибудь голодном углу, скорее приняться за дело, кормить, лечить. И так или иначе эти пионеры устраивались. Но не все из них возвращались назад. Силы, надломленные тревогой напряженного ожидания и обычным студенческим недоеданием, не выдерживали жизни, полной лишений и тяжкого труда, и в далеких углах гибли от тифа те, кто первые откликнулись на бедствия,

постигшие деревню. Так погибла одна из первых в Самарской губ. студентка Рождественских курсов Юлия Нагорская, которой Н. К. Михайловский посвятил начало одной из своих статей в «Русск. Бог.» (1892 г.). Позже стали жертвой эпидемий студ. Рожд. курсов Есипова (в Сарат. губ.), ст. медик Тарасов (в Нижегор. губ.).

Весть об них, об этих первых жертвах, доходила до тех, кто еще не мог выбраться из столицы, увеличивала лихорадочную атмосферу, которой жила молодежь, побуждая ее спешить на смену.

К концу весны двинулись уже целые отряды, направлявшиеся в глубь России и в некоторые части Западной Сибири,—последние, за отсутствием земства в Сибири, снаряжались исключительно на частные средства, главным образом, богачей и сибирских меценатов Сибиряковых. Отряды, формировавшиеся на частные средства, были поставлены сравнительно в лучшие условия и в смысле обеспечения средствами, и в смысле возможности проявления большей инициативы и самостоятельности в борьбе с голодом.

В общем, условия для работы были менее стеснительны, чем позже, в 1898 г. и в последующие голодные годы. Бедствие было слишком уже велико, на почве голода с нарастающей быстротой развились всяческие эпидемии, охватывавшие не только целые деревни, но перебрасывавшиеся и в города, приводя в страх и смятение и имущие классы. Вслед за эпидемией голодного тифа надвинулась страшная гостья—холера и начала свою истребительную работу среди обессилевшего от голода и болезней населения. Администрация, в высшей степени подозрительно относившаяся ко всякому проникновению в деревню элементов «не казенных», устрашенная размерами этих бедствий, не чувствовала в себе достаточно сил, чтобы противостоять напору общественных элементов. Во всяком случае, меры, которыми начальство старалось оградить деревню, не достигли тех размеров, до которых они дошли позже, при новых голодовках, когда, повидимому, у правящих стало складываться убеждение, что «не так страшен чорт», пережила Россия голод и жива осталась, переживет и в другой раз, и в третий раз...

А с другой стороны, очень туманно и неясно еще обрисовывались перспективы, которые могли произойти от кратковременного сближения интеллигенции и народа на такой неблагодарной, в сущности, почве, как кормление голодных и борьба с болезнями.

Но несколько позже, уже следующей же зимой, перспективы кое-какие все же обрисовались...

В лучшие условия в смысле наибольшей свободы для проявления личной инициативы, как я говорила, были поставлены те, кто попадал в более отдаленные от центра места, где меньше чувствовалась властная рука администрации, как это было местами в Европ. России, в особенности в Сибири. Мне лично пришлось поехать с отря-

дами, отправившимися в пораженные голодом Ишимский, Курганский и Петропавловский уезды Тобольской губернии. Здесь мы были в буквальном смысле предоставлены самим себе. Не было ни содействия со стороны наличного, крайне скудного состава медицинского персонала, ни особого противодействия со стороны местных властей, отнесшихся в общем довольно равнодушно к нашему появлению. Большое значение, впрочем, имело то, что представителем нашего отряда, состоявшего из 10 человек [1]), был сопровождавший нас Н. М. Ядринцев, пользовавшийся, как литератор и знаток Сибири, большой известностью. Явившись сюда в качестве врачей и фельдшериц, мы могли устраиваться, как нам было угодно, могли распределять свои врачебные и питательные пункты, где считали нужным, передвигаясь без всякого контроля со стороны кого бы то ни было по беспредельным пространствам сибирских степей.

Конечно, толку от такого лечения и от такого кормления было мало. Что могли сделать 2—3 человека на уезд с ничтожными, сравнительно, средствами, когда для того, чтобы поставить дело более или менее правильно, этих сил не хватило бы даже для одного какого-нибудь пункта в селе? Но самый факт появления в это тяжелое время каких-то людей, которые чем-то хотели помочь, кое-что значил в этих глухих местах.—Откуда вы? Кто вас послал?—спрашивали нас. И удивлялись, когда узнавали, что «дохтура» оказывались не «казенными», а людьми, приехавшими в деревню по собственному желанию, и что деньги, на которые они собирались лечить и кормить, тоже были не «казенные». И весть о том, что из Питера приехали «дохтура», разносилась широко кругом, и к молодым лекарям, которым во время приема не раз приходилось заглядывать в медицинские книги, потянулись больные и просто нуждавшиеся в разных советах, приезжавшие нередко из самых отдаленных углов уезда. Все обращавшиеся за помощью, понятно, встречали простое, дружеское отношение, без тени того начальствования, которое привыкли они видеть со стороны всяких казенных людей, не исключая и докторов. На прощанье умевшим читать (а таких было очень немного) вручалась еще книжечка с предложением после прочтения непременно приехать за другой. И обе стороны расставались, весьма довольные друг другом.

К сожалению, эта идиллия возможна была еще только вначале, когда не надвинулась холера, сразу все перевернувшая, изгнавшая у людей все чувства, кроме животного панического ужаса перед смертью, неумолимо косившей направо и налево. Но и эта страшная и нежданная гостья не испортила отношений. Бывали, правда, очень и очень трудные моменты, когда приходилось напрягать все силы, чтобы не проявить душевной смуты, порой доходившей до

[1]) Ст. медики Дружинин, Н. Я. Александров, ст. Рожд. курсов Лаговская, Гроднянская и др.

отчаяния. И уже ползли откуда-то кем-то пущенные зловещие слухи о том, что приехали из Питера не то подкупленные англичанами, не то «англичанки» морить народ... Но все же нигде здесь не дошло до каких бы то ни было столкновений и расправы с медицинским персоналом, как это было, напр., на Волге. В самый разгар эпидемии, когда почти не было села, где бы не умирали в страшных мучениях люди, к петербургским лекарям продолжали ездить за советами и продолжали возить их по больным. Больных не скрывали и не прятали, так как никто силой их никуда не тащил. А в наспех организованную холерную больничку шли лишь те, кто сам в нее хотел итти.

При борьбе с голодом и холерой мы старались опираться главным образом на общественные элементы. На сходах выясняли причины заразы, способы уберечься от нее, выбирали санитаров. Помню, что хорошими помощниками нам были «растиральщики», большей частью из бобылей и отставных солдат без роду и племени. На сходе же выясняли степень нужды в хлебе, составляли списки голодающих, совместно обсуждали способы удовлетворения нужды. Само общество решало, что лучше—раздача хлеба или устройство столовых, или то и другое вместе. Столовыми пользовались обыкновенно только дети, да иногда слабые одинокие старики и старухи, другим же было конфузно ходить в столовую, и они получали свою порцию муки и хлеба на дом.

За все время холерной эпидемии, помнится, был лишь один эпизод в Ишимском округе, грозивший принять дурной оборот. Одна из нас во время об'ездов попала в места, в которых раньше не приходилось бывать и с которыми не было никаких связей. После обхода села, главным образом с целью выяснения размеров нужды в хлебе, пришлось посетить и некоторых холерных больных. В одной избе оказалась совсем уже умирающая женщина, посиневшая и без пульса. Делать с ней было нечего. Но муж больной умолял дать хоть что-нибудь. Пришлось дать валериановых капель с предупреждением, что лекарство не поможет. Затем был собран сход для выяснения размеров нужды и организации помощи голодающим. Начались обсуждения, споры. И вдруг, в самый разгар бурных прений, на сход врывается всклокоченный, с блуждающими глазами мужик, который вымаливал лекарства для своей умиравшей жены, с криком—«братцы, она людей морит!»...

Сход замер. «Жену у меня уморила, братцы», стонал мужик. В молчании толпы, за минуту до этого дружелюбно галдевшей, сразу почувствовалась настороженность, готовность поверить несчастному мужу. Еще бы немного—и кто знает, чем бы это кончилось. Но в решительную минуту нашлись и нужные слова, и нужное—правда, внешнее—спокойствие.

— Ведь вы знаете, зачем я к вам приехала—повела речь к мужикам обвиняемая. У вас голод, нужда, и вот мы здесь собрались,

чтобы вместе обсудить, как выйти из беды. Разве я похожа на отравительницу? Да и кому и зачем нужно травить вас?

И дальше подробно рассказала о своем посещении только что умершей больной.

— Она умерла, но ведь я говорила, что она умрет. Ну, а другие, у которых я тоже была, разве они умерли?

Слова подействовали, толпа стала приходить в себя.

— Зря он мутит... Она правду говорит,—раздались сначала одинокие голоса. Еще минуту, и толпа загалдела.

— Нечего его слушать, братцы. Это он с горя, что баба умерла у его... А ее тут вины нету. Мало ли народу мрет. Ведь и до нее мерли. Она, вон, кормить нас хочет...

Весьма вероятно, что решающим моментом был именно этот последний,—«какая же в самом деле отравительница, когда хлебом хочет обделять?..»

Казалось бы, почва для недоверия, подозрительности и дикой расправы со всеми, кто «не мужик», в этих глухих местах была в высшей степени благоприятная. Голод, холера, появление никому неведомых людей, откуда-то, зачем-то приехавших,—ведь если кто приезжал в деревню, так всегда *им* это было нужно, а не мужику—страшная, почти поголовная безграмотность населения...

Чем об'яснить, что все обошлось все же мирно?

Только одним—мы работали без посредничества администрации, мы не были казенными людьми. Здесь, в этих заброшенных местах, так страшно удаленных от центра, где администрация в лице становых и исправников проявляла себя, главным образом, взяточничеством и поборами, здесь мы, правда, на короткое время, оказались поставленными лицом к лицу с народом без всякого средостения. И обе стороны быстро сблизились и вполне поняли друг друга.

Насколько велико было доверие к молодежи даже и после пережитого, видно из того, что кое-кому из нас осенью, когда стала затихать холера, удалось поднять приговорное движение в разных местах Ишимского округа. Приговора эти выносились обществом, на сходах, и если им далеко еще было до требований земли и воли, то все же составлены они были в довольно решительных выражениях, с резкой критикой действий администрации, с указанием причин теперешнего бедственного положения сибирского крестьянства. И приговора потом вручались нам с просьбой отвезти их в Питер и так или иначе передать кому следует. Материал они представляли несомненно очень ценный и для характеристики настроения сибирского крестьянства того времени, и для знакомства с условиями, в которых приходилось ему жить и работать. Но, к сожалению, мы так и не узнали, какое движение получили они, как воспользовался ими М. А. Натансон, которому я передала эти приговора после нашего возвращения в Петербург. Времена были еще глухие, в легальную печать они не могли попасть, а для неле-

гальной, быть может, представляли слишком обильный материал.

Уже поздней осенью покинули мы деревню, расставшись не без сожаления с теми, кого стали считать своими друзьями и помощниками и с кем связь не порывалась некоторое время и позже.

У нашего отряда, основавшегося в с. Бердюжье, такими друзьями были, во-1-х, работавший у нас и за санитара, и за сторожа, и за сиделку, местный молодой крестьянин Федор, одинокий парень, бедняк, сильно привязавшийся к нам и полюбивший свое трудное, многообразное и беспокойное дело. Затем староста с. Бердюжьего, Николай Сидорыч, очень тяготившийся своим официальным положением, чуть ли не единственный в селе грамотный мужик. Он брал у нас книжки, любил с нами поговорить, очень интересовался нашей работой, оказывал нам всяческое содействие, мужик совестливый, несмотря на занимаемый им пост, с большим уклоном в сторону вопросов морали и этики. Наконец, местная учительница, Степанида Тимофеевна, немолодая, одинокая, с доброй, отзывчивой душой—первая явившаяся к нам с предложением своих услуг по кормлению голодных и проявившая в этом деле большую энергию и большое самоотвержение.

То же отношение к общественной работе проявила она и позже, на нее главным образом опирались в своей работе те, кто приехал сюда на смену в следующем году (Л. Ремянникова, Е. Душина и др.).

При других условиях проходила работа в пределах Европейской России, в более культурных и менее заброшенных местах. Благодаря наличности интеллигентных сил в деревне, состоявших на различных земских должностях, вся деятельность приезжавших из центра отрядов определялась существовавшими уже до них условиями работы. Там, где представители местного медицинского персонала сумели к себе создать доверие, там приехавшим легко было установить с населением хорошие отношения. Так было, напр., в Шадринском у. Пермской губ., где устроились отряды молодежи, организованные частью на добровольные пожертвования, частью на средства Вольно-Экономического об-ва. В отряды эти входили А. Д. Павловская (Николаева), О. Н. Клирикова, Е. К. Душина (Берсенева), Е. Самойленко (Чарнолусская), ст. медики Белоголовый, Волков, Судаков и др. Все они встретили в лице секретаря уездной земск. управы Федорова и земск. врача Нагибина очень хороший прием и всяческую помощь и содействие. В некоторых местах дело шло и дальше, создавалась возможность не только культурного воздействия на крестьян. Возможно это было прежде всего в тех немногих местах, где велась большая предварительная культурная работа. Там молодежь, явившаяся из Питера, к своему великому изумлению, нашла в лице некоторых учителей, врачей и фельдшериц людей, которые не ограничивались одной специальной работой по школе или больнице, но пытались путем распростра-

нения хорошо подобранных книг и устных бесед создать вокруг себя определенную среду из наиболее отзывчивых представителей крестьянства, среду, которая являлась посредником между ними и остальной крестьянской массой. Это был тот передовой слой крестьянства, который позже выдвинулся как определенная сила, указывавшая дорогу проснувшейся деревне. Так было, напр., в Балашовском уезде Саратовской губернии, где в районе с. Турков вели широкую общественную и просветительную работу земский врач Влад. Дм. Ченыкаев, врач Шмелев, местный крестьянин, частный поверенный Феологов, земск. учитель Викторин Арефьев, фельдшерица Мар. Ник. Обухова и Елизавета Леонидовна (фамилии не помню).

Те, кому посчастливилось попасть в Балашовск. у. и работать в таких благоприятных условиях, чувствовали себя на седьмом небе от счастья. Так вот она какая деревня! Деревня, рассуждающая о самых близких молодежи вопросах, читающая такие книги, как «История одного крестьянина» Эркмана-Шатриана, Спартака, Некрасова и др. тогда «ходовые» книги, которые нами забирались с собой для деревни. В пылу увлечения не замечалось, что такие места были пока еще только оазисами.

Понятно, что раз налицо имелся такой материал, были попытки определенного воздействия на крестьян. Молодежь близко сошлась с теми представителями деревенской интеллигенции, которые не удовлетворялись более одной просветительной работой. Появление отрядов явилось неожиданным подкреплением для тех из местных людей, в пылких головах которых созревал план действия. Необходимо воспользоваться голодом, создавшим почву к острому недовольству, и попробовать заговорить с крестьянами другим языком, и притом заговорить не с одиночками, а с деревенской массой.

Пока что, это были отдельные попытки. В. Арефьев вместе с одним из студентов, приехавшим из Питера (В. И. Якубовым), об'ехал ряд сел, всюду собирая крестьянские сходы, всюду ведя открытую агитацию, указывая крестьянам на причины, доведшие их до бедственного состояния, и призывая их к борьбе за лучшую жизнь. Мужики слушали, соглашались. Но до каких-нибудь определенных выступлений дело не дошло, да и В. Арефьев был очень скоро арестован. Спутнику же его пришлось бросить работу и вернуться в Питер.

На Викторине Арефьеве следует остановиться.

Это был один из самых выдающихся крестьян-революционеров, действовавших в Саратовской губернии. Он, можно сказать, первый возобновил ту революционную работу в крестьянстве, которую пытались вести два десятка лет тому назад народники-землевольцы. Сын крестьянина Балашовского у., Севастьяна Арефьева, тоже впоследствии примкнувшего к революционному движению, как и другие его сыновья, Викторин занял место учителя в одной из дере-

вень Турковского района, примкнув к передовому кружку крестьян, выросшему на почве широкой культурной работы, которую вел Вл. Дм. Ченыкаев. Но он пошел дальше той неопределенной пропаганды, сводившейся к выработке отдельных сознательных крестьян, которую вел Турковский кружок. От пропаганды он перешел к агитации, которая не могла не кончиться для него, как для местного жителя, слишком хорошо известного полиции, тем, чем она кончилась—арестом. После продолжительного сидения в тюрьме В. Арефьев был сослан административно в Сибирь.

Но и в ссылке, работая своим талантливым пером, он сумел навлечь на себя гнев начальства.

Вернулся он в родные края лишь в 1902 г., когда ему на смену пришли другие люди, служа тому же делу, которому он отдал все свои молодые силы. Но порадоваться плодам своей работы ему не пришлось. Он умер вскоре по возвращении из ссылки, не выдержав сделанной ему операции.

Как ни разнообразны были те условия, в которые попала молодежь, двинувшаяся на помощь деревне, и как, в общем, благодаря голоду и холере ни тяжелы они были, но было одно, что об'единяло разнообразие впечатлений, полученных от деревни, и придавало им положительный характер. Это было то, что повсюду создалась живая связь между молодежью и деревней в лице отдельных представителей крестьянства и общее чувство не отчужденности, оторванности и взаимного непонимания, а наоборот, живой симпатии, близости, возможности тесного общения между деревней и приехавшей из центра молодежью, целым рядом условий до сих пор оторванной от деревни. Крестьянство сумело понять и оценить те побуждения, которые двигали молодежью, сумело отделить ее от тех представителей городской культуры, с которыми ей приходилось иметь дело.

Как это ни странно, но и этот страшный голод, и эта страшная холера с своими холерными бунтами дали возможность на этот раз перекинуть тот мост в деревню, который не раз уже пытались перебросить туда раньше, и вызвали движение, напоминавшее некоторыми своими чертами так наз. «хождение в народ». С чувством своей близости к деревне вернулась молодежь в столицу.

В пережитом было много тяжелого. Но у каждого в памяти были и светлые образы, и отдельные черты того коллектива, который зовется народом, черты, рождавшие радостную уверенность в его живых силах и чувство органического единения с ним, которое рождается независимо от всяких теорий, только от одной возможности близости, непосредственного общения с массами.

То, что это не было чувство, выросшее из головы, от сознания «долга», а родившееся органически от живой связи с массами на почве дела, работы, нужной деревне, придавало особую жизненность этим настроениям. Молодежь, как древний богатырь от со-

прикосновения с матерью-землей, почувствовала в себе новые, свежие силы. Вот она дорога, по которой надо итти. Туда, в деревню!

Зима 92—3 г. прошла в деятельном обсуждении пережитого и виденного. То, что рассказывалось о деревне, увлекало и возбуждало и тех, кто не смог побывать там. На собраниях, более или менее многолюдных, делались подробные доклады об условиях работы в деревне. Некоторые из них, напр., доклады о Балашовск. у., носили наивно-восторженный характер.

— Мы тут сидим и не ведаем, что творится в деревне. А там идет работа—деревня проснулась, жадно тянется к свету, и что удивительнее всего—на местах уже есть люди, которые способны удовлетворять этим ее запросам.

И сочными красками рисовались типы, виденные на местах, читались отрывки из писем, полученных из деревни. Скромные фигуры докторов, учителей, фельдшериц вырастали чуть не в героев, картины развертывались широкие и заманчивые.

В общем, несмотря на несомненные преувеличения в рассказах о деревне, общая картина того, что нарождалось тогда в некоторых местах России, соответствовала действительности, и оценка этого явления была правильной. Быть может, не следовало тогда делать из этого «открытий» и производить такой шум из соображений чисто конспиративного характера, как на это указывали нам «солидные» люди. Но это забвение правил конспирации легко об'ясняется пылкостью молодых чувств, желанием вербовать сторонников.

Кроме широких собраний, на которых присутствовали как ездившие с отрядами, так и собиравшиеся поехать, были собрания и более конспиративные, для очень ограниченного круга участников. Кружку студентов-медиков (Н. Тиц, В. Якубов, Г. Волков) удалось войти в связь с Н. К. Михайловским, который посещал несколько раз собрания, устроенные этим кружком. Он, по словам участников кружка, очень заинтересовался попытками сближения с деревней, выслушивал рассказы о ней, расспрашивал и вполне сочувственно отнесся к планам революционного воздействия на деревню и использования открывающихся легальных возможностей. Но об этих собраниях с Михайловским и о «благословении» его нового движения знали только близко знавшие друг друга участники кружка,—Михайловского берегли настолько, что лишь очень немногие из нас позже узнали об этом, тесно сблизившись с членами кружка на общей работе.

Как бы то ни было, но собрания, посвященные деревне, делали свое дело,—смутная, неосознанная потребность в близости к массам вылилась уже в определенное решение—направить свои силы именно туда, в деревню.

Здесь приходится отметить одно явление, которое на первый взгляд может показаться странным. Несмотря на твердо созревшее в некоторых головах решение «итти в народ», у большинства не было определенного ответа на вопрос—с *чем* итти и *как* итти. Старые программы уже не вполне отвечали запросам жизни, а новые еще не сложились. Правда, в кружках, подобранных из более или менее однородно настроенных людей, вырабатывались планы занятий, приспособленных к приобретению знаний, необходимых для пропаганды в деревне. В определении круга этих знаний и самого материала помог, несомненно, и опыт предшествующих поколений, и практика тех культурных кружков, с которыми молодежь столкнулась в деревне.

Помимо исторических книг, посвященных моментам выступления масс и историческим переломам в жизни западных народов, нами изучалась с особенным вниманием история освободительного движения в России, народные восстания, такие явления русской жизни, как община, сектантство. Наряду с этим шло знакомство с изданиями для народа (Комитета грамотности), наиболее яркое или тенденциозное отмечалось как материал, пригодный для будущих деревенских читателей.

В основу таких будущих библиотечек, насколько я помню, обыкновенно клалось следующее:

1) Наиболее популярно написанная история Вел. франц. революции Карно, Минье (и то и др. в достаточной мере сухое и неудобочитаемое).

2) Кое-что по истории раскола и освобождения кр-н,—хороших популярных книг и по этому вопросу не было. По расколу, напр., пользовались биографиями, изд. Павленкова, и др. (биогр. Аввакума, боярыни Морозовой и т. д.).

3) Биографии народных героев всех времен и народов,—опять-таки гл. образом в издании Павленкова.

Затем следовала беллетристика, русская и иностранная—Некрасов («Кому на Руси жить хорошо»), Салтыков («Сказки»), Астырев («В волостных писарях»), кое-какие рассказы Успенского, Хроника с. Смурина, Спартак, Эркман-Шатриан («Ист. одного крестьянина»), «Хитрая механика», Кеннан «О Сибири» и еще др., названий которых не припомню. Успехом пользовалась также «Сущность социализма» Шефле.

Это было направление мысли, близкое к тому течению, которое называют общим именем народничества. В основу его входили идеалы Чернышевского, Лаврова, Михайловского, бережное отношение к общине и к некоторым формам обычного права, даже интерес к сектантству, в котором некоторые из нас видели удобную почву для развития народной мысли в сторону вопросов общеполитических. Ближайшая задача намечалась в виде политического освобождения народных масс через развитие революционных организа-

ций в самом народе, а в более или менее туманном далеке рисовался и социализм, как конечный этап этой борьбы. Цель была, но не было ясно очерченных путей, т.-е. того, что в конце концов и определяет партию.

Нужно, впрочем, оговориться, что, несмотря на эту смутность и неопределенность, в молодежи была крепка уверенность, что только революционные пути выведут народ из бедственного положения и что без участия крестьянства революция в России не приведет к победе. Это создавало в нас крайне отрицательное отношение и к проповеди «малых дел» (о чем я говорила раньше), и к вырождавшемуся народничеству конца 80-х г.г.

Логический ход наших построений был таков.

Налицо—материал в виде передовой части деревенской массы, способной не только понимать свое положение, но и стремящейся вывести из него деревню. Налицо также и возможность (тут следовали иллюстрации из опыта Саратовской губернии) притти на помощь этим стремлениям в форме, наиболее соответствующей данным внешним условиям и пониманию самих масс, т.-е. в форме легальной. Пользуясь этими легальными путями, как удобной ширмой, вносить в работу революционные элементы, которые собственно и являлись основой и главным ее смыслом.

Необходимо сделать следующую оговорку. Течение мысли, изображенное мною, было в то время не единственным, наряду с ним существовали и другие. Во-1-х, немногочисленные представители народовольчества, которые не могли в силу конспиративных условий иметь сколько-нибудь широких связей с молодежью (в то время действовал в Петербурге кружок Александрова, просуществовавший до 1894 г.). Затем—нарождающийся марксизм, вербовавший, как я говорила, главным образом, студентов Технологического Института. Наконец, хотя несколько позже (уже в зиму 93—4) выдвинулись народоправцы. О марксистских кружках мы знали, но непосредственной связи с ними не имели. Самый вопрос о путях хозяйственного развития в России, разделивший потом интеллигенцию, встал для нас в следующую зиму, когда в наших кружках стала горячо обсуждаться только что вышедшая книга Николая-она «Очерки пореформенного хозяйства». О народоправцах, с которыми кое у кого из молодежи были связи, скажу несколько слов потом.

Весной 93 г. снова начались сборы в деревню, снова открылась возможность попасть туда с санитарными отрядами, которые набирались земствами в ожидании новой вспышки холеры. Но, в отличие от прошлого года, сборы наши носили теперь гораздо большую планомерность и в смысле выбора места, и в смысле подбора людей, и в смысле запаса книг, которые брались с собою. Компа-

нии подбирались еще в Петербурге, сообща намечали и губернию, и уезд, и людей, с которыми надо было связаться на месте.

Больше всего влекла к себе Саратовская губерния и в особенности столь прославленный Балашевский уезд. Попасть туда было нетрудно, так как Саратовское земство, поставив себе задачей серьезную организацию борьбы с последствиями голода, широко раскрыло двери наехавшей из столиц молодежи. По уездам организовывались отряды из врачей, фельдшериц и санитаров и рассылались по пунктам, или совсем лишенным медицинской помощи, или слишком заваленным медицинской работой.

Мы разместились по пунктам не совсем так, как нам хотелось. В Балашевский уезд попал из близких к нам всего один отряд, устроившийся в с. Макарове (студ. К.Тохтарев[1]), братья Плаксины[2]). Другим пришлось работать в Сердобском у., где у нас было два главных пункта—с. Дуровка и с. Бековo (ст. медик Н. Н. Тиц[3]), бестужевка Ел. Токмакова, студент-математик С. А. Якубов, рождественки—И. Альтовская М. Жеребятьева, Харкевич), были отряды и в других уездах—Аткарском, Петровском.

Бодрая, радостно настроенная, принялась молодежь за работу. Прежде всего нужно было устроиться на пунктах, указанных земством, более или менее обставить их в медицинском отношении и запастись всем необходимым. Задача не из легких, но помог опыт, вынесенный из прошлого года.

Устраивались мы обычно так. Снималась изба, по возможности лучшая в деревне, перегораживалась на 2—3 комнаты,—аптека, приемная и ожидальня. Тут же, в аптеке или приемной, скромно ютилась библиотека, привезенная с собой. Сами «дохтура» селились где-нибудь по-соседству, устраиваясь коммуной. Отряды эти обычно состояли из 4—5 человек—врача из оканчивающего студента, фельдшерицы или фельдшера (из студенток-рождественок или медиков первых курсов) и санитаров—бестужевок или универсантов. Обязанность последних состояла в том, чтобы, согласно установившимся в медицинской практике того времени традициям, ходить с «гидропультом» по зараженным эпидемией избам (за что мы в шутку и окрестили их «гидропультами»). Дезинфекция эта была весьма сомнительна по своим результатам и в городе, а в деревне являлась совсем уже бессмысленной. Впрочем, роль наших гидропультов сводилась больше к тому, что они с усердием мыли избы—к великому изумлению деревни—и давали советы, как уберечься от заразы. Они же помогали вертеть порошки, растирать мази и т. д. Около каждого отряда ютились и те, кому не по-

[1]) Будущий соц.-дем. и автор книг по социологии.

[2]) Ник. Ник. Плаксин позже примкнул к соц. дем., в то время был народовольцем.

[3]) Через 2 года скончавшийся от дифтерита в одном из сел Воронежской губернии.

счастливилось устроиться официально. Они тоже принимали участие в общей работе, преимущественно направляя свои силы на поиски подходящих читателей.

Работа закипела. Народ, прельщенный обходительностью молодых дохтуров, повалил, что называется, «валом»...«До нас обходительные... Все выспросят как следует, без сердца, растолкуют как и что»... Но вот беда—лечиться шли почти все одни бабы, да еще старые—элемент неблагодарный даже и с медицинской точки зрения.

Мужики шли к докторам только в крайнем случае, когда уж сил нет работать. Приносили много и ребятишек,—тоже элемент, не подходящий для наших планов. Но мы не унывали. Что же, это только пока,—утешали мы себя,—а потом, когда узнают нас поближе, будут приходить к нам не за одними только лекарствами. Да кроме того, ведь есть и другие способы для знакомства...

К являвшимся на прием больным приглядывались—нет ли подходящего для знакомства материала. С этой целью среди ожидающих приема кем-нибудь из нас заводились «наводящие» разговоры. Смысл этих речей был приблизительно таков:—Вот все хвораете, у тебя вон сердце подкатывает, а у тебя грудь ломит. А ребятишек вон понос смыл... А все от чего—от плохой жизни...

— Вестимо, родная, уж какая наша жизнь,—вздыхают пациенты.

— А плохая жизнь вот отчего...—и следовали раз'яснения с указанием на помещиков, урядников, становых.

Стоило коснуться этой темы, как аудитория оживлялась. И не нужно было особенно много красноречия со стороны ведшего беседу, чтобы вызвать крестьян в свою очередь на разговоры. Помещиков особенно не щадили. Беседы заканчивались обычно предложением взять «книжечку». Иногда дело и начиналось с чтения вслух...

В таком же духе велись разговоры уже с отдельными крестьянами и у доктора на приеме, и у фельдшерицы в аптеке, где вместе с лекарством вручалась и книга. Но и тут надо оговориться,—книжки, пока-что, удавалось распространять главным образом среди мальчуганов и подростков, по той простой причине, что взрослые оказывались в большинстве случаев плохими грамотеями.

Вместе с тем, делались попытки к тому, чтобы завести близкие знакомства с представителями сельской интеллигенции,—учителями, фельдшерами, волостными писарями. Там, где подбор последних был более или менее удачный, это без особого труда удавалось, и такие лица являлись деятельными помощниками молодежи, знакомя ее и с общими условиями данной местности, и с отдельными крестьянами. Но в Сердобском уезде мало было такой интеллигенции. Обычный тип деревенского работника здесь был неказист,—забитое, робкое существо, бьющееся изо дня в день с нуждой, обремененное заботами о прокормлении себя и своих близких. Были

и другие, хуже приладившиеся к жизни, к начальству, откармливавшиеся на мужицких хлебах, несмотря на грошовое жалование.

Из тех, на кого мы возлагали надежды, выделились двое:—первый—волостной писарь с. Макарова—Пызин, человек молодой, не успевший еще увязнуть в тине жизни. Он заинтересовал нас своим симпатичным, вдумчивым видом, своей репутацией честного и толкового человека. Он, видимо, тоже заинтересовался приезжими, приглядывался к ним, охотно знакомил нас с мужиками. Но сам, пока что, мало проявлял себя, ограничиваясь ролью посредника, и высказывал свое сочувствие к нашим стремлениям в крайне осторожной форме. Это помогло ему удержаться на месте. Все время неизменно пользуясь уважением мужиков и не прерывая с отдельными крестьянами более близких отношений, он сумел выдвинуться позже, в 1904—5 г., когда уже все кругом открыто заговорило, как один из тех крестьянских вожаков, которых тогда немало выдвинуло то бурное время.

Второй—фельдшер Иван Иванович (фамилии не помню), семейный человек, солидных лет. Разбитной, веселый и покладистый, с прекрасным знанием местных отношений и условий жизни, он быстро сумел освоиться с новым «начальством», ниспосланным ему судьбой, и определить свою линию поведения. На приемах в с. Дуровке и в особенности во время раз'ездов по участку, когда под звон заливающегося бубенчика так раскрывается душа, он не только внимательно слушал, но и весьма охотно поддакивал всему, что слышал. Брал книжки для чтения и себе и, по его увериям—для знакомых крестьян, вообще, проявлял большую готовность всячески помогать нам. Весьма скоро Иван Иванович стал для нас вполне своим человеком. Немного странным, правда, казалось, что человек, обремененный семьей и получающий нищенское фельдшерское жалованье, сумел, тем не менее, обзавестись и домиком, и всем хозяйством. Но он, угадывая смущающие нас обстоятельства, ловко умел, как бы вскользь, в разговорах, ввернуть, что вот, мол, за женой кое-что было, домишко, скарб разный...

Позже, после разгрома, когда нас расшвыряли кого-куда, фигура почтенного Ивана Ивановича обрисовалась в совершенно новом для нас свете. Оказалось, что он сыграл деятельную роль в «освещении» перед кем следует молодых лекарей, при чем не поскупился на краски.

Выяснилось также и происхождение «домишки», «коровенки» и пр., сооруженных на мужицкие даяния, отнюдь не всегда доброхотные.

Впрочем, этот Иван Иванович оказался единственным в своем роде. Я положительно не помню, чтобы за это время кто-нибудь из тех, кто непосредственно соприкасался с нами и так или иначе помогал нам и другим, работавшим в одном духе с нами, брал на себя, да еще добровольно, такие гнусные обязанности.

Что касается местных земцев, врачей и другой обсидевшейся публики, то те не только не выражали ни малейшего желания сблизиться с нами, но смотрели на нас довольно косо, а некоторые стороны нашей деятельности вызывали в них осуждение.—К чему этот шум? Ездят друг к другу, книжки раздают... Можно то же делать и без шума...

«Шум» может быть был лишним, но те, кто держался от нас в стороне, и без «шуму» не делали ничего, что выходило бы из круга их прямых обязанностей, понимаемых очень узко и формально. Поэтому и говорить об их культурном воздействии на население не приходилось. Для нас же медицина была лишь внешностью, формой, а суть мы видели не в воздействии на телеса, а на сознание, и кроме того мы спешили. Времени у нас было мало,—отряды приглашались только до осени, отсюда и проистекали и «шум», и вообще игнорирование чисто внешней обстановки, что и подавало повод к толкам и слухам.

Нам нужно было прежде всего и как можно скорее показать деревне, что мы, приехавшие, не имеем ничего общего с администрацией, что мы ни в каком случае не «господа», не начальство. Неудивительно, что у более нетерпеливых из нас и менее опытных в обращении с крестьянами это выливалось иной раз в курьезные формы. Прежде всего эти слишком спешившие новички, чтобы не напоминать внешним видом казенных докторов, торопились облечься в какие-то невозможные костюмы,—невиданные шаровары, рубахи. Выходило смешно, но все-таки не по-мужицки, не по-настоящему. Часто между так странно одетым докотором и пациентом происходили следующие комические сцены.

Приходит мужик на прием к доктору, видимо, в первый раз. Крестится и, оглядев комнату, не видя никого, кроме фигуры в полосатых шароварах, с некоторой опаской начинает:

— Ваше благородие...

— Я не благородие,—сурово отвечают шаровары.

— Эко дело...—конфузится мужик. И, набравшись духу, начинает снова:—Ваше высокоблагородие...

— Да ведь говорят вам, что я совсем и не благородие, и не высокоблагородие. Как не стыдно, право,—вскипает молодой врач:—в'елись в вас рабские привычки. Я такой же человек, как и вы. И у меня есть имя. Зовите меня или Николаем Петровичем, или просто доктором...

Это были крайности. Но в сумме всего, о чем я писала раньше, и главным образом рвения, проявляемого к работе, получилось то, что в населении говорилось про нас:

— Молодые дохтура хоть и господа, но совсем другие... До народу старательные и начальство страсть не любят...

И этот взгляд установился быстро. Беда только в том, что местами, напр., у нас, в Бекове, где медицинских сил было мало, а

работы много, медицина поглощала почти все наши силы. Приемы разрастались огромные, в базарные и праздничные дни набиралось до 200—300 больных. Такие приемы, да еще раз'езды по больным занимали почти все время. О близком знакомстве с отдельными крестьянами нечего было и думать, приходилось ограничиваться раздачей книжек и той общей формой воздействия, о которой я говорила.

В других, более счастливо обставленных в медицинском отношении местах и на более подготовленной почве дело шло лучше.

В с. Макарове, благодаря связям со старшиной и писарем, пропаганда носила более открытый характер—в амбулатории вывешивались во время приема картинки, наглядно изображавшие роль мужика и рабочего в государстве (известная «пирамида»), и для больных, посещавших амбулаторию, также обязательно было разглядеть эти картинки и выслушать к ним соответствующие об'яснения, как и получить лекарства.

Были пробы и еще более широкие—пользовались ярмарками для того, чтобы, собирая народ, читать «как мужик двух генералов прокормил» и «сказку о четырех братьях». И если бы не внешние обстоятельства, очень скоро вмешавшиеся в нашу работу и определившие судьбу ее, то как знать, какие корни удалось бы пустить в деревне.

А внешние обстоятельства оказались следующие. В связи с какой-то петербургской историей (арестами в одном из кружков молодежи), жандармы начали усиленно разыскивать «студента Николая». Один из приехавших лекарей, заведующий санитарным отрядом в с. Дуровке студент Тиц, оказался Николаем. Возможно, что запрос из Петербурга столкнулся с теми сведениями, которые к тому времени были получены местной полицией от Ивана Ивановича, или другим каким-нибудь путем. Как бы то ни было, в с. Дуровку явились на тройках жандармы с приказом арестовать Николая Тица, которого взяли прямо с приема, к великому изумлению собравшихся больных и всего села. При обыске, который произвели у всех, живших с ним в одной избе, обнаружились кое-какие сомнительные книжки (вложенная в книгу переписанная «Хитрая механика»), которые потом же послужили доказательством предосудительной деятельности всей компании. Только—по странному стечению обстоятельств—жандарм, везший Тица, оказался настолько либеральным, что предложил ему уничтожить то, что он найдет нужным. Арест Н. Тица, увезенного неведомо куда, вызвал огромный переполох. По селу и в округе пошли самые разнообразные толки, вплоть до пущенных кем-то слухов о том, что «должно, краденое укрывали», не встретивших, однако, в массе доверия.

Крестьяне недоумевали;

— Эко дело какое, хороший человек такой, а вишь, оно какое дело вышло. Не разберешь, с чего оно... Бают, в Питер повезли, к ответу, а потом в острог запрут...

Обычное представление о людях, попадающих в острог, совсем не вязалось с тем, что они видали в лице только что увезенного доктора.

Мы употребляли все усилия, чтобы раз'яснить смысл происшедшего, и старались использовать этот факт в агитационных целях. Но раз'яснения, кажется, не всегда помогали, слишком толста была тогда кора невежества, деревня не прошла еще школы политического воспитания.

Хорошо помню об одной такой неудачной попытке. Во время раз'ездов по участку, за обилием дела, в одном пункте—не помню, каком—пришлось заночевать в школе. Рано утром слышу, что подле школы собрался народ. Прислушиваюсь—идет разговор о дуровском докторе, увезенном полицией:—Как, за что, почему? Дуровские сказывали, шибко хороший человек...—Ну, думаю, молчать прямо преступно.—Открываю ставни и, поздоровавшись, из окна школы начинаю толковать как и что. То ли от неожиданности, то ли от щекотливой и непривычной темы (нам в этих местах приходилось бывать наездами и редко), но только вижу, мужики смутились. Слушали молча, молча тотчас же и разошлись, а иные спешили уйти, не дослушав. Поняли ли, поверили-ли—так я и не узнала.

Как и следовало ожидать, одним арестом Н. Тица дело не кончилось: в земские уездные управы посыпались запросы от обеспокоенных исправников и становых. Началась проверка документов, в управы поступали заявления от полиции о вреде, приносимом подобного рода сомнительным элементом, и, наконец, последовало прямое предложение «распустить» отряды.

Земцы струсили. «В самом деле, бог знает, что это за люди, с ними беды наживешь. Странно они как-то все ведут себя... Да и эпидемии-то ведь особенной нет»...

А председатель Сердобской уездн. управы Черкаев прямо заявил, что врачей и фельдшериц «с идеями» им не нужно. Почуяв опасность для себя, либеральные земцы забили тревогу и начали кричать о том, что дело земства—культурная работа, что подозрительных им не нужно, что нужно немедленно убрать из пределов уезда все санитарные отряды.

Губернское земство, однако, в лице очень симпатичного заведующего всей санитарной частью губернии Ивана Ивановича Моллесона, взглянуло на дело иначе и, сославшись на возможность новой вспышки эпидемии, ограничилось только перемещением отрядов и раскассированием их по разным глухим местам Саратовской губ.

Кое-кто из нас уехал, кое-кто перебрался на новые места. Но прежних условий уже не было. Нас прикомандировывали по оди-

ночке к уже существующим медицинским пунктам, в помощь людям чуждым, а иногда и враждебным каким бы то ни было «идеям».

Санитарный персонал употреблялся «на затычку» медицинских прорех и передвигался из одного места в другое. При этих условиях мало было возможности ближе сойтись с крестьянами и узнать их. Но во время передвижений все же приходилось иногда наталкиваться на интересные в общественном смысле явления. Мне, напр., во время передвижений по Саратовск. уезду удалось познакомиться с крестьянами Сухого Карбулака, уже много лет ведшими борьбу из-за земли с кн. Щербатовым. Это был тот период их борьбы, когда крестьяне после многочисленных попыток добиться правды через посылаемых в Петербург ходоков, находились как бы на перепутье—что делать? Что предпринять теперь?

Многолетняя борьба выделила из среды крестьянства типы борцов за общественные интересы, которым приходилось переносить и тюрьмы, и хождения по этапам, и бдительный надзор начальства на месте.

Мое знакомство с двумя такими крестьянами произошло через служившую в больнице местную бабу.—С ними «об этих делах» можно будет поговорить,—заявила она мне. Самое свидание наше было обставлено конспиративно,—меня задами провели на чей-то огород, где и состоялось наше знакомство. Это были два пожилых крестьянина, оба много перенесшие как ходоки. Их, по-видимому, не удивило, что я, казавшаяся девочкой перед ними, интересуюсь тем, что было для них делом их жизни. На душе у них наболело, и они рады были выложить передо мной длинную повесть их борьбы, мытарств и разочарований.

— Ну, что нам теперь делать?—спрашивали они.—Темные мы люди, знаем только одно, что за правое дело стоим. Думали, первое дело нужно открыть глаза там, наверху-то. Теперь последняя надежда пропала. Где она, правда-то? Как ее достать?

Мучительно было слушать их. Что могла я сказать этим искателям правды? Помню, что, собрав силы, рассказала им все, что знала о путях, которыми нужно итти к правде, о силе многих, о том, что они не одни, что у них есть друзья...

Результат мог быть один—собственный горький опыт скреплялся авторитетом «ученых, умных» людей. И искра надежды—эх, кабы оно так-то... Хорошо было бы...

Вскоре меня передвинули в немецкую колонию Красный Кут, связь моя с С. Карбулаком как-то заглохла.

В общем, наши планы были разбиты. Говорю о ближайших планах на лето. Но мы не оставляли их на будущее. По возвращении в Петербург, они выразились, во 1-х, в том, что образовалась фор-

мальная группа, связанная задачей революционной работы в деревне. Во-2-х, была сделана попытка связаться с какой-нибудь революционной организацией.

Но... видно не настал еще час... Народовольческая группа (Фейта, Александрова, Ергиных и др.), с которой у нас была связь, снабжала нас изредка прокламациями, но, за арестом Александрова и других членов кружка, прекратилось и это.

С народоправцами, с которыми была связь через М. Андр. Натансона, что называется «не спелись», М. А. Натансон в то время целиком был занят собиранием и организацией «общественных сил». Работу в деревне он считал для данного времени мало продуктивной.—Пробы были и раньше—заявил он нам.—Условия, в которых живет деревня, неблагоприятны для революционной работы. И у нас еще так мало сил...—Но нам было обещано содействие в виде адресов и книг для деревни. Впоследствии ближайший участник этой организации А. В. Гедеоновский говорил мне, что эта партия ставила себе задачей выпуск крестьянской нелегальной газеты народнического направления и издание книг и брошюр для крестьян гл. обр. по аграрному вопросу, с каковой целью тогда же были предприняты шаги—организация отдельной редакции для этих изданий помимо редакции общеполитического органа. Но внезапный разгром партии по всей России помешал всему этому осуществиться.

Планы нашего кружка в том виде, как они рисовались нам, не осуществились. Но члены его, разбросанные потом по разным местам России, расширив и углубив свое миросозерцание, явились позже готовым материалом для тех революционных организаций, в программу которых работа в крестьянстве входила как одна из основных задач.

Н. Е. Смирнов.

Черты из жизни лахтинской типографии.

I.

В 1894 г., еще будучи на военной службе в усть-ижорском лагере, я сошелся с революционным кружком рабочих. Этим кружком были усвоены под руководством портного В. Приютова, а также ходивших к ним студентов—Окольского и Борейши—идеи «Народной Воли». Рабочие этого кружка поклонялись героям «Народной Воли» и не хотели быть никем иным, как только Халтуриным, Желябовым и Гриневицким.

В июле 1894 г. я приехал из лагеря в Питер к сестре-портнихе. Не застав ее дома, я решил навестить своих земляков, бр. Тулуповых: Михаила и Григория, для чего зашел в адресный стол узнать их адрес. Выйдя оттуда, я раздумывал о том, что я встречу у друзей моего детства. Мне представлялось, что в их подвале, как у большинства тогдашних рабочих, ничего другого не найду, кроме водки, карт и махорки. С тяжелым чувством я все ближе и ближе подвигался к их дому.

«Эх, беднота, думал я, только и радости у тебя, что водка да пьяные песни».

Звоню... Открывается дверь. На пороге—парень, не то рабочий, не то студент. Он в черной сатиновой рубашке, брюки на выпуск. Густая шевелюра волос окаймляла доброе лицо. Серые глаза так и лезут к сердцу. Совсем непохож на того забитого мальчишку, каким я его видел в последний раз в нашей родной деревне. Мы взглянули друг другу в глаза, и что-то растопилось у меня в груди теплое, как будто я нашел то, что так долго искал.

— Коля, ведь, это ты?—был первый его вопрос.

— Я, Миша.

— Вот хорошо-то!—вырвалось у него.

Он положил мне руки на плечи и горячо расцеловал.

— Да проходи, голубчик мой, в комнату. Ух, да какой же ты сильный, здоровый! Я завидую тебе,—говорил он. А это что у тебя?—ткнул он пальцем в штык, болтавшийся сбоку, и в блестящие унтер-офицерские галуны.

В тоне голоса и в выражении лица я сразу же уловил неприятное чувство к этим мишурным побрякушкам царизма, которыми, говоря правду, я тогда не прочь был и похвастать.

— Подожди, это и тебе пригодится,—сказал я, предполагая, что и ему не миновать военщины.

Он рассмеялся открытым грудным смехом.

— Конечно, пригодится, еще и как пригодится!—перевернул он мою мысль в том духе, что и военная моя наука, и царское оружие пригодятся для борьбы с самодержавием.

Держась за руки, мы вошли в комнату. Другой брат, Григорий, сидел у окна и читал. Он отложил книгу в сторону и встал мне навстречу. Я видел, что он припоминает что-то давно забытое, но родное.

— Никак это Колюха?!

— Да что ты, Гриша, не узнаешь?! Конечно он, астафьевец!

Младший Тулупов так крепко сжал мне руку, что пальцы хрустнули. Мы тоже расцеловались.

Первое, что мне бросилось в глаза в их комнате,—это глобус. Он стоял у окна комнаты и своими квадратными линиями спрашивал меня: «а меня знаешь»?—«Знаю, отвечал я, что ты—модель земли. Но для чего на тебя одета эта квадратная сетка,—не знаю.» Спросить об'яснения у моих друзей постеснялся, чтобы не выказать себя невеждой, каковым я тогда действительно был.

Второе, что поразило меня, это—чистота комнаты и большая полка книг. Я обрадовался этой неожиданной находке и, не спрашивая разрешения, начал рассматривать их. Миша сейчас же подошел ко мне и стал рекомендовать.

— Это «Рудин» писателя Тургенева. Хорошая повесть, советую прочитать.

— Я уже читал его,—ответил я.

— Читал,—произнес он недоумевающе и посмотрел в глаза каким-то темноватым, испытующим взглядом:—а «Новь»?

— Тоже.

— Значит, ты Тургенева всего читал?

— Почти всего. Я читал Толстого, Гончарова, Писемского, из Пушкина и Лермонтова знаю кое-что на-память.

— Вот как!—произнес мой экзаменатор, и радуясь, и завидуя мне.—Да где же это ты успел все это прочесть? В деревне ты больше околачивался на посиделках у девиц да пил водку на винокуренном заводе.

—То было, да прошло!—ответил я неохотно.—Книги я достаю из библиотеки офицерского собрания. У меня есть знакомый товарищ, который служит писарем в полковой канцелярии; до службы он был рабочим на фарфоровом заводе. Он все старается сделаться стихотворцем, да не может. Зная мою способность к стихосложению, он частенько просит меня писать послание стихами от его

имени то какому-то другу Сергею, то какой-то милой Мане. Вот я и взялся за него делать эту неблагодарную работу с условием, чтобы он за это приносил мне книги из офицерской библиотеки.

Оба брата расхохотались.

— Ай да Никола! Слышишь, Гриша, он уже зарабатывает деньги литературным трудом. Подумать только, сколько мы истратили денег вот на эту полку книг! А он даром прочитал.

Пока Гриша хлопотал о самоварчике у хозяйки да ходил за булками, Миша порылся в книгах и, вытащив из них тощую брошюрку, подал мне и говорит:

— А вот этого ты наверно не читал?

Это была брошюрка народовольческого издания, памфлет на жизнь Александра III. В ней описывалось, сколько он выпивал в день водки, сколько перекидывает в саду снегу, чтобы спустить жир со своего тела, как предоставил управление государством Победоносцеву и т. д. В то время, как Миша читал брошюрку, а я слушал, приоткрылась в комнату дверь, в отверстие которой я увидел хитрую рожицу с продолговатым носом. Я уловил сверлящие глаза, направленные в меня. Тонкий изгиб губ выражал одновременно и усмешку южанина, и спрятанную где-то глубоко непреклонную волю самолюбивого человека. Заметив в углу военного человека, эта рожица конспиративно юркнула за дверь. Это был В. П. Приютов.

— Миша,—позвал он вкрадчивым голосом товарища.

Миша быстрыми шагами выпорхнул к нему в коридор. Там, как я узнал много лет спустя, между ними произошел такой разговор:

— Что это у тебя за человек в военной форме?

— Это, Вася, мой земляк из одной деревни... вместе росли, вместе в школу ходили. Он уже кое-что знает, читал Тургенева, Толстого. Это будет наш человек.

— У тебя, Мишель, все люди свои и все хорошие,—проворчал Приютов:—а мне что-то не нравится эта толстая солдатская рожа. Смотри в оба, не попадись. Это, брат, крупа... военщина,—уже смягчившись, закруглил он.

— Я ему, Вася, дал прочесть брошюру об Александре III. Посмотри, с каким он увлечением читает.

Лицо Приютова мгновенно из доброго сделалось свирепым. И уже совсем не тоном товарища, а тоном старшего по революционному делу, которому дороги как своя жизнь, так и жизнь товарищей, заговорил он:

— Ты, Мишель, неисправим, непрактичен. Как это ты, не узнав, что из себя представляет эта крупа, дал ему читать нелегальщину? Почему у тебя и дверь не на крючке?—и т. д.

Читал бы нотацию еще и еще, если бы Мишель не вспыхнул, как порох, и не дал ему надлежащий отпор.

— Я знаю, что я делаю. Ты мне не указ, как распоряжаться моей жизнью. Увидим, кто из нас прав будет относительно моего земляка.

Миша вернулся в комнату раздраженным и взволнованным. Я смутно подозревал, что между ними был неприятный разговор, и подумал: не обо мне ли?

Я, конечно, знал уже, кто они и что они. Но врожденная застенчивость не позволяла мне сейчас же об'ясниться с друзьями и окончательно освободить себя от мук. Я сделал движение, что хочу ехать в лагерь, хотя до отхода парохода еще оставалось часа 2—3. Миша запротестовал и оставил меня пить чай и дочитывать брошюру. У нас снова пошла беседа о том, каков быт солдат, какого они мнения о царе и помещиках, будут ли стрелять в забастовщиков и т. д.

В этот же день я познакомился с членом Народовольческого кружка, Н. Г. Беловым. Это был белокурый плечистый парень, по профессии наборщик. Он вошел в комнату, не снимая ни летнего старого пальто, ни фуражки с кожаным козырьком, доставшейся ему от батьки—николаевского солдата. Из разговоров я узнал, что он совсем недавно отвез отца на кладбище и принял на собственное иждивение мать и кучу сестренок. Но ничего паникхидного в его настроении не было. Наоборот: во всей его фигуре чувствовалась неиссякаемая веселость и заразительный смех, словно он пришел не в нелегальный кружок, а в цирк. Прожив с ним с глазу на-глаз два года в Устьянске, я понял потом, что за этой веселостью таилась великая грусть, злоба и неудовлетворенность как своей жизнью, так и жизнью себе подобных. Глотая свинцовую пыль с наборщиками, эксплоатируемый хозяевами, он видел источник зла в самодержавном строе и сознательно шел на борьбу с ним. И как шел! Шутками и прибаутками утешал несчастных тружеников, заразительной веселостью поднимал дух в подполье у товарищей, а внутренно болел за рабочих, за себя и за свою полуголодную семью, оставленную на него покойным отцом. Ведь он знал, что в лучшем случае его посадят в тюрьму, а то могут и повесить. Он знал, что его ждет гибель, а семью голод,—и все-таки шел. Как работать в подполье, так и отбывать ссылку с Беловым было, как ни с кем, легко и весело. Где-то он теперь?

Все трое проводили меня на пароход. Сидя на пароходе и прислушиваясь к работе винта, мне представлялось, что я тоже винт революционной организации, тоже начал двигаться вперед. И, глядя, как пароход разрезает железной грудью волны Невы, чтобы тащить эту груду обывателей против течения, мне думалось, смогу ли я также быть безжалостным к себе, к моим животным инстинктам, к моей молодости, чтобы с такой же силой, как этот пароход, нести тяжесть борьбы, потерь и страданий?

II.

Окончив военную службу, я в октябре 1894 года приехал в Петербург. До приискания работы остановился у братьев Тулуповых. Они занимали комнату в верхнем этаже дома на Екатерингофском, похожую на канареечную клетку. У них были две кровати, и на одной из них я спал вместе с Мишей. Гриша работал где-то на Петербургской стороне, а Миша—у портного Вольфа, отца известного скрипача. Вставали рано и приходили поздно с работы, измученные и усталые. 11-часовой рабочий день, сдельная заработная плата выматывали молодые силы до конца. Поэтому, когда вечером кто-нибудь из них поднимался по лестнице с кульком белого хлеба под мышкой, я от стыда не знал, куда деваться. Мне было стыдно, здоровому, от'евшемуся на солдатских хлебах, сидеть в их комнате и есть их хлеб, заработанный таким тяжелым трудом. Денег у меня не было ни копейки. Целые дни я ходил по землякам, через посредство которых надеялся получить хоть какую-нибудь работу; все было напрасно. Работы не было. Но стоило открыться двери и показаться которому-нибудь из сожителей, как черная мнительность моя пропадала. На их лице я видел неподдельную заботу обо мне.

— Коля, ты наверно не обедал сегодня?—был первый их вопрос.

— А почему ты не скажешь, чтобы хозяйка подала тебе самовар? И все это говорилось от сердца. А когда я им рассказывал о моих скитаниях с завода на завод в поисках работы, то Миша морщил лоб и начинал меня журить.

—И зачем тебе ломать ноги было? Ходи в Публичную библиотеку, читай Белинского. Придет время, найдется работа, расплатишься.

Чай пили по-русски, в прикуску, до девятого пота. Потом брали книгу, и начиналось чтение вслух. Гриша частенько под звуки словесной музыки засыпал. Когда заходил Приютов и Белов, то мы засиживались часов до 12 ночи. Шел обмен мнений о будущей революционной работе.

В это время умер Александр III. Я помню, как мы стояли за стеною солдатских спин и изучали лица наших врагов, с которыми готовы были вступить в бой каждую минуту. Приютов расставил нас из предосторожности в разных местах. Он исподволь закладывал в наши сердца революционные чувства и ненависть к абсолютизму. Обывателя и рабочего на похоронах было мало. Главную глазеющую массу составляли солдаты, полиция, дворники и шпионы. Когда вернулись с Невского, Приютов сказал:

— Вот был случай бросить бомбы в эту ливрейную сволочь, но у нас нет ни средств, ни людей, умеющих делать бомбы!

Да, тяжело было смотреть на грабителей, защищенных таким колоссальным оплотом военщины, с пустыми руками и голодным брюхом. А в это время из конца в конец по мрачным голодным

углам России летали несбыточные надежды либеральной буржуазии, что молодой царь даст конституцию. Но у нас таких надежд не было. У нас стояли задачи организационного характера: подыскивать людей для нашего кружка. Приютов работал в этом направлении среди учащейся молодежи, а М. Тулупов—среди рабочих, учащихся на вечерних курсах. Последнему вскоре и удалось завербовать: Шаповалова, Косолобова, Купцова и Дрожжина. А я попрежнему ходил в Публичную библиотеку и начинял себя критическими идеями по отношению к жандармско-буржуазному обществу, питаясь 12-копеечными обедами. Мысль поступить на завод не покидала меня. С этой целью я пошел к офицеру, знавшему меня по военной службе, Мельцеру, сыну фабриканта, владевшего мебельной фабрикой на Каменноостровском проспекте. Этот офицер дал мне рекомендательное письмо к заводчику аккумуляторного завода, что на Петровском Острове. Хозяин завода принял меня на кухне и сказал, что место машиниста уже занято, но место простого рабочего, может быть, найдется. Он дал мне записку к директору. Я был необыкновенно рад, но вместе с тем не переставал сомневаться, потому что столько раз был обманут. Но уже оно как повезет, так и повезет. В этот же вечер Приютов об'явил мне, что меня берется устроить кладовщиком в Варшавских мастерских А. Шаповалов, вновь приобретенный Мишей товарищ. Я сказал Приютову, что у меня есть записка на аккумуляторный завод, но он отсоветовал поступать чернорабочим, да и за дальностью ходьбы на наши кружковые собрания. Я с вечера пошел ночевать к Шаповалову. Квартира его была в темном, сыром подвале. Бедно одетая мать имела измученно-печальный вид. Кругом—нищета. Я долго не мог заснуть. Лежал и думал, неужели и моя судьба жить такою же бедственною жизнью? Неужели на такой большой земле мне не найдется другого места, как такой же подвал?

Утром, за час до гудка, мы встали, попили чаю с черным хлебом и пошли в мастерские. Пришли мы в кузнечный цех. Шаповалов оставил меня около какой-то деревянной перегородки и пошел к мастеру. Молотобойцы разводили горны. Черный дым колебался облаком под потолком, и люди, окрашенные красноватым светом, готовились к работе—злые и угрюмые. Шаповалов вышел из-за перегородки и сказал мне, чтобы я подождал, пока он сбегает за водкой, без которой мастер не хочет принимать меня в молотобойцы. Я подумал: что ж это? Обещали в кладовщики, а без водки и в молотобойцы не принимают! Хотя я мастера и не видал в лицо, но меня уже заочно душила злоба к нему. Чтобы попасть в такое пекло, нужно еще кого-то подкупать водкой. Чтобы одеть рабские цепи, нужно дать взятку. А рекомендация на аккумуляторный завод прыгала у меня в голове. Я волновался, на что решиться. Минута казалась часом. И наконец, когда заговорили молотки,

а Шаповалова все не было, я понял, что все приступили к работе, значит приступил к работе и он. Я быстрым шагом направился к выходу. В 10 ч. утра того же дня я стоял потный от ходьбы у ворот аккумуляторного завода на Петровском Острове, подождал хозяина; хозяин приехал только в 2 часа, поговорил с директором, который принял меня. А на другой день утром я уже таскал из кладовой трехпудовые свинцовые болванки—материал для отливки аккумуляторных пластинок, по 75 коп. в день. На этом заводе я проработал с небольшим месяц, не порывая связи с кружком.

Для собраний разросшегося рабочего кружка комната бр. Тулуповых стала тесна и опасна. Нас могла подслушать хозяйка квартиры и выдать. Приютов предложил Косолобову, токарю, жившему с одной матерью, подыскать и снять квартиру, в которой могли бы жить, кроме них, он, Приютов, и бр. Тулуповы. Квартира была снята на углу Садовой и Крюкова канала, № 24. В этом же дворе вскоре была организована нелегальная типография, т. н. Лахтинская. Как ни далеко было мне ходить на Крюков канал с Петровского Острова, но я все-таки продолжал посещать наши собрания. Милое, золотое время! Сколько жизни, энергии оставлено там! Там мы пережили медовый месяц ожидания от Николая конституции и, не веря в нее, оттачивали молодые умы для битвы с буржуазно-царским строем. Незабываемые, дорогие картины! Вот мы сидим большой, молодой семьей вокруг стола за керосиновой лампой и слушаем чтение. Мать Косолобова, дрожа за судьбу родного сына, не доверяя стенам собственной квартиры, стоит на страже. Замечательно: в противоположность пьяному двору нашего дома,— из всего состава нашего кружка не было ни одного курящего. О спиртных напитках никому и в голову не приходило во время наших вечеринок. Чаще всего читали вслух Приютов, Белов и я. Григорий Тулупов тоже любил читать вслух, особенно стихи, но его трагическое чтение всегда оканчивалось водевилем. Я помню, он читал поэму Омулевского. Все слушали серьезно. А он читает: «шла часовня на работу»... Вся аудитория разразилась хохотом. Он обводит недоумевающим взглядом, а хохот продолжается. Особенно ядовито хохотал Белов. Когда выяснилось, что нужно было читать «шла часовенна работа», Гриша бросается на Белова, и начинается возня.

На одном из таких вечеров Приютов отозвал меня в свою комнату и под большим секретом сказал мне, что пора от слов перейти к делу. Царь, как известно, земцев выгнал вон. Либеральную газету «Русская жизнь» закрыли, ожидать нечего. К тому же, представилась возможность приняться за революционное дело. Есть возможность печатать революционную литературу. Его выбор пал на бр. Тулуповых и меня, а Белов будет приходить после работы и по праздникам помогать нам и учить нас. Он хочет узнать, соглашусь ли я на эту работу. К чести его надо сказать, он тут же

сказал, чем это пахнет—даже сгустил немного краски. Признаюсь, у меня екнуло под ложечкой при слове «каторга», как будто я первый раз окунулся в холодную воду. Но когда он, чтобы испытать меня окончательно, предложил мне денежную плату, я вспыхнул от искренней обиды и сказал ему что-то нехорошее. Он весело улыбнулся, хлопнул меня по плечу и сказал:

— Не сердись, крупа! Я предложил тебе деньги, чтобы ты помогал отцу, который, как ты говорил, очень бедный и может приехать к тебе за оброком и помешает нашему делу.

Он предложил мне завтра же взять на заводе расчет, переехать к ним на квартиру и подыскивать квартиру для типографии.

В конце ноября или в начале декабря 1894 г. Приютов на одной из вечеринок познакомился с энергичной революционеркой, Екат. Прейс, а через нее с А. А. Ергиным, уже не мальчиком революционного дела. У А. Ергина была нелегальная типография, хранившаяся у И. А. Долинина, которую он согласился передать кружку рабочих.

Вновь приобретенные товарищи: Е. Прейс, А. Ергин, А. Белевский и А. Федулов, в то время сидевший в крепости, и были нашими учителями и выразителями народовольческого мировоззрения того времени. Оно выражено в №№ 3-м и 4 «Летучих Листков» группы народовольцев. Следует заметить, что народовольческое мировоззрение этой группы было атаковано не только извне марксистами, но и изнутри: сверху—от интеллигенции Белевским, а снизу—рабочим Шаповаловым, которого подпирал студент Шестопалов. Это ясно выразилось в спорах Шестопалова с народовольцами нашего кружка при чтении Эрфуртской программы на Звенигородской улице, на кв. Приютова. Приютов насторожился и стал потихоньку оттеснять Шаповалова и Шестопалова от народовольческого дела, но так, чтобы, устранив совсем Шестопалова, удержать Шаповалова, как рабочего, имевшего связь с группой «Освобождения Труда» и как необходимую связь с фабриками и заводами, которые мы решили затопить нелегальной литературой.

После тщетных поисков по Петербургу, самой подходящей квартирой под типографию была облюбована квартира в том же дворе, где мы жили, на углу Садовой и Крюкова канала. Двор был извозчичий, с ночным трактиром, который не закрывался почти всю ночь. Вечная толчея пьяных извозчиков, кормежка и пойка коней наполняли его непрерывной сменой приезжающих и уезжающих. Под типографией была пивная, в которой хозяин не квартировал, и она запиралась в 11 ч. Между типографией и соседней квартирой был «заулок», шириною в $1^1/_2$—2 саж., другая стена примыкала к соседнему дому. Против нашей лестницы, через двор, жил сапожник—сыщик уголовного розыска. Присутствие последнего нас сначала очень смущало, но когда мы ближе познакомились, то оказалось, что он довольно-таки глуп, чтобы его бояться. Вот

где было место Лахтинской типографии, а не на Звенигородской улице, как ошибочно описал в своей книге А. Шаповалов. К слову сказать, он порядочно напутал в своей книге, будто он ходил в типографию и помогал нам. Никто из работавших в типографии этого не помнит. Приютов строго оберегал жизнь «тетушки»» от самых надежных товарищей. Нам было строго воспрещено посещение лекций, вечеринок, театров, чтобы не привести за собою шпика. Не преувеличивая скажу, что это было революционное столпничество. Вероятно, Приютов сознательно ввел «Сашу» в заблуждение, говоря, что типография на Звенигородской, а не на Крюковке. На Звенигородской была квартира, занимаемая портняжной мастерской Приютова, предназначенная для склада нелегальной литературы, нелегальных явок и для живущих на нелегальном положении: для Федулова, для нелегальных приездов Белевского, прятанья Е. Прейс и т. д. После открытия типографии Приютов выпроводил со двора и Косолобова с матерью, чтобы последний как-нибудь не забрел к нам.

III.

Первые шаги на революционном поприще.

Зимняя звездная ночь. Я с М. Тулуповым идем на Васильевский остров к известному дому, предварительно изученному, идем к неизвестной нам женщине за типографским станком. Женщина нас ожидала, открыла дверь и ввела в небольшую комнатку. Интеллигентное лицо ее чуть смеялось. Но серые глаза были серьезны, смотрели в упор, как бы ощупывая пришедших парней. Она вытащила из-под матраца части типографского станка, завернутые в бумагу, передала нам, почти не разговаривая, лишь помогая взять их поудобнее. Простилась, как чужая. Это была Ек. Прейс. Идя к себе с дорогою ношей, мне хотелось не итти, а лететь, лететь птицей так, чтобы никто не видел и не слышал, а между тем, мои холодные сапоги и скрипели, и стучали на морозе так, что хоть уши затыкай. Я проклинал мои солдатские сапоги. Мне казалось, что каждый встречный думает про себя: что это он несет? А то, что я нес, нес крепко, крепко сжимал и не чувствовал, что рубашка делается мокрой. И лишь опустив «тетушку» у себя в квартире на пол, почувствовал, какая в борьбе радость. Не помню, в тот или другой вечер к нам пришел А. Ергин, чтобы научить, как печатать. Но когда увидел такого специалиста типографского дела, как Белов, то обрадовался и сказал:

—Вы тут сами разберетесь.

Мне он показался замкнутым и черезчур осторожным. Но потом я узнал, что в этом, с виду сухом человеке был твердый революционер-практик. Не попадись он и другие нам навстречу на нашем революционном пути, неизвестно, что бы из нас было? Как бы мы

набрели на настоящее революционное дело? Ведь, первые учителя, студенты Борейша и Окольский, после двух-трех посещений были вырваны охранкой. Как память о них, у бр. Тулуповых хранились забытые ими калоши и зонтик.

На станке, перешедшем к нам от А. Ергина, мы напечатали, сколько помнится, только одну речь не то П. Лаврова, не то П. Алексеева в виде листовки. Мы, как слесаря, а главным образом Г. Тулупов нашли, что этот станок мало продуктивный—на нем не могли уместиться 4 гранки. Решили по его типу построить свой. Белов к тому времени натаскал пудов 5—6 нового убористого шрифта. Работа налаживалась. Вал был заказан на заводе под видом колонок на парадную лестницу и там же выточен. Чугунная плита выстругана, а выравнивали ее я с Мишей уже в типографии. Григорий Тулупов сделал кассу сначала из жести, а потом заказали деревянную. Кассы и плита со шрифтом укладывались в стол, который накрывался скатертью. Вал закатывался чаще всего под кровать, хотя для него было место в большом платяном шкапу. В шкапу же хранилась напечатанная литература и бумага. Все это убиралось в течение 5 минут. Расположение комнат тоже благоприятствовало нам. Первая входная—кухня—имела вид слесарной мастерской; вторая, проходная, портняжной мастерской. И лишь третья, задняя, была типографией.

IV.

Первой отпечатанной вещью на новом станке была брошюра «Радикалы и Поссибилисты», написанная А. Федуловым. Набирая эту брошюру, мы с Мишей кассу поставили на табурет и вдвоем набирали из одной кассы, сидя. Пришел Белов и осмеял нашу сидячую работу. Заказали вторую кассу и придумали складные треножки, на которые и установили кассы в наклонном положении; набирали потом, как заправские наборщики. А чтоб с улицы и из противоположных окон не было видно, окна занавесили плотными тюлевыми занавесками. Набирая брошюру, я не был удовлетворен ее содержанием. Набираю и ворчу: зачем много иностранных слов, а мысли мало понятны? Стоит ли тратить время и средства для печатания такой книжки, которую мы, уже развитые рабочие, плохо понимаем? А что поймут заводские рабочие? Миша и Гриша сначала осаживали меня, а прочитав ее, тоже задумались. Нам, пришедшим к революционному станку с завода и мастерских, непонятна была революционная работа вне рабочей массы. Нам, пропахнувшим машинным маслом, казалось, что мы работаем на той же фабрике, с теми же рабочими, только в другом, секретном отделении. А потому в наши желания входило непременное условие об'яснить рабочим языком рабочих, что «Народная Воля» жива, работает тут,

рядом с ними, и на-зло эсдекам мы стремимся забросать фабрики и заводы нелегальной народовольческой литературой. Нам хотелось бы печатать нечто в роде «Хитрой Механики» и «Подпольной России», но не было таких писателей. Все это было доложено Приютову, а последний доложил выше, куда следует. В результате, было решено, что для интеллигенции будут печататься «Летучие Листки Н. В.», в которых будут излагаться основы и принципы народовольческого движения нашей группы, ее очередные задачи и т. д., а для рабочих—общедоступные брошюры агитационно-революционного характера. Пока подготовлялся № 3 «Летучего Листка», нам дали сначала для прочтения, а потом и для перепечатывания брошюру «Царь-Голод», содержание которой нам очень понравилось.

Помня пословицу: «с волками жить—по-волчьи выть», мы, чтобы зарекомендовать себя перед царскими слугами, придумали такой план общения с этим враждебным нам миром. Во-первых, купили двухрядную гармошку—«тальянку», на которой я играл так, как играл в то время простой народ. В квартире все тщательно прибирали. Делали вечеринку. Приглашали мою сестру Екатерину, модистку, ее подруг, прачку, которая разрывалась в любви к обоим Тулуповым. А главным лицом нашей вечеринки был старший дворник. Девицам покупали сласти, а дворнику водку. Девицы танцовали и ели сласти, а дворник пел и пил до отказу. А на другой день он всем во дворе рассказывал, какие тут живут хорошие ребята-мастеровые:

— Хоть и холостяки, а девчонок любят.

Но эта же затея нас чуть не погубила. Напечатанные листы «Царя-Голода», слишком намоченные водой, мы сложили в шкапу в большую стопу; она, как под прессом, задымила. Мы натянули веревки и всю комнату завешали листами, а остальные разбросали по полу, чтобы они просохли. В этот момент позвонил дворник, и Гриша, не спросив, кто, открыл ему дверь, впустил его в комнату, что рядом с типографией. На вопрос Гриши:

— Что вам надо?—он ответил:

— Пришел к вам побеседовать!

Смотрит на дверь типографии и уходить не думает. По нашей халатности, дверь не только не имела запора, но и не могла держаться притворенной, отходила. Несмотря на то, что мы с Мишей слышали, что Гриша ему сказал, что ни брата, ни меня нет дома, нам пришлось половинки дверей придерживать ногами и, затаив дыхание, притворяться мертвыми. Кроме развешанной бумаги, у нас весь стол был завален уже сброшюрованной первой половиной «Царя-Голода». Видя, что приятель не хочет уходить, Гриша грубо попросил его выйти вон. Он вышел. На другой день горько жаловался Мише на дерзкое обращение брата и, получив ответ, что Гриша не только деспот с ним, но и с нами, успокоился. Этот слу-

чай заставил нас сделать два звонка: один, тайный, для своих, другой, явный, для чужих.

V.

Бумагу покупали сначала небольшими партиями. Миша в качестве портного проносил ее под видом материи, завернутой в черный платок. Конечно, заворачивать в платок бумагу приходилось не в лавке, а где-нибудь в уборной. Иногда Гриша приносил бумагу свернутой в трубку, под видом листового железа. Но все это было можно выполнить при нашем начинающемся производстве. Мы с каждым новым выпуском количество экземпляров увеличивали. Носили бр. Тулуповы этак месяца 4, а я все сидел, набирал да брошюровал. Очевидно, им это надоело, они и говорят:

—Теперь пусть идет за бумагой Коля Черный (т.-е. я); он засиделся в квартире, пусть проветрится.

Я огрызнулся, что, мол, я живу без определенных занятий, в роде как нелегальный, и мне, мол, неудобно днем попадать на глаза дворникам и т. д. Но это не помогло, пришлось итти. Это было или в конце апреля, или начале мая 1895 г. Выходя из квартиры, я обратил внимание, что наш двор—настоящий конный базар: крик, шум, в'езжают, уезжают. Я пошел вверх по Садовой к Невскому. После долгого сидения в четырех стенах, мне и улица, и солнце, висящее в пыли, показались милыми и родными. Я ощутил в себе необычайный прилив бодрости, веселости и озорства. В таком настроении я давно прошел те лавки, в которых покупали бумагу Гриша и Миша. Я набрел на новую лавку где-то недалеко от Гостиного двора в переулке. Приказчик спросил меня:

— Для кого это бумага?

Я его в свою очередь спросил:

— У вас есть таких-то и таких размеров бумага?

— Есть.

— Ну, так дайте мне ее.

— А сколько прикажете?

У меня замелькало в голове: стопа... две... три.

— Дайте столько, чтоб я мог вынести на извозчика, сказал я.

— Не беспокойтесь, мы вам вынесем,—утешил меня приказчик.

Когда вытащили из кладовой бумагу, я заметил, что завернуть в трубу не удастся, слишком много, пудов около 5. Я попросил запаковать так бумагу, как возят бемские стекла, и связать покрепче. Запаковали, снесли бумагу на легкового, и я поехал, облокотясь на нее, как на перила. Еду и думаю, как втащить ее по лестнице в квартиру и, главное, не попасть на глаза дворнику. Под'ехал к воротам, сунул отсчитанные заранее деньги извозчику, взвалил бумагу, как куль, на плечи и попер. К счастью,—а оно долго было с нами,—прошел никем незамеченный. Когда я

хлопнул эту махину на пол в типографии, то мои друзья очумели от негодования.

— Вот тяжелая артиллерия,—разразился Мишель,—то не сдвинешь его с места, а сдвинешь, чорт знает, что натворит.

—А что ж, каждый день что ли ходить за бумагой? — огрызнулся я.—Теперь хватит месяца на два печатать.

И верно, как иссякла эта бумага, то носить маленькими порциями никому не захотелось. Особенно заинтересовался этим Гриша, которому нравилось все большое и грандиозное. Только это надо обставить не таким аляповатым способом, как это сделал я, а иначе. После недолгого совета вместе с Приютовым, решили привлечь к этому делу И. А. Долинина. Он уже оказал нам незаменимую услугу, через его руки мы получили 2 пуда типографской краски, выписанной из Москвы для нужд бухгалтерии порта. И. А. Долинин, чиновник особых поручений при командире Петербургского порта, оказывал нам и другие услуги. У него хранилась нелегальная литература, он давал убежище нелегальным, определял на службу наших товарищей, и к нашим услугам был его кошелек, если там было что. Это был добрейший человек, не охотник до красноречия, холостяк, живущий со старушкой, которая дорога ему была тем, что молчала, как смерть. Он согласился давать официальное требование на покупку бумаги, как будто для бухгалтерии порта. С этим ордером Гриша ехал в склад, брал бумагу на извозчика и привозил. По его же ордеру взята была бумага из склада мной и Григорием Тулуповым на ломового извозчика и свезена на Лахту. Эта последняя операция была прослежена. Печатную литературу выносили на склады частями. Склады были: на Пороховых заводах (фамилию тов. забыл), в Удельной, у Успенского, у Ветровой, Шулятиковых. Помню, был применен и такой способ доставки со склада на Звенигородскую, к Приютову. Это было в ноябре или декабре 1895 г. Гриша шел на склад закупать уголь для своей мастерской. Взял напрокат тележку, на которой и привез уголь в мастерскую типографии. Освободив кули от угля, мы набивали их книжками, зашивали и клали опять на тележку. Сверху, разумеется, куль-два настоящего угля. Я бежал или ехал на извозчике предупредить Приютова, что уголь едет, чтобы он был готов к покупке. Григорий в'езжает с вымазанной углем рожей на двор на Звенигородскую и кричит:

— Уголья надо, уголья надо!

Выходит дворник и зычным голосом кричит:

— Тебе что надо?

— Да тут где-то живет портной, заказывал уголь для утюгов.

— Да вон там наверху, иди до самого чердака,—отвечал он равнодушно.

Выходит на двор Приютов, начинается торг, пока не уйдет дворник в дворницкую. Потом Приютов сторожит купленный им уголь,

а мы с Гришей носим прямо на чердак, где стоит сторожем Настя, сестра Приютова.

VI.

Если мы были богаты молодостью, находчивостью и энергией, умели практически осуществлять революционные идеи, зато мы постоянно нуждались в деньгах и не умели их делать. Очевидно, это удел всех идеалистов. Часто Мише приходилось бросать типографскую работу, брать заказы на шитье и несшитую материю заказчика тащить в ломбард. Из бюджета А. Ергина выжимали все копейки вплоть до заборной книжки на кооперативный кредит. Если кто из нас заводил новые брюки или пиджак, то долго щеголять в них не приходилось, нужно было тащить в ломбард. Ради денег мы печатали народоправцам «Борьбу», их программный орган, форматом наших летучих листовок в количестве 400 или 500 экземпляров. Ради денег А. Л. Катанской приходилось якшаться с дочерьми буржуазии на высших курсах. Я помню, как она стояла в типографии, прислонясь к углу плечом, говорила, что она завербовала дочь крупного капиталиста, которая обещает дать денег, лишь бы ее приобщили к группе «Н. В.» Александра Львовна, зная нашу тяжелую нужду, хотела этим обрадовать нас. Но у меня, по крайней мере, сжималось сердце от злобы и опасения, как бы эта богачка нас не подвела. Все это вместе взятое очень тормозило нашу работу, раздражало и без того взвинченные нервы.

Самое неприятное, что у меня осталось в памяти, это звонки. Звонок в неурочное время, это то же, что в бок шило, чорт его побери! Но иногда звонок приносил радость. Я помню воскресенье. Мы после прокатки что-то долго спали. Позвонил и вошел Приютов. Вошел и запел звонким тенорком: «Реве тай стогне Днипр широкий». В то время как мы натягивали на ноги штаны, он говорил нам:

— Друзья мои! Вы знаете, что на вас смотрит вся Россия. Враги смотрят со страхом и ненавистью, а порабощенные и угнетенные с восхищением и надеждой. Ничего, что вы здесь сидите, как на сторожевой башне, вы делаете большое дело! Освобожденное от рабства потомство не забудет вас»... И дальше говорил что-то в этом роде, но что—я запамятовал. И в довершение нашей радости, он вытащил из бокового кармана бумажник и дал нам денег.

Тут заговорил наш пятый товарищ—самовар.

Он важно попыхивал, обложенный сдобными булками, сыром и колбасой. Пришел Белов, и мы долго веселились. Я читал мои стихи. Стихи мои Приютову не нравились, как мало революционные. А Белов делал заключение, что все поэты врут.

VII.

10 часов вечера. Самовар на столе допевает свою вечернюю песню. Гриша, Миша и я пьем чай. У каждого из нас под носом по книге. По виду мы все трое погружены в чтение, а на самом деле чутьем собаки прислушиваемся—скоро ли закроют пивную под нашей типографией, чтобы начать прокатку. Бумага, станок и валик с краской—все уже наготове... ждем только ухода гостей и самого пивника из пивной. Вот, наконец, до нашего слуха долетел удар железного засова, и захлопнулась в пивную дверь. Удалившиеся шаги к Мойке сказали: пора! Окна нашей башни плотно завешены черной материей так, чтобы ни один луч преступного света не мог упасть на глаза фараона и выдать нас. Нас зорко искали, а мы зорко охраняли от разгрома только-что начатое большое дело: освобождение трудящихся. В полной уверенности, что никто нас не видит и не слышит, мы приступали к работе. С засученными рукавами, в ночных рубашках, молодые сильные руки быстро перебрасывали вал по шрифту с одного конца станка на другой. Листы бумаги, как клочья парусов, быстро перелетали с табурета на станок, со станка уже отпечатанными на табурет. Григорий, не желая от нас отставать, спешит набрать гранки к следующей прокатке. Работаем молча, внутренно к чему-то прислушиваясь, и так приспособились друг к другу в работе, что механически представляем собою одну слитную машину. На шум вала и стук рамки не обращаем никакого внимания. Только неожиданный звонок мог бы заставить нас вздрогнуть, погасить свет в типографии и послать проклятие нежданному гостю. Но чем ближе куча бумаги подходила к концу, тем работа становилась энергичнее. Отпечатав таким образом экземпляров 800—1000, мы, потные и усталые, ложились спать.

В злополучную ночь, о которой сейчас будет итти речь, Гриша зажег для пробы большую керосиновую лампу и поставил на полено вновь сделанную им керосиновую печь в комнате Миши. Я и Гриша спали в комнате, где помещалась типография, а Миша в предыдущей, так называемой портняжной мастерской. И вот в глубокую полночь, когда каждая клетка в доме казалось мертвой, я сквозь сон услыхал придушенный крик:

— Коля! Коля! Вставай! Мы горим.

Как я ни устал, как ни был крепок мой сон, но услышанное слово «горим» меня кольнуло и в мозг, и в сердце. Я вскочил, как ужаленный. Первое, что я ощутил,—это то, что я задыхаюсь. Густой полог едкого дыма висел в нашей комнате от потолка до пола и, не находя выхода, делался все гуще и горячее. Сквозь щель приоткрытой двери я увидел в комнате Миши огненные языки. Холодная, острая мысль резнула по моему телу: «мы погибли». Погибла типография! Согнувшись в дугу, я проскочил через го-

рящую комнату на кухню, где имелся единственный водопроводный кран. Я шарил посуду, чтоб залить огонь. Столб пламени выбивался из под пола в потолок и течением воздуха разбрасывал клочки огня на двери и окна, на которых трещала масляная краски и лопались стекла. Миша в это время все искал на кухне впотьмах посуду, путался в железе и не находил. Я, казалось, был счастливее, ибо сразу нащупал ручку, как представлялось мне тогда, кастрюли. Поднес ее под кран—и меня и Мишу окатил душ холодной воды. Но он не подействовал отрезвляюще, чтоб взглянуть, что у меня в руках. В моих руках была не кастрюля, а сковородка, на которой мы жарили колбасу с яйцами. Чувствуя нашу беспомощность, Миша разбудил брата Григория, единственно хорошо знавшего свою мастерскую, сплошь заваленную старыми кроватями и полосами железа. Он первым делом сбросил с вешалки в горящую дыру пальто и пиджаки наши, которые уже тоже горели. Я тем временем нашел кастрюлю, а Миша ведро, и через несколько минут пожар был потушен. Чтоб освободить комнату от дыма, который проник уже на лестницу, коридор и другие квартиры, мы, несмотря на мороз, открыли окна. Холодные волны морозного воздуха вливались в наше жилище и гнали вон дым и гарь на улицу.

Мы стояли в ночном белье и прислушивались. В неясном шуме незасыпающей и ночью столицы остро напряженные чувства ловили малейший шорох и отдаленные движения. И в силу этого мне послышалось громыхание колес и позвякивание колокольчиков. И я сказал:

— Кажется, к нам едут пожарные!

Оба мои товарища побледнели. Уже зародившаяся надежда на спасение была убита. В столбняке, охватившем нас всех, прошла минута, две, три... Но оказалось, что пожарных не было... Было что-то вроде проезда извозчика, звона колокольных часов или бред воображения. Скоро мы почуяли опасность с другой стороны. К нам по лестнице поднимаются люди и разговаривают. Кто? Жильцы? Полиция? Мне казалось, что их сапоги ступают не на каменные ступени лестницы, а на мои нервы. Идут и говорят:

— Где-то горит! Пахнет дымом!

Мы впиваемся слухом, кто говорит, и узнаем по голосу, что говорит дворник. Мы притушили лампу и, затаив дыхание, ждем, что будет. Поднялись, остановились у наших дверей.

— Позвонить надо в эту квартиру,—говорит младший дворник.

Квартира наша была по лестнице первая.

— Нет,—слышим мы возражения старшего,—здесь живут ребята трезвые, у них пожара не может быть. Не стоит тревожить понапрасну, пойдемте выше.

И пошли. Милый, хороший дворник! Как я тебя тогда благодарил за лестную аттестацию нас! Они ходили по лестнице и квар-

тирам, а мы стояли и слушали в темноте в ночном белье. И дождались, дождались той радостной минуты, когда они спускались вниз и говорили:

— А вот уже ничем и не пахнет.

Спустились и ушли. Мы облегченно вздохнули, как вздыхают люди, освобожденные от петли. Зажгли лампу. На месте печки была черная дыра в полу, в которой валялись стекла от лопнувшей лампы, причины пожара. Стекла в рамах полопались, двери обгорели. Одна четверть матраца, на котором спал Мишель, обгорела. Значит, парень ухитрялся спать, пока огонь не подпалил пятки. Не удивляйтесь: он до 2 часов читал Бокля. Мы наскоро убрали бумагу, станок и вал с кассой, бухнули в кровати и крепко заснули. Крепко спали потому, что были рады радостью животного, которого вели на бойню и освободили. Утром работа закипела лихорадочно. Я выпиливал половицу в полу, куда бы можно опустить вал и часть шрифта. Станок и кассу опустили в потайной стол. Миша с Гришей складывали бумагу и печатную литературу в большой шкаф—гардероб. Краску и некоторые другие компрометирующие вещи снесли в кладовку, зарыли в дрова и нарочито не заперли. Наш четвертый сотрудник, самовар, уже попыхивал на столе. Оставалось принести булок к чаю и об'явить дворнику о случившемся. Это щекотливое дело поручили Мише. Мишель пошарил в карманах денег и, не найдя, отправился к вешалке, где обыкновенно хранилась наша касса в верхнем кармане пальто. И тут только вспомнили, что вся наша одежда сгорела, кроме одного летнего пальто. И на том спасибо, что хоть не в рубашке пришлось итти зимою. К счастью нашему, в полуобгорелом зимнем пальто верхний карман уцелел, а с ним и касса наша. Значит, сейчас будут булки на столе, а, может быть, и колбаса с маслом. Мы смеялись над вчерашним тушением пожара и смехом хоронили наше несчастье.

— Ну, что—спросили мы Мишу, вернувшегося с булками и от дворника.

— Ничего,—процедил он сквозь зубы,—сегодня к нам пожалует полиция для составления протокола.

— А ты бы сказал старшему, что мы сами отделаем на свой счет квартиру,—огрызнулся Гриша.

— Говорил. А он мне говорит: «Разве вы настолько богаты, чтобы на свои деньги ремонт делать? Хозяин побогаче вас, отделает. Он страховку за это большую получит. Мы обязаны,—говорит,—о всех несчастных случаях доносить в участок».

Пьем чай. Позвонили. Вошли оба дворника—старший и младший. Старший снял шапку, обвел глазами обгоревшее жилище и засвистал.

— Так вот вы что тут наделали! Как не сожгли дома-то. А еще вы,—обратился он к Мише,—только что уверяли, будто все это

пустяки, и сами исправите. Тут и хозяину-то не убрать в сотню рублев. Идите сейчас же в участок и заявите о случившемся, а я доложу сейчас хозяину.

VIII.

На другой день в ожидании полиции Гриша с самого утра яростно рубил железо, стучал молотком, чтобы всему Петербургу слышно было, что мы мастеровые. Миша расстелил куски материи по верстаку и с сантиметром на шее сидел, поджавши по-турецки ноги, и шил, как заправдешный портной. А я, лишившись моего единственного нелегального типографского дела, слонялся от одного к другому, стараясь им быть чем-нибудь полезным. Было решено, что я буду сидеть, как человек без определенных занятий, закрытым в комнате типографии, куда может быть удастся и не допустить околодочного. В таком положении он нас и застал. Поблескивая светлыми пуговицами и полицейскими глазами, он вошел в сопровождении дворника. Осмотрел слесарную мастерскую, ее хозяина, вошел в портняжную, взглянул на обгорелые обои и спросил:

— Кто хозяин квартиры?

— Я,—сказал Миша.

— Отчего произошел пожар?

— От вновь изобретенной братом керосиновой печи.

— За это будешь сидеть в тюрьме или заплатишь штраф,—сказал зло полицейский.

Я, заметив в щель, что он намеревается войти в комнату типографии, сам вышел из последней ему навстречу.

— А это кто?—спросил он хозяина квартиры—Мишу.

— Я работаю на аккумуляторном заводе,—начал я врать ему, тем самым предупредив Мишу: «Ты, мол, молчи».—Ихний земляк... с одной деревни... ну и живу у них на квартире.

— А почему не работаешь?

— Пальто сгорело. Итти не в чем. Вот и сижу, жду, пока он мне починит,—показал я на Мишу. В подтверждение моих слов, Гриша снял с вешалки обгоревшую кацавейку без рукавов и полы и накинул мне на плечи.

Я старался выглядеть угнетенным и грустным, что в связи с этим шутовским нарядом, одетым на меня, вызвало необычайный хохот околодочного и моих товарищей. В квартире посветлело.

С несходящей с лица улыбкой околодочный сел писать протокол на столе, в котором лежала «тетушка»...

В этот радостный момент незапертая околодочным и дворником дверь отворилась, и в квартиру вошел наш четверый работник Белов.

— А, черти, влопались!—захохотал он, видя пищущего околодочного.

И не вынимая рук из карманов, продолжал двигаться ближе к столу. Григорий ему и мимикой, и глазами старался внушить, что, мол, молчи, ничего опасного нет, а он все продолжает ржать, пока дворник не осадил его.

— Чего ж ты смеешься? Или радуешься несчастью своих товарищей?—и показал ему рукой на обгоревшие стены.

— Я смеюсь не на их несчастье, а на их черные рожи...—выворачивался Белов, разгадав, зачем здесь полиция.

И снова захохотал, заражая всех своей веселостью. Его приход не возбудил ни малейшего подозрения у полиции.

Уходя, околодочный указал на меня Мише и сказал: «Дайте ему что-нибудь одеть. Пусть завтра идет на работу». А в спину ему, мне казалось, хихикал платяной шкаф, набитый нелегальной литературой, и накрытая скатертью «тетушка» крякнула: «прощай, дурак!». Да, он писал протокол о пожаре на столе, в котором лежал злейший враг самодержавия—нелегальный печатный станок.

Приютов, как расчетливый хозяин революционных сил, принимал все меры держать в резерве Косолобова, Шаповалова и Купцова. Двое первых все больше и больше отходили к социал-демократии, Купцов же наоборот, все плотнее становился к «Народной Воле». Косолобов и Шаповалов работали на заводах, как токари. Они нужны были нам: через них мы могли распространять нашу литературу, что мы и делали впоследствии при всеобщей стачке текстильщиков в Петербурге. В помощь себе в качестве домашней хозяйки Приютов выписал свою сестренку Настю. Эта 17-летняя девочка сразу же окунулась в сферу подпольной работы. У нас же в типографии была тоже своего рода домашняя хозяйка. Я не могу не упомянуть об А. Е. Тулуповой. Она нам оказывала незаменимые услуги, выполняя и грязные работы: мыла пол в нашей квартире, стирала белье, чистила самовар и т. д. Она приходила к нам, чтобы не мешать работе, лишь тогда, когда мы ее звали. Найдет, бывало, буквы шрифта, сконфузится и скажет:

— Коля, это вам, наверно, нужно?

Стирая наше белье, выпачканное типографской краской, тоже конфузливо заметит:

— Эти пятна не отстирываются.

А когда моет пол и увидит вал под кроватью, то делает вид, что не замечает его и даже задернет одеялом. Разумеется, она догадывалась, что у нас делается что-то противоправительственное, но ни разу не заикнулась спросить ни у меня, ни у братьев. Эта безграмотная труженица умела сдерживать свое любопытство и умела хранить эту тайну и от мужа, и от своих подруг. Поэтому здесь нелишне будет сказать, почему дневник М. Тулупова, о котором было столько крику в книге Шаповалова, хранился у его сестры. Она жила у каких-то господ кухаркой; при ней жил и ее муж, пья-

ница, перелетчик, который кроме водки, ничем не интересовался. Миша Тулупов, зная свою сестру, конечно, не боялся дать ей на хранение свою тетрадь. И вот после от'езда его с Приютовым в Аккерман квартира на Звенигородской была ликвидирована и заменена квартирой бывшей типографии на Крюковом канале, в которой я остался работать для связи Лахты с местами. В квартиру на Крюковом канале была приглашена А. Тулупова в качестве хозяйки, о чем мог и не знать брат ее М. Тулупов. В этой квартире я был арестован, вместе со мною она и ее муж. При обыске у нее в сундуке была взята тетрадь с записями М. Тулупова. Но это было в конце нашей работы.

IX.

В январе 1895 г. был выпущен на поруки из Петропавловки А. А. Федулов. Перешедши на нелегальное положение, он вскоре очутился в кв. Приютова на Звенигородской. Вскоре, помнится, приехал и А. С. Белевский. Я хочу сказать о том вечере, когда Приютов пригласил нас, рабочих, чтобы показать нашим вожакам. Как сейчас вижу сутуловатую и вместе с тем стройную фигуру Федулова. Он ходил из угла в угол по комнате, как в крепости, в каком-то старинной формы полусюртуке, с пледом на плечах. Ему как-будто было холодно. Из-под выпуклого лба глядели добрые серые глаза, обведенные черными кругами. А за столом сидел с мягкими манерами и когтями льва А. С. Белевский. Вокруг полной короткой шеи его лежал мягкий воротник отложной рубашки, подвязанный красным шнурком. На короткой шее стояла круглая голова с широким лбом и серьезным выражением лица. Меня поразили его упругие, как сталь, суждения. Я чувствовал, что в этой голове лежит целая система революционного мировоззрения. Эта система по многим вопросам теоретического и тактического характера не совпадала с теорией Приютова. А так как я другой системы, кроме Приютовской, не знал, то его суждения были для меня новы и заразительны. В сущности, система Приютова была очень проста. По его мнению нужно, главным образом, совершить террористический акт—убить царя. Это всколыхнет загнившее болото общественности; это заставит почувствовать зарвавшихся реакционеров: Победоносцева, Дурново и других, что революция не умерла. Это будет мщением за заточенных в Шлиссельбурге и на каторге революционеров. Это скажет Победоносцеву, что мщение недалеко от него, оно у него за плечами. Я никогда не забуду, как он рисовал в типографии план убийства царя.

Дело в том, что когда он служил закройщиком в магазине по Вознесенскому проспекту, по которому часто ездил царь, то часто,

смотря через шпалеры сыщиков и городовых, жалел, что у него не было под рукою бомбы. Раздраженный этим, он думал, что можно убить царя и без бомбы—простым утюгом. Стоит пробиться мне с Гришей, Мишей и Беловым в первые ряды и в момент проезда царя задержать лошадей, упав им под ноги или повиснуть на узде, а Коля Черный, как самый здоровый, вскочит в коляску и—раз по голове царя!.. Может быть, все это им говорилось тогда в шутку для испытания нашей решимости, я не знаю. Но я не скрою, что не только верил в этот мальчишеский план, а позови он на этот подвиг в тот период, я без колебания пошел бы за ним. До того сильно было его влияние на меня, до того была искрення его ненависть к угнетателям народа. И вот в эту-то веру мою из уст Белевского шла холодноватая струя опытного, уравновешенного борца. Поскольку Приютов кипел огнем энтузиазма, индивидуального самопожертвования, постольку Белевский с холодком доказывал, что подобных жертв принесено много; что к этому нужно что-то другое, чтобы эти жертвы поддержали рабочие, войско, крестьяне. Какого мнения был А. Федулов, я позабыл. Е. Прейс лежала, свернувшись калачиком на диване, откуда, не вставая, бросала свои короткие реплики. И если память мне не изменяет, то она была в то время на стороне Приютова.

На этом вечере были я, бр. Тулуповы, Белов, Купцов; относительно Шаповалова и Косолобова—не помню. К этому же времени была приурочена разработка руководящих статей № 3 «Летучего Листка». В это же время было решено, на случай провала нашей типографии, переделать типографский станок, полученный от А. А. Ергина, вместе с шрифтом отправить в имение Белевского, где и закопать в саду. Вскоре Белевский уехал. А. Федулов перекочевал к нам в нелегальную типографию для корректуры, чем освободил А. Ергина от этой обязанности и частых свиданий на улице для этой цели. Вскоре же Е. А. Прейс отправилась в поездку по России, дабы наладить связи с крупными городами и снабдить места литературой. Федулов у нас жил недолго. Он эмигрировал за границу этой же весной.

Лето 1895 г. типография работала при близком сотрудничестве супругов А. А. и Л. В. Ергиных и Приютова, при очень скудных финансах. Корректуру нес А. А. Ергин. Для свидания с ним приходилось или Приютову или Г. Тулупову каждый раз придумывать разные уголки Петербурга. И несмотря на то, что это лето было для нас самым тяжелым в материальном отношении, мы все-таки выпустили следующие издания: «Речь П. Лаврова» (листовка), брошюру «Радикалы и Поссибилисты», № 3 «Летучего Листка», брошюру «Царь-Голод»—все это по 400—500 экземпляров, а «Ткачи» Гауптмана и «Кто чем живет» Дикштейна в тысяче экземпляров. Будь у нас достаточно средств, мы безусловно сделали бы больше.

X.

Осенью 1895 г. мы были сильно встревожены долгим отсутствием всяких известий о Е. Прейс. Прошли все сроки ее возвращения, а ее все не было. Это тревожное чувство за ее судьбу и судьбу нашего дела перешло в полную уверенность, что она арестована. И Приютов, и мы ставили ее очень высоко, как революционерку, но в смысле конспирации наши мнения далеко не сходились. Оберконспиратор Приютов в этом пункте считал ее слабоватой. Поэтому он рвал и метал на нетактичность Кати и на оплошность Григория Тулупова. Он упрекал последнего, что тот не посадил ее в вагон, как того хотел Приютов.

— Какие же вы революционеры, когда у Вас при входе на вокзал рассыпались книги—нелегальщина,—журил Приютов:—Я не знаю, почему вас там же не арестовали. Дураки шпионы!

— Да что мы ей, нянька?—возражал Григорий.—Ничего там, Вася, страшного не было. Она, одетая барыней, приказала сторожу собрать книги, связать, дала рубль на чай и пошла, не возбудив ничьих подозрений. И все тут.

Припомнились и другие случаи, наводящие на мысль, что за нами была слежка. Дело дошло до того, что стали поговаривать о свертывании нашей работы. Я не видел непосредственной опасности и был философски спокоен. Да и как не быть спокойным после пожара, после того, как у нас перебывало от дворника до околодка все начальство? Я жалел, что Григорий во время рождественских праздников не допустил «батюшку» с водоствятием и тем оскорбил праздно висевшие у нас в углу иконы.

Все-таки встал острый вопрос о разгрузке типографии, в связи с тем, что литературы накопилось полный платяной шкаф, и класть некуда. Вот тогда-то и был применен способ перевозки нелегальщины в кулях угольщика. Но работа продолжалась лихорадочным темпом.

Как это часто в подполье бывает, страхи оказались напрасными: Е. Прейс приехала цела и невредима. Она была вся пропитана бодростью, энергией, революционными, террористическими замыслами. Между прочим она рассказала о завязанных ею сношениях с террористическим кружком Оленина в Москве. Ее ребята насторожились, почуяв новое важное дело. Группа рабочих быстрее задвигалась под действием ее бьющей через край энергии. Но когда она поведала о способах Оленина уничтожить всю свору царского дворца не бомбами, не взрывом, а водой, конечно, предварительно отравленной, тогда у Приютова уши повисли, а Кате ничего не оставалось, как юмористически смеяться над этим чудаком. Но вопрос о терроре все-таки клином сидел в ее мозгу. Она критиковала и себя, а вместе с собою и нас, что мы успокоились на печатании литературы. Нужно что-то другое. Вскоре приехал А. С. Белев-

ский. Это совпало с выпуском 4-го номера листка «Народной Воли». Программный характер последнего вызвал некоторые разногласия. Это видно было из того факта, что рукописи из типографии брались и переделывались несколько раз. Из гранок набранного шрифта приходилось выбрасывать и вставлять целые предложения. Эти переделки очень злили меня. Ибо я не понимал, что написать программную статью в историческом документе совсем не то, что написать какое-нибудь стихотворение, ни к чему не обязывающее.

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что эти разногласия и привели к тому историческому заседанию «О терроре» в типографии, которое стоило мне стольких мучений в крепости при допросах.

Однажды Приютов, придя в типографию, заявил сначала конфиденциально Мише, а потом и всем нам, что его приглашают на совещание членов группы «Н. В.» представителем от рабочего кружка. Он хочет знать наше мнение на этот счет. Мишель, как самый горячий из всех нас, вспылил:

— А кто же эти члены группы?—спросил он у Приютова.

Вася почувствовал, что у него закачалась почва под ногами и категорически заявил нам:

— Да я им так и сказал, что без вашего согласия я на совещание не пойду.

После доклада, куда следует, совещание устроили в типографии. Были все активные члены нашей группы. В назначенный вечер проверили плотность наших занавесок с Крюкова канала, установили дежурства, ибо многие входили в дом к «тетушке» в первый раз. В комнате все было убрано, стол накрыт скатертью. На собрании присутствовали А. С. Белевский, Е. А. Прейс, супруги А. А. и Л. В. Ергины, А. Л. Катанская, В. П. Приютов, бр. Михаил и Григорий Тулуповы, Н. И. Белов и я. Ставился вопрос об отношении нашей группы к террору. Е. А. Прейс поставила вопрос прямо, что пора перейти от печатания литературы к главному делу «Народной Воли»—террористическому акту, что средства и люди найдутся.

Были суждения, какие цели должны преследовать террористические акты: ниспровержение существующего строя, захват власти или пропаганду действием. Боюсь ошибиться, но, насколько мне не изменяет память, основным доводом у Е. Прейс было: каждый террористический акт приближает ниспровержение самодержавной власти, ослабляет ее. Белевский выступил с обоснованной критикой террора, как акта, не вызываемого исторической необходимостью и потребностью масс. Он указывал на необходимость в настоящий момент в революционной пропаганде, особенно среди рабочих. Террор, как пропаганду действием, он, пожалуй, и признавал, если он происходит в надлежащий момент. А чтобы совершившийся террористический акт не был об'яснен массам в превратном смысле политической печатью, необходимо иметь свой подпольный орган.

Значит, о ликвидации типографии не может быть и речи. Он считал вредным приносить эту живую работу в жертву гадательности удачи акта. Я сидел и думал, как это два близкие по духу человека не могут согласиться. Мои симпатии начинали клониться на чашку весов Белевского, но я ждал, что скажет В. П. Приотов. Он произнес горячую речь в защиту террора. Мое ухо уловило какую-то дрожащую нотку, как бы недостаточность в доводах Е. А. против Белевского. Вместо того, чтобы полностью подтвердить доводы Прейс, он их старался исправить. Я отдаю себе отчет, что мысли споривших после тридцатилетней давности я излагаю под изменившейся точкой зрения и, как ни стараюсь быть об'ективным, а личные симпатии к тому или другому мнению скажутся помимо моей воли. Но все-таки не говорить об этом не могу. Выступал и А. Ергин, но его индивидуальных черт я не помню. Помню, что его мнение было в общем ближе к мнению Белевского, чем к Прейс.

Я отдаю себе ясный отчет о первом голосовании в жизни. Минута, когда я поднятием руки должен был сказать, готов ли я завтра же итти на смерть, была поистине великая минута. С неимоверной быстротой пробегали жар и холод от мозга к сердцу, от сердца к мозгу. Какая-то молниеносная лихорадка. Самое трудное—это было преодолеть ложный стыд, сказать правду, которую тогда чувствовал. Самое трудное было отрешиться от рисовки перед товарищами, которые могли подумать: «он дрейфит». О, это совсем не то голосование, которое мне приходилось иметь в 17, 18, 19 г.г. в советах, конференциях,—совсем не то. Голосовать с вполне созревшим умом, голосовать, когда кругом идет революция, когда и обыватели находятся под обстрелом, значительно легче. В то же время, при мирной обстановке, надо было осознать необходимость не честолюбивого подвига, а простой смерти за народ. Как для кого, а для меня это дело было нешуточное. Я тогда так и понимал, что Прейс зовет завтра же выступить с бомбою в руках, зовет на смерть. Белевский же,—преследуя ту же цель, свержение самодержавия, и тот же способ, только это дело отодвигал на неопределенное время вдаль. И тем самым давал мне время осознать его необходимость. Но это уже доводы разума, которым в тот момент цена грош. В чувствах лежала основа — террористического акта. В том-то и величие наших предшественников-народовольцев, что они давали полный простор возмущенному чувству. И вот, поднимая руку вслед за Белевским, у меня была почему-то уверенность, что то же сделает и Приютов. Но когда я увидел, что он поднял руку вместе с Прейс и бр. Тулуповыми, мой мозг и лицо захлестнуло возмущенное чувство стыда и обиды. Я внутренно кричал на себя: «позор! позор!». А что-то глубоко сидящее внутри холодно оправдывалось: «Ведь, ты же сказал то, что мог сказать. Иначе бы ты врал!»

Я посмотрел на окаменелое лицо Белова и подумал: «Как же это я не догадался воздержаться?». Он не поднял руки ни за то, ни за другое предложение, за что и прозван был Прейс дипломатом. Несмотря на то, что вместе с Белевским, кроме меня, голосовали Катанская и, сколько помнится, и супруги Ергины, я долго казнил себя,—как-будто от поднятия моей руки зависел исход революционного дела «Народной Воли». Как-будто неправильным поднятием руки я сделал непоправимую ошибку, ломал дорогие традиции «Народной Воли». В конце-концов террор, как пропаганда действием, был принят единогласно. Вопрос о немедленном переходе к террору, если потребуют обстоятельства, и ликвидация типографии,—предложение Прейс,—не получив значительного большинства, остался как бы нерешенным.

XI.

После заседания зиму мы работали спокойно. Выпустили № 4 «Летучего Листка» в количестве около 500 экземпляров, ленинскую книжку «О штрафах» в количестве около 3.000 экземпляров. В эту же зиму была, кажется, напечатана и «Борьба» народоправцев. В средствах особенно не нуждались. В эту же зиму у нас была организована новая отрасль нелегального производства, а именно мастерская изготовления частей для гектографа. На гектографе нашего производства «Союз борьбы» печатал свои листовки к рабочим. Мы снабжали и другие организации этими орудиями. Эту работу вел, главным образом, Григорий Тулупов, поэтому набор почти целиком лежал на нас троих: Белове, мне и Мише. А прокатка, сшивка и брошюровка—исключительно на мне и Мише. Работа кипела. Но всякому благополучию приходит конец.

В декабре 1895 г. был арестован А. Ергин. Эта столь значительная брешь в наших рядах заставила нас оглядеть себя хорошенько, подобраться. Казалось, в нутро нашей работы заглянуло жандармское око. Зашевелились мысли о близком аресте. Надо принять меры очистки типографии от всего лишнего. Надо принять меры, чтобы с нашим арестом не пропало дело. Найти заместителей, продолжателей нашей подпольной работы. Освобождая кладовку от нелегальщины, я с Григорием наткнулись на пудовый боченок типографской краски, негодной к употреблению. Надо было от него избавиться. Сначала хотели вылить в клозет, но вспомнили, что это добро в столице русской империи вывозят в бочках, побоялись, что нас обнаружат. Решили сжечь. В типографии в углу была круглая железная печь. Подложили растопки, вывалили туда краску и зажгли. Пламя моментально вспыхнуло, выбросилось в комнату, а потом рвануло в трубу и загудело. Что было делать? Гасить—поздно, залить—нельзя, пришлось положиться на то, что будет, то и будет. Закрыли дверку и выбежали на противоположную

сторону Крюкова канала. Смотрим, дым валит, как с литейного завода, черный, густой. Я посмотрел на пожарную каланчу, но, вспомнив опыт прошлого, промолчал. Однако и на этот раз нас кривая вывезла сухими из воды. Кстати, жандармы этого случая на допросах не касались. Отсюда можно заключить, что никакой слежки в это время за нами еще не было.

С целью обучения типографской работе в подполье был принят В. Купцов. Этот член нашего кружка принес с собою в стены нашего жилища, полные нервных потрясений, бальзам успокоения. Во-первых, это был философски спокойный парень, начитанный, но еще больше обещавший в будущем. Живя нелегально на Звенигородской у Приютова подолгу безработным, он все время употреблял на поднятие себя в смысле выработки твердого революционного мировоззрения. Поскольку Шаповалов и Косолобов, работая на заводе, все больше отходили к социал-демократии, постольку Купцов становился все ближе к «Народной Воле». Идя этим путем, он, как на перила, облокачивался на действенную работу нашего кружка. Шаповалов и Косолобов, только издали знавшие о нашей работе, а непосредственного участия в ней не принимавшие, естественно вовлекались в сферу другого влияния. Конечно, и Купцову, как токарю, работавшему на заводе учеником недолгое время, пришлось видеть у станков нараставшее движение марксизма. Но линию его работы определило народовольчество. У него был недюжинный ум и оригинальные способности разбирать прочитанное и относиться к нему критически.

XII.

Наступила весна 96 г. Беспокойство о том, что за нами слежка, не уменьшилось, а росло, как ком снега. Купцов уже основательно научился набирать. Это дало возможность перемениться нам ролями: ему жить нелегально в типографии, а мне каждое утро показывать дворникам, что я иду на работу. Через Федора Ергина или Долинина мне дали место писца в бухгалтерии Петербургского порта. Легкая 6-часовая работа давала мне возможность остальное время отдавать работе в типографии. Мне, как слесарю, работа писца не была знакома. Я делал ошибки, за которые приходилось выслушивать выговоры от бухгалтерии. Разумеется, если бы не солидные рекомендации, меня бы и недели держать не стали.

Клубок подозрений, что за нами слежка, продолжал наматываться все больше и больше. Дорабатывали последнюю бумагу, дошивали последние экземпляры. Миша все больше и больше выходил из повиновения Приютова и, несмотря на запрещения последнего, все чаще и чаще уходил в город в кружки молодежи. Григорий развозил литературу по складам. Чья-то невидимая рука вела дело к свертыванию. В одно апрельское утро Приютов

пришел в типографию в необыкновенно возбужденном состоянии. Он заявил, что работу в типографии мы не прекращаем, а временно на лето свертываем. Нам всем надо отдохнуть, замести следы слежки, раз'ехаться.

— Ты, Миша, поедешь со мною на юг, в Аккерман. Ты изнервничался, тебе надо полечиться. Устроим там новую типографию, выпишем туда Купцова и Колю черного (т.-е. меня). Он будет нам писать революционные стихи, а мы печатать. А тебе, Купцов, вот деньги. В 24 часа чтобы ты выехал в Ардатовский уезд, к себе на родину. Живи и ожидай, пока тебе напишем.

Одним словом, всем сестрам по серьгам.

— А ты,—обратился он ко мне,—куда хочешь поехать на лето?

— Мне ехать некуда, Василий Петрович,—ответил я.—В отдыхе я не нуждаюсь, ибо каждый день отдыхаю 6 часов в бухгалтерии. По-моему, можно бы работать здесь и дальше. Я из этой квартиры никуда не поеду.

Миша с еще большей энергией протестовал против передышки в работе. Меня поразило в первый раз мною замеченное столь большое расхождение в мнении между братьями Тулуповыми. В то время, как Михаил ни в коем случае не хотел прерывать работы, Григорий был согласен не только с планом Приютова, но и раздраженно одергивал Мишу. А Белов, узнав об этой перетасовке, принял ее, как давно известный ему факт. Между прочим, Григорий исподволь и давненько чинил купленные на рынке револьверы и обменивал с придачей в магазинах на новые, с целью оказать вооруженное сопротивление полиции при аресте типографии. Этот акт думали выполнить именно бр. Тулуповы совместно с Купцовым, меня же уговаривали переехать к этому времени на другую квартиру из тех соображений, что я, как поэт, должен описать эту историю.

Все затевалось втайне не только от Прейс и Белевского, но и от Приютова, но какими-то путями последнему стала известна эта ребяческая затея. Отправляя Купцова на родину, он говорил:

— Надо во что бы то ни стало спасти от ареста этого несовершеннолетнего юношу.

Обсуждая все это теперь, я нашел, что дело обстояло так: таким большим людям, как А. С. Белевский и Е. Прейс, сидеть в четырех стенах на Звенигородской было тесно. 3-й большой человек, А. Ергин, сидел в тюрьме. Писание статей для летучих листков «Народной Воли» их мало удовлетворяло. К тому же, взвинченность наших нервов, требовавшая отдыха, была фактом. Им хотелось заменить нас, стать в центре производства как литературы, так и идей. Отсюда происходил весь шум слежки, отсюда доводы о нашей усталости. Отсюда так хорошо разработанный план устройства новой типографии. Белевский и Прейс знали, что они слабые наборщики. Чтоб возместить этот недостаток, они заранее уговорили

Белова перейти на нелегальное положение. Семья Белова получала помощь от сына не с Лахты, а из города, куда будто бы уехал Белов. Этот лучший из наборщиков, конечно, мог набрать один за нас троих. В придачу к нему такой опытный техник, как Г. Тулупов,—и производство обеспечено. Покойный мне потом рассказывал, что револьверы были увезены на Лахту и спрятаны вне дачи и во время ареста не были обнаружены. Белевский и Прейс играли роль хозяев дачи, Григорий и Белов считались их племянниками, а Настя, сестра Приютова, шла за прислугу. Все это было обдумано раньше, и Приютову оставалось проект привести в исполнение.

Обдумали и учли все, за исключением одного: это—умения маскироваться естественным ходом обывательской жизни. Мы все прописывались настоящими именами по видам на жительство, не возбуждающим никаких сомнений. А хозяевам дачи пришлось добывать виды на жительство у агентов охранки, чего не отрицают участники этого дела. Мы гнездились в куче народного мусора, а они всплыли на свет дачной любопытствующей публики. Отсюда неизбежный провал. Мне была отведена роль связи Лахты с Петербургом по добыче материальных средств и развозки литературы. И вот наша «тетушка», нарядившись барыней, в соломенной шляпе, переехала в двухэтажный домик на дачу. К ее услугам была лодка, стоявшая в Финском заливе, на которой и я грешный любил покататься. В сосновом лесу я проводил летние ночи в поэтических мечтаниях, не подозревая, что агент охранки проклинает меня и понять не может, чего ради этот революционер торчит в лесу целые ночи, не спит и не дает ему отдыха. Он был свидетелем, как ранним утром, после тщетных поисков на даче, меня нашли крепко спящим в курятнике. Пошла Настя кормить кур и наткнулась. О, сколько я вытерпел злых насмешек за это от Белова!

Типография на Лахте просуществовала около 2 месяцев. В ней была напечатана брошюра «Иван Гвоздов» Белевского в количестве около 8.000 экземпляров; была напечатана листовка к рабочим-текстильщикам во время всеобщей забастовки «Братья Товарищи!». Это необычное обращение об'ясняется тем, что оно редактировалось двумя революционными организациями: группой «Н. В.» и «Союзом Освоб. Труда». Эти группы в тот момент были очень близки к слиянию на почве издания рабочей газеты. Об этом органе не раз возникал вопрос у нас на Крюковом канале. И вот, когда проект был уж так близок к осуществлению, рука жандармерии оборвала его. В момент ареста печатался № 5 «Летучего Листка Н. В.», не увидавший света, и набиралась брошюра «О стачках». Это был целый воз литературы. Наши листовки, найденные у рабочих во время арестов при всеобщей стачке текстильщиков, ускорили разгром типографии, который произошел в ночь на 24 июня 1896 г.

XIII.

Еще не отзвонили колокола, возвещавшие о коронации Николая II, еще не смолкли салюты пушек, подтверждавшие такое важное событие, еще продолжали литься хвалебные речи дворян на голову помазанника, как кровавою волною прокатилась весть о трагедии на Ходынке. Царь не ужаснулся пролитой им крови, но все-таки захотел поскорее скрыться под сень царско-сельской листвы. А тут, как на грех, петербургские текстильщики приготовили ему вместо приветственной встречи всеобщую забастовку. Я как сейчас вижу себя идущим по широкой улице в забастовавшем рабочем районе. Я весь обложен, как ватой, нелегальными листовками «Братцы-товарищи». Кругом, как вымершие чудовища, стояли без дыма и без голоса покинутые рабочими фабрики; кучки рабочих и работниц, у которых я спрашивал нужную мне улицу, внимательно осматривали меня и указывали, куда итти. Женщины были одеты, как в праздник, и праздничнo веселы. Я иду и думаю: неужели это дело наших рук? А царю-то, царю-то какой нос! Ох, если бы они знали, кто я! И я рос все выше и выше, чуть не до самого Наполеона. Когда я вошел в квартиру по данному мне Шаповаловым адресу, то нужного мне рабочего не было дома. Его жена встретила меня ласково, но жилки беспокойства дрожали у ней в лице. Я попросил ее дать мне возможность его подождать. Я сел спиною к окну и стал рассматривать неприхотливую бедность рабочего житья-бытья.

Не прошло и получаса, как жена метнулась к окошку и жадно впилась глазами в улицу. Я обернулся вслед за нею туда же и вижу разбегающихся, как горох, людей во все двери и закоулки. В комнату вбежал запыхавшийся мальчик, сынишка, и заговорил:

— Мама, казаки окружили сходку-то! Наши дали сигнал, они и побегли, кто куда.

Вскоре пришел и отец, злей и взволнованный. Я сказал, от кого и с чем. Он смешался, но твердо проронил:

—Боюсь, что у нас сегодня будет обыск и аресты, как бы это нам не повредило. Да ладно...

И пошел в другую комнату, оставив меня в коридоре. Он вышел с другим рабочим, который, крепко пожав мне руку, забрал всю имевшуюся у меня литературу.

Под влиянием этих событий, я вечером написал в Аккерман письмо; оно было перехвачено полицией. Через тридцать лет я его прочел в заметке Куделли, который приписывал авторство Гр. Тулупову, и подумал: «И архивы врут не хуже, чем человеческая память». На другой день я был у Шулятиковой. Взял полученную из-за границы социал-демократическую литературу и повез на Лахту. Мной владели одни думы, что наступили дни великих боев,

которых я не предвидел и которые, неожиданно свалившись на голову, поднимали революционное настроение на небывалую высоту. Мое приподнятое настроение передалось всей типографии. Меня и гладили, и целовали, как будто я и был именинник забастовки. Нагрузили новым багажом литературы и провожали, как рыцаря на битву, в рабочие районы.

Я сел в маленький вагончик пригородной ж. д. и готов был вновь отдаться сладким мечтам, как вдруг заметил в противоположном углу шпиона. Он нагло, не стесняясь, следил за мной. У меня мелькнула мысль, что представляется единственный и удобный случай посмеяться над ним—это спрыгнуть на ходу с поезда. Я выбрал момент, когда поезд шел по закруглению и близко к лесу, и направился к выходу. Шпион за мной. Я на ступеньку и раз... под откос, кубарем. Поднялся и, не отряхивая пыли, побежал что было духу к лесу. Задохнулся и оглянулся назад. Шпион стоит озадаченный у полотна дороги, а поезд уходит с дымом вдаль. Я повернулся к лесу и тихо побрел наугад. После долгих блужданий я выбрался к какому-то кладбищу, вмешался в похоронную процессию, потужил над безвестной могилой и вместе с провожавшими пошел в Петербург.

В рабочих районах пахло буднями. В трехдневный срок был издан закон об 11-часовом рабочем дне. Готовились итти на работу. И литературу уже не хватали так лихорадочно жадно. Ее как-будто уже побаивались. Вернувшись на Лахту, я рассказал о слежке за мною. Все приуныли. Мне было поручено побывать на Пороховых Заводах и в Удельной у Шулятиковой и Ветровой, предупредить их, но с условием не водить за собой шпиона. Слежки я не заметил ни на Пороховых, ни в Удельной. Поднимаясь по лестнице к Ветровой, я вспомнил завет Приютова и, не дойдя до цели, круто повернул вниз, чтобы убедиться, нет ли за мной хвоста. Каково же было мое изумление, когда на следующем повороте лестницы я наткнулся на растерянную рожу сыщика. Началось состязание, я удирал, он догонял. Ни проходные дворы, ни трактиры не спасали. Я вспомнил, что на одном проходном дворе живет моя бывшая невеста замужем за легковым извозчиком. Пришлось ей признаться. Она дала мне возможность переночевать. А утром ее муж меня вывез под видом больного.

В ночь на 25 июня я сидел на скамейке в садике. Набегавшие облака гасили звезды. Я глядел на опущенные ветки дерев и думал: «почему мне сегодня так тяжело?». В голове толкались не идущие к настроению мысли: «Я четыре дня не был на службе... итти или нет»... Я глядел на гуляющих и как бы не видел их, думал: «почему это все люди в садике любят, смеются, а мне невыносимо грустно»? Ко мне подсела женщина легкого поведения и старалась заговорить со мной. Я стал искать свободной скамейки и заметил человека с устремленными на меня глазами.«Опять» промелькнуло

у меня в голове: «да не может быть,—это ошибка». «Э, все равно», решил я и пошел спать на Крюков канал. Идя, я чувствовал себя таким одиноким, как будто я шел не людной улицей, а по пустыне. Первым делом собрал все компрометирующие бумаги, в том числе и мои революционные стихи, положил в печь и зажег. Глупый мальчик, чем думал себя спасти! Написал письмо, наводящее на ложные следы, положил у кровати на стол и крепко заснул. Наивный чудак! Кого ты думал провести своей хитростью? Около 2 часов я сквозь сон услышал резкий звонок. Не успел хорошенько очнуться, как Груша, сестра Тулупова, открыла им дверь. Затем быстрые шаги и позвякивание шпор к моей комнате сказали мне все: «наступило». Вскочившие двое сорвали с меня одеяло и стали ощупывать мое тело холодными, как у лягушек, лапами. Совали руки под подушку и матрац, ища оружия, и крепко держали меня за руки. Потом меня посадили в одном белье к столу и окошку, заваленным книгами. Я увидел полную квартиру двуногих тварей, имеющих человеческую рожу. «Зачем так много на одного», подумал я: «очевидно, пуганая ворона куста боится!» Вошел молодой чиновник и сел к окошку, выходящему на Крюков канал. К столу с книгами сел жандармский чин. Перебирая книги, он говорил: «Все верхушки, все верхушки. Нахватываются верхушек и давай бунтовать». А двое сыщиков перебирали пепел в печке и несгоревшие клочки бумаги бережно клали на стол. Обстукивали стены, сдирали обои и ничего не находили. Открыли корзину с бельем и с торжеством разостлали на полу рубахи, показывая пятна типографской краски. А когда подняли выпиленную когда-то мною половицу и нашли несколько букв шрифта, то говорили: «Вот она... где была!». Но что меня больше всего поразило, так это то, что сыщики нашли в кладовке, где были одни дрова, по 2 экземпляра всех наших изданий. Я наверное знал, что там ничего не было. Эта провокация меня отрезвила.

— Какого чорта вы держите меня в одном белье,—закричал я—провокаторы!.

Чиновник сказал:

— Действительно. Дайте же ему одеться, он озяб.

Он поднес мне к лицу серебряный портсигар и сказал:

— Курите.

Я отрицательно покачал головой.

— Напрасно, это успокоило бы вас.

— Нечего притворяться-то,—обратился ко мне брюнет:—все ваши арестованы.

Он вытащил из кармана изящного пальто список и, ткнув пальцем в невидимые мне имена, хвастливо произнес:

— И Лахта тут.

Это известие меня так огорошило, что я во все последующее время не проронил ни слова и, не читая, подписал протокол. Это

известие совсем вышибло меня из колеи. Уходя, я не взял с собою никаких вещей, кроме тех, что были на мне одеты. Переступая порог жилища, где так много было пережито, я сказал:

— Прощай, приют свободы и страданий!

А выйдя за ворота, я обратил внимание на разгоревшуюся в небе зарю и мысленно простился с восходящим солнцем, столько раз освещавшим окна «тетушки».

Стиснутый с двух сторон городовыми, я под'ехал к углу дома на Гороховой, двери которого меня надолго отрезали от жизни.

И. И. Попов.

Необходимые поправки к сборнику „Народовольцы после 1-го марта 1881 г.“

В статьи первого народовольческого сборника и в составленный мною к нему именной указатель вкрались опечатки и некоторые ошибки, которые необходимо исправить. Те и другие были замечены при получении пробного экземпляра книги, и исправления были доставлены в издательство. Но сборник уже рассылался, и вклеить вкладной лист можно было не во все экземпляры. При составлении указателя я пользовался энциклопедическими словарями, историко-революционными журналами, указателями в изданиях «Каторга и Ссылка», сборниками — «За сто лет», «Литература Народной Воли», «Историко-революционный Альманах», Изд. «Шиповник» и др.

После выхода книги, от авторов и других лиц мы получили указания на опечатки и неточности. Кое-кто сделал дополнения и к статьям. Исправления не всегда верны, напр., указания на то, что Паули и Андржекович были арестованы 1 мая 1883 г., а не в июне 83 г. Оба они печатали в ночь на 14 или 13 мая прокламацию к коронации Александра III; таким образом, их арест не мог быть 1-го мая или, что Усову и Кривенко арестовали не 2 января 1884 г., а в декабре 1883 г., и раньше Степурина. Опечатки в ряде фамилий, имен, отчеств и некоторые даты мы исправляем. Нужно: Олесинов, а не Олесенев (57—74 стр.), Фронштейн, а не Бронштейн (116 стр.), Хаджаев Георгий, а не Семен (121), кап. Гангардт, а не Гатард (165), Алехин, а не Алехан (169), Беневоленский, а не Беневольский (171), Дзбановский, а не Жбановский (149, 174), Ланганс, а не Лангас (178), Кузнецов Леонид Андреевич, а не Алексеевич (181), Похитонова, а не Похитанова (184), Шарый, а не Шарого (161—190).

Вносим исправления в следующие даты: арестованы—Юрасов 4 апреля, а не 16 марта 1884 г. (71 стр.), С. Л. Перовская—10, а не 30 марта 1881 г. (183), Г. Гельфман умерла в доме предварительного заключения (172), Анг. Богданович умер в Петербурге

в 1907 г. (170), Михалевич умер, а не жив (181), Суровцев Д. Я. умер в 1925 г. в Тотьме (187), Саблин Николай Алексеевич, а не Александрович судился по процессу 193, застрелился при аресте после 1-го марта (185), Кузнецов А. К. род. не в 1857 г., а в 1845 г. (183). На стр. 185—Руге А., немецкий политический деятель, писатель и журналист, родился не в 1842, а в 1802 г. На стр. 187 Теллалов П. А. 1883—85 г., нужно 1853—1885 г.; А. Сигида умер в 1888 г., а не 1887 г. (стр. 138). Арестованы: Овчинников 28 апр. 1884 г. (73), Коган 27 января, а Богораз 9 декабря 1887 (стр. 137). На стр. 50 выпуском одного слова существенно изменен смысл: напечатано: «эта группа была подозрительна, во главе ее стоял» и т. д., нужно— «эта группа была подозрительна, *хотя* во главе ее» и т. д. На стр. 161 в фразе: 1. «Личный состав центральной группы: Над. Петр. Андреева. Ее старушка няня»—нужно двоеточие заменить точкой. На стр. 166 в «программе для собирания сведений в провинции» пропущен 7 пункт; в имевшемся подлиннике его не было.

А. В. Якимова-Диковская опровергает сведения, взятые из статьи В. Л. Бурцева в Историко-Революционном Альманахе, что Исаев, Теллалов, Тригони были землевольцами; Исаев входил в группу «свобода или смерть». Она же исправляет в статье Лебедева дату ареста ее и Ланганса: они были арестованы не 21-го мая, а 21-го апреля 1881 г. Н. И. Кибальчич не был чл. Исп. Ком. Сав. Златопольский (175) и Халтурин не были землевольцами. Халтурин при убийстве Стрельникова Желваковым был кучером. Он, как исправляет А. В. Якимова, народовольцем стал с момента поступления в З. Дворец столяром. В заметке Лебедева (стр. 163) слова «Исполнительный Комитет» выделены курсивом в заголовок— нужно в строку. Из указателя к сборнику «Кара» нами взято, что Спандони—Басманджи якобинец и был членом И. К. (каковым он не был), а П. Ф. Якубович примыкал к народным социалистам. В. В. Леонович опровергает это и говорит, что П. Ф. был с.-р. Он был близок к с.-р., оказывал им важные услуги, и с.-р. считали Якубовича своим. На указание, что (стр. 186) Дм. Богров, убивший Столыпина, охранник, необходимо заметить, что его ни в коем случае нельзя приравнивать к обыкновенным охранникам: последний акт его жизни вытекал из революционных побуждений и многое искупил в его жизни.

М. П. Попов прислал поправку в статью П. К. Пешекерова, который написал, что № 10 «Народной Воли» был издан в Таганроге. В действительности этот номер был выпущен в Ростове, а в Таганроге был напечатан № 11—12. Л. А. Кузнецов дает интересные дополнения к биографии теоретика благоевской группы (стр. 179), врача В. А. Латышева. Латышев был арестован в Петербурге в марте 1887 г. в связи с делом второго 1-е марта, был выслан в 1888 г. в Сольвычегодск, Вологодской губ. Умер в

Вологде 12 апреля 1891 г. После смерти Вас. Алекс. был напечатан в журн. «Врач» № 18 его некролог.

Известный сибирский общественный деятель и писатель, старый революционер, и в Сибири (Красноярске) оказывавший ценные услуги политич. ссыльным всех поколений, начиная с 80-х г.г., доктор Влад. Мих. Крутовский в подробном письме напоминает мне о конспиративной квартире, которая помещалась у него с женой Лид. Симоновной, урожденной Гоштафт. Эта квартира вылетела из моей памяти, но теперь, после письма Вл. Мих., она ясно стоит передо мной. Письмо Крутовского вносит дополнение в описание заключительного момента революционной деятельности, о которой я писал в своей статье.

Март.

В. М. Крутовский.

Заметка

В 1884 г., в августе, мы с женой приехали в Петербург и сейчас же нашли здесь ее подругу по курсам Марию Ник. Емельянову. Мы поселились на Кирочной в огромном доме с массою квартир. Наша квартира была с ходом со двора в 4-м этаже. Хозяйка внушала полное доверие, что она и доказала во время нашего ареста и потом на допросах. К нам ежедневно приходила Емельянова, довольно часто—Салова, которую я знал еще, когда она училась в Георгиевской общине; раза два был Якубович; заходила по делам Добрускина и др. Как-то постепенно и невольно наша квартира приобрела характер конспиративной квартиры для свидания. По этой же лестнице, но в нижнем этаже жила Подсосова,—тоже подруга жены.

6-го ноября последовал арест Якубовича, а раньше Лопатина и Саловой. Емельянова заметалась, растерялась и начала взывать за границу о том, чтобы оттуда прислали кого-нибудь для руководства работой. Но приехал Павел Елько и не из-за границы, а из Киева. Я не знаю, кто ему дал наш адрес, вероятно, Емельянова. Елько прямо с Николаевского вокзала (еще не было и 8 ч. утра) пришел к нам, как-то назвался и просил известить Емельянову, с которой ему очень нужно видеться. Жена оделась и пошла к Мар. Ник., а я остался с Елько, стали пить чай и вели разговор. Как раз в это время в «Москов. Ведом.» была напечатана гадость какая-то очередная, и вот по поводу этой статьи и рассуждали.

Пришла Емельянова, осталась с Елько. В тот же день Елько и Емельянова были арестованы на улице *). Елько у Подсосовой не был; явка была на нашу квартиру. Оказалось, что Елько за собой из Москвы привез шпиков, которые проследили нашу квартиру.

Вечером в этот же день мы по обычаю благодушествовали, была у нас и Подсосова. Пришли жандармы, но почему-то начали обыск с комнаты жившей в нашей квартире курсистки, очевидно, не предполагая, чтоб в деле был замешан врач. Поэтому мы успели

---

*) Елько на вокзале.

кое-что скрыть, уничтожить и при обыске оказались чистыми, но попалась Подсосова, которую из квартиры не выпустили, а после нашего ареста спустились вниз, сделали обыск у Подсосовой, и так как она его не ожидала, то у ней кое-что нашли и ее арестовали.

Как известно, Елько на допросах стал выдавать всех, но почему-то нас стал выгораживать. Следователь Сахаров дал мне прочитать то место его показаний, где он писал о посещении нашей квартиры; он точно привел наш разговор о статье «Москов. Ведом.», о которой мы говорили. Так как относительно нас никаких других обвинений не было кроме того, что у нас был раз Елько, то нас выделили из дела и административно послали в ссылку—меня на 3 года, жену на 5 лет.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Указатель имен.

А.

Аввакум, протопоп—167.
Аверкиева (Прушакевич), Елена—10.
Агафонов, В. К.—100.
Аксельрод, П. Б.—26, 85.
Александрин, А. И.—133.
Александров, Н. Я.—160.
Александров М. Ст. (Ольминский)—168, 176.
Алексеев Петр—186.
Алексеев, Я.—143.
Алехин—209.
Андреев, Н. П.—18.
Андреева Над. П.—210.
Андреюшкин, Пах. Ив.—138.
Андржейкович, Ст. Ам.—63, 209.
Антонов, Петр Леонт.—65, 127, 128, 130, 133, 139.
Ардентов, Ф. Ф.—18, 19.
Арефьев, Викторин Сев.—164.
Арефьев, Севастьян, отец Виктори-на—164.
Астырев, Ник. Мих.—167.

Б.

Баженов, прис. пов.—74, 76.
Баранова, Нат.—65.
Бардовский, Петр Вас.—77, 84, 133.
Бартенева, Елиз., сестра В. Щулепниковой—87.
Бах, А. Н.—64, 65, 67.
Бекарюков, Д. Д.—130, 145.
Бекетов, А. Н., ректр. Пет. Ун.—16.
Белевский, А. С.—150, 184—5, 196—201, 203—4.
Белевцева (Кранцфельд)—82.
Белов, Н. Г.—180, 181, 183, 185, 186, 190, 194, 197, 199, 201, 203, 204.
Белоголовый, А.—163.
Беляев—149, 150, 151.
Беневоленский—209.
Берви, Вас. Вас. (Флеровский)—56.
Бердичевский—65.
Бердяев, нач. Моск. охр. отд.—111.
Берман, Л.—80.
Бернштейн (Коган), Л. М.—16.
Билевич—85.
Благоев, Д.—98, 124.
Богданов, Пав. Игн.—19, 23.
Богданович, Ангел Ив.—209.
Богданович, Юр. Н.—41.
Богомолец, Соф. Ник.—110.
Богораз (Тан), Вл. Герм.—105, 106, 107, 108, 109, 110, 112, 132, 133, 136, 137, 138, 210.
Богораз, Пр. Фед.—66, 69.
Богров, Дм.—210.
Бодаев, В. А.—15—23.
Бокль, ист.—193.
Борейшо (Иванова—Б.),С. А.—9—14.
Борейша—177, 186.
Борисович (Мартынов)—69, 70, 71, 73, 75—77, 80—82, 85, 88.
Брагинский, М. А.—113—126.
Бражников, В. П.—106, 110, 127, 132—134, 136,137, 138, 139, 140, 142.
Брамсон, М. В.—126.
Бронштейн, С.—130, 132, 143.
Бруггер—149.
Бруевич, Дм. Ст.—125, 126.
Бурцев, В. Л.—149, 152, 210.
Бычков, Ал. И.—64.
Бычков, Влад. Ив.—59, 60, 61, 62, 64, 65.
Бычков, Евг. И.—65.

В.

Вадзинский—68.
Варынский, Людв.—45, 133.
Васильев, Захар—64.
Васильев, М. В.—69, 71, 73, 74, 76, 80, 82, 85, 88—91, 93.
Васкевич (псп. С. Гинзбург)—151.
Веденьев, И. Д.—127, 130, 131, 132, 143.
Ветрова—189, 206.
Виноградов, П.—149.
Виткович.—151.
Войнаральский, Порф. Ив.—10, 11.
Волков, Г.—163, 166.

Волков, Д.—149.
Волькенштейн, А. А.—93.
Вольф—181.
Волянский—92.
Воскресенский (Феофан Крылов)—21.
Вязменский, Г. М.—28.

Г.

Гаевский, Л. Ф.—125, 126.
Гангардт, жанд. кап.—209.
Гармидор, Моис. Ефр.—140, 150.
Гартинг—80.
Гассох, В. С. (Гоц)—106.
Гауптман, драматург—197.
Ге, Гр. Ник.—92.
Ге, Зоя Гр.—92, 93.
Гедеоновский, А. В.—176.
Геккельман, Авр. (Он же Ландезен, Гартинг)—99—103, 146, 149, 155.
Гельрот (Гельруд), М. В.—128, 129, 130, 132, 133, 134, 136, 137, 140, 143.
Генералов, Вас. Ден.—138.
Герцен, А. И.—53.
Гецов, И.—63.
Гинсбург, С. М.—115, 123, 125, 126, 142, 144, 145, 146, 150, 151, 152, 153, 154, 155.
Голосов, Ник. Андр.—142.
Гольденвейзер, пр. пов.—74, 75.
Грачевский, М. Ф.—18, 19, 34, 41.
Греков, Фед. Конст.—21, 64.
Григорьев, Н. Гр.—128, 130, 136, 141.
Гриневицкий, Игн. Иоах.—18, 177.
Гроднянская—160.
Гроссман, Б.—148.
Гроссман, Г. А.—126.
Грязнова, М. Вас.—83.
Гукович, Георгий—85.
Гурари, В.—146, 148, 150.
Гурвич, И. З.—63.
Гусев, Вас. Сем.—19, 20, 149, 151.

Д.

Данилевский—85.
Дашкевич, Петр Гр.—68, 69, 71, 72, 73, 76, 80, 82, 84, 85, 87, 88.
Дегаев, С. П.—34, 41, 46, 47, 54, 57, 58, 66, 67, 68, 70, 72, 88, 89, 100.
Деляницкая, М.—149.
Дембо, И. В.—148, 155.
Дембский, А. Н.—148, 149.
Денисенко, В. П.—127—141.
Дзбановский—209.
Дикштейн—197.
Дирдовский, Н. П.—71, 73, 76, 79, 80, 85.
Добровольский, мир. суд.—84.
Добрускина, Генриэта Ник.—212.
Долинин, И. А.—184, 189, 202.
Дорожинский, Евг. Игн.—67, 71.
Драгоманов, М. П.—48, 49.
Дрентельн, ген.-губ.—77.
Дрожжин—182.
Дружинин—160.
Дуговский—149.
Дурново—154, 196.
Душевский, Петр Григ.—115, 120, 121, 123, 126, 146, 147, 148.
Душина, Е. Д. (Берсенева)—163.

Е.

Елизавета Леонидовна—146.
Елько, П.—212, 213.
Емельянова—95, 98, 212.
Ерастов, Ст.—139.
Ергины: А. А. и Л. В.—176, 184, 185, 186, 190, 197, 198, 199, 200, 201, 203.
Ергин, Фед.—202.
Ермолаева—10.
Есипова—159.

Ж.

Желябов, А. И.—17, 18, 115, 177.
Жеребятьева, М.—169.

З.

Забалуев—127, 130.
Завадовский—71, 72, 73, 74, 76, 82, 85, 92, 93.
Зайцев, М.—144.
Зайчневский, П. Г.—26, 27, 52, 56.
Залкинд, С. М.—126.
Заруднева, Лариса—10.
Затворницкий—68, 71, 72, 73, 74, 76.
Зволянский, С. Э.—100.
Златопольский, Савелий—18.
Золотых, жанд. у.-о.—81.
Зотова, Соф. Льв.—111.
Зубатов, Сер.—111.

И.

Иван Иванович—171.
Иванов, Сер. Ан.—24—65, 67, 68, 138.
Иванов, В. Г.—62, 65.
Иванов, оф., бр. С. А. Ивановой-Борейшо—11.
Иванов, мед., бр. С. А. Ивановой-Борейшо—10, 11.
Иванов, студ. Дерп. В. И.—64, 95, 103, 104.

Иванова-Борейшо, С. А.—9—14.
Ивановская, Пр. Сем.—47, 56, 63.
Иванюков, проф.—129.
Игнатьев, граф.—93.
Извеков, адв.—76.
Израильсон—149.
Иогихес, Л.—149.
Иордан, Д.—127, 130.
Исаев, Гр.—18, 210.
Истомин, Вл.—150.
Истомина, Неонила—149, 150, 151, 152, 153, 155.

К.

Каковский, Ив.—17, 18.
Караулов, Вас. Ан.—68, 70, 71, 73, 76, 77, 80, 82, 85, 87, 88, 89.
Караулов, Ник. Ан.—68, 89.
Карелин, А.—150.
Карно, ист.—167.
Карпович, П. Вл.—24, 25, 26, 27, 28, 64.
Кассиуш—149.
Катанская, А. Л.—190, 199.
Качоровский, К. Р.—146, 147, 148, 150, 151, 152.
Кашинцев, И. Н.—149.
Квятковская, Юлия, сестра А. Кв—го—13.
Квятковский, А.—13.
Кедрин, пр. пов.—146, 147.
Кеннан, амер. писат.—167.
Кибальчич, Н. И.—210.
Клеточников, Н. В.—13.
Клименко, Мих. Филимон.—18, 19.
Клирикова, О. Н.—163.
Ковалик, С. Ф.—10, 11.
Ковальская, Е. Н.—110.
Коган, З.—105—112, 132, 133, 134, 136, 210.
Коган-Бернштейн, Л. М.—16.
Козловский—78, 79.
Колибрина, Лидия—149.
Комарницкий—21.
Кон. Феликс—133.
Конашевич, В. П.—67.
Кондратенко, А.—143.
Конисский, ген.-м.—74.
Корниенко—67.
Корба, А. П.—18.
Корн, ст.—114.
Короленко, С. В.—151.
Косолобов—182, 183, 185, 195, 202.
Котляревский, М. М., тов. пр.—102, 154.
Котов, Кузьма—27, 64.
Коченовский, жанд. у.-о.—81.
Кочетова (Щулепникова)—82.
Кранцфельд, Раиса—64, 67, 71.
Крафт, П. П.—150.
Кржеминский—65.
Кривенко, С. Н.—64, 209.
Крутовский, Вл. Мих.—211.
Крылов, Феофан—21, 47, 63.
Кубалов, Б. Г.—63.
Куделли—205.
Кузин—133.
Кузнецов, Леонид Андр.—209, 210.
Кузнецов, А. К.—210.
Кузьменко—92.
Кузьмин—74, 77.
Кулаков, А. А.—110.
Куминов, Алндр. Пав.—20.
Куницкий, Ст. Чесл.—77, 133.
Куперник, пр. пов.—74, 75, 76.
Купцов—182, 195, 197, 202, 203.
Курнатовский—150.
Кутитонская, Мар. Игн.—110.

Л.

Лаврениус—149.
Лавров, П. Л.—49, 137, 144, 145, 146, 147, 152, 167, 186, 197.
Лаговская—160.
Ланганс, Март. Руд.—209, 210.
Ландау, М.—150.
Лаппо—67.
Латышев, В. А.—210.
Лебедев—210.
Лебедева, слуш. Бест. к.—83.
Левенталь, Клара—71, 78, 79.
Ленин, В. И.—26.
Леонович, В. В.—210.
Липкин—150.
Лисянский, С. А.—128, 133.
Литфорс—74.
Лопатин, Г. А.—22, 63, 64, 70, 78, 97, 98, 103, 212.
Луговский, Л. М.—18, 19.
Лютов, ж. ротм.—102.

М.

Макаревский, А. Н.—127, 128, 136, 137, 139, 140.
Макаренко—127, 130.
Малеванный, Вл. Гр.—67, 71.
Мальчинский, А. П.—49, 50, 64.
Мануйлов, П.—151.
Манучаров, Н.—127, 130.
Марина, Ю.—149.
Марковы (пасп. Зах. Васильева и Р. Кранцфельд)—64.
Маркс, Карл—113, 126, 144, 145.

Мартынов (Борисович)—69, 70, 71, 73, 75, 76, 77, 80.
Маурер—126.
Махвиц, А.—144.
Мейснер, И. И.—128, 129, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 140.
Мельцер—182.
Меньшиков, Л.—102, 156.
Минский, поэт—146, 147.
Минье, ист.—167.
Миртов (Лавров, П. А.)—113, 145.
Михаил, токарь—143, 145, 146.
Михайловский, Н. К.—159, 166, 167.
Михалевич, Ст. Федор.—209.
Мицкевич—72, 74, 92.
Моллесон, И. И.—174.
Монастырев (дом в Якутске)—140.
Морозова, боярыня—167.
Мышкин, Ипп.—10, 11.
Мясникова, А.—150.

Н.

Нагибин, зем. вр. Шадр. у.—163.
Нагорская, Юлия—159.
Натансон, М. А.—162.
Невский—131.
Некрасов, Н. А.—167.
Немоловский, А.—60, 65.
Николаевский, Б.—98.
Николай—он—168.
Николай Сидорыч—163.
Никонов, С. А.—126.
Новиков, ст. Дерп. В. Ин.—64, 99, 100, 101, 102, 103—104.
Новицкий, жанд. ген.—71, 72, 73, 77, 78, 88, 93.
Новорусский, Г. М.—28.

О.

Оберучев, К.—146.
Обухова, Вера—107, 108, 110, 112.
Обухова, М. Н.—164.
Овчинников, М.—20, 22, 36, 38, 39, 63, 210.
Окладский (-Петровский), И.—96, 100.
Окольский—177, 186.
Оленин—198.
Олесинов, Ф.—22, 209.
Оржевский—77.
Оржих, Б. Д.—105, 106.
Орочко, А.—147, 151.
Осинская—47, 63.
Осинский, Лев—151.
Осипанов, Вас. Степ.—138.
Ослопов—127, 130.
Осташкин, Як. губ.—141.

П.

Павленков—167.
Павловская, А. Д. (Николаева)—163.
Панкратов, В. С.—69, 71, 73, 75, 76, 77, 80, 82, 85, 87, 88.
Паули—36, 41, 42, 43, 44, 63, 150, 209.
Пацановский—110.
Пашинский—105, 107, 109, 110.
Переляев, Вл. Ник.—47, 64, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 101, 102, 103, 104.
Перехватов, Степан—16.
Перов, В. И.—16.
Перовская, С. Л.—17, 18, 85, 115, 209.
Перовский, В. Л.—147.
Петрович (Ясевич), Л. Ф.—138.
Пешекеров, П. К.—210.
Плаксины, братья—169.
Плаксин, Н. Н.—169.
Плеве—88.
Победоносцев—179, 196.
Подбельский, Паппий.—16
Подкаминский, сод. мебл. комн.—133, 134.
Подсосова—212.
Поливанов, П. С.—62.
Поляков, М. М.—106.
Померанцев, жан. ротм.—134.
Попов, И. И.—21, 22, 95, 99, 209.
Попов, М. П.—210.
Попович, Ст.—16.
Похитонов—209.
Прейс, Ек.—184, 185, 187, 188, 189, 200, 203, 204.
Прибылев, Ал-др. Вас.—18.
Приклонский, С. А.—27, 51, 52, 64.
Присецкий, И.—67, 71.
Приютов, В. В.—177, 179, 181, 182, 183, 184, 185, 187, 189, 190, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 202, 203, 206.
Приютова, Наст.—195, 204.
Протопопов, М. А.—67.
Прохоров, А. И.—18, 20, 21, 22.
Прушакевич, Е. И. (Аверкиева)—10.
Пызин, вол. пис.—171.

Р.

Разумовская, А.—150.
Ракитникова (Альтовская), И. И.—156—176.
Раппопорт, Ю.—148, 149, 151, 152.
Ратин, С. М.—128, 136, 140, 141.
Рачковский, П. И.—100.
Редько, А. М. и П. М.—124, 126.
Рейнштейн—148, 149.
Ремянникова, Л.—163.
Рехневский, Ф. Ю.—133.

Рклицкий—142.
Родзевич, Ю.—150.
Росикова—110.
Руге, Арнольд—210.
Русанов, Н. С.—26.
Рымашевский—128, 129.
Рябоконев, Я.—143.

С.

Саблин, Ник. Ал.—17, 210.
Сабунаев, М. В.—151.
Сабуров, мин. н. пр. 1880—1 г.—16.
Савицкий, М. А. (Стародворский)—90.
Сазонов—151.
Салазкин, С. С.—18, 20, 21.
Салова, Н. М.—18, 22, 212.
Салтыков, М. Е.—167.
Самойленко, Е. (Чарнолусская)—163.
Сахаров, след.—213.
Секеринский, полк.—100.
Селецкий, Арс.—85, 87.
Семевский, В. И.—125.
Сердюкова, Анна—139.
Середа, ген.-м.—92.
Сигида—64, 210.
Сидоров, уч.—147.
Симоновская, Лид. (ур. Гоштафт)—211.
Скриниченко, В., ж. у.-о.—82.
Сладкова, С. А.—63.
Слепцова, Н. Н.—125, 126.
Смирнов, Н. Е.—177—208.
Смирнова, Ек.—187.
Смирнова—86.
Соколов, В.—132, 133.
Соломонов—110, 111.
Спандони-Басманджи, А. А.—210.
Спасович, пр. пов.—33, 50, 63.
Стародворский—67, 68, 69, 70, 72, 74, 82, 83, 85, 87, 88, 90, 91, 92.
Степанида Тимофеевна, у-ца—163.
Степанов, Е. Д.—68, 69, 72, 73, 74, 76, 80, 82, 85, 92, 93.
Степанов—149.
Степурин—209.
Стефанович—41.
Стояновский, С.—142, 143, 146, 147.
Стояновский, М.—146, 147.
Страхов, ж. полк.—112.
Судаков—163.
Судейкин, пр.-доц.—125.
Судейкин, Г. П.—21, 40, 46, 48, 49, 57, 66, 67, 68, 70, 72, 85, 88, 89, 91, 92, 100.
Супинская, Фрунза—10.
Суровцев, Д. А.—63, 209.
Сухаревская, С.—149.
Сухомлин, В. И.—63, 96, 99, 100.

Т.

Тарасов—159.
Татаринов, полк.—147.
Тейш (В. Караулов)—88.
Теличеев, И. В.—130.
Теличеева—140.
Теллалов, П. А.—41, 210.
Теплов—147, 149.
Терешкович, К. М.—136.
Тихомиров, Л.—12, 14, 21, 25, 89, 100, 154.
Тиц, Н. Н.—166, 169, 173, 174.
Токмакова, Ел. (Водовозова)—169.
Толстой, Д. А.—22, 23, 57, 77, 93, 96, 97.
Томашевский, Хр. Г.—128, 134, 136, 141.
Тохтарев, К.—169.
Третьяков, М. Н.—107.
Тригони, М. Н.—210.
Тринидатская, Ек. Мих.—64.
Трофимов—151.
Тулуповы, братья: Мих. и Гр.—177, 178, 181, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 189, 190—204.
Тулупова, А. Е.—195, 207.
Турский, Станислав—139.
Тырков, Алексей—121, 125, 126.

У.

Усова—209.
Успенский, Гл.—167.
Успенский—189.
Уфлянд, М. А.—128, 134, 136, 140, 141.

Ф.

Файнберг—139.
Федор, крест.—163.
Федоров, М. Е.—63.
Федоров, секр. Шадр. у. з. у.—163.
Федулов, А.—184, 185, 186, 196, 197.
Фейт, А. Ю.—95, 96, 99, 176.
Феологов, част. пов.—164.
Фермор—16.
Фетисов—10.
Фигнер, В. Н. (Филиппова)—25, 28, 59, 60, 63, 65, 77, 86, 92, 93, 117.
Флеров, Ник. Мих.—15, 23.
Фойницкий, С.—149, 150, 151, 152, 168.
Фомин, ж. у.-о.—82.
Фомичев, Н. М.—136.
Франжоли, Андрей—16.
Фрейд, М. Б.—128, 140.
Фрейфельд, А. Г.—143.
Фрейфельд, Л. В.—142—155.
Фрелих—114.
Фронштейн—209.

Х.

Хаджаев, Георгий—209.
Халтурин—177.
Харитонов—125.
Харкевич—169.
Хлодовский—126.
Хлудов, куп.—11.
Хроновский, С. Ф.—128, 129, 132, 136.

Ч.

Чайченко, С.—143.
Чарушин, Н.—14.
Чемоданова, М. П.—18.
Чемоданова, Люб.—35, 54.
Ченыкаев, В. Д.—164.
Черкаев, предс. Серд. у. з. у.—174.
Черневский—126.
Чернышевский, Н. Г.—167.
Чернявский, Г.—63.
Чечот—63.
Чижевский—146, 147, 148.
Чириков, Е.—151.

Ш.

Шаповалов, А.—182, 184, 185, 195, 202, 205.
Шебалин, М. П.—44, 47, 64, 66—80, 81, 82, 85, 89, 90.
Шебеко, ген.—94.
Шелгунов, Н. В.—123, 156.
Шелгунов, Н. Н. 123, 124, 125, 126.
Шембек, гр.—92.
Шерр—149.
Шестопалов—174.
Шефле—145, 167.
Шеффер, М.—150.
Шехтер, Н. Н. (Минор)—106.
Шкряба (предатель)—69, 86, 127, 130.
Шмелев, врач—164.
Шмидова, Рев.—138, 139.
Штернберг, Л. Я.—137.
Шулятиковы—189, 205, 206.
Шур, Г. Е.—128, 131, 136, 140, 141.
Шухт, А. А.—115, 119, 126.

Щ.

Щулепников, В., ст. сов.—84.
Щулепникова, В. А.—21, 64, 67, 69, 70, 71, 72, 73, 75, 79, 80, 81, 82, 83—85.

Ю.

Юделевский, Я.—150, 151.
Южаков, С. Н.—125.
Юрасов—209.
Юшкова, М. А.—19.

Я.

Ядринцев, Н. М.—160.
Якимова, А. В.—210.
Якубов, В. И.—164, 166.
Якубова, С. А.—169.
Якубович, П. Ф.—22, 63, 64, 69, 95, 97, 98, 99, 100, 101, 103, 210, 212.
Якубовская, Марья—83.
Ямпольская, М.—147.
Янчевский, нелег.—21.
Ярошенко, худ.—18.
Ястребов, С. М.—120, 121, 126.

Э.

Эркман-Шатриан—167.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН и ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Правление и склад изд-ва: Москва, 34, Лопухинский пер., 5. Т. 3-64-73
Книжный магазин «Маяк»: Москва-Центр, Петровка, д. 7. Т. 3-63-20

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

НА 1929 ГОД

на журнал, посвящ. истории рев. движ. в России до падения царизма,

9-ый год издания „КАТОРГА и ССЫЛКА" 9-ый год издания

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЕСТНИК

12 книг в год Под общей редакцией ФЕЛИКСА КОНА **12 книг в год**

При ближайш. участ.: М. А. Брагинского, Е. Н. Ковальской, Б. П. Козьмина, М. Ф. Фроленко, Н. Ф. Чужака-Насимовича, М. М. Константинова, Я. Б. Шумяцкого и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: 1. Из истории революционного движения. 2. Тюрьма, каторга, ссылка и эмиграция. 3. Лики отошедших. 4. Библиография. 5. Хроника. Иллюстрации.

Размер каждого номера 14 листов.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

1 год (12 книг) — 12 руб., на $^1/_2$ года (6 книг) — 6 руб. 50 коп.
Цена отдельного номера—1 руб. 50 коп.
За границу на 50% выше.

В Изд-ве имеются полные комплекты журнала за 1925, 1926, 1927 и 1928 г.г. Цена комплекта за каждый год 12 руб.
За предыдущие годы (1921—1924 г.г.) комплектов не имеется.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО О-ВА ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН и ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

5-й год издания

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1929 год НА ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННУЮ БИБЛИОТЕКУ

5-й год издания

Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России. 12 №№ в год, размером каждый 11 — 14 листов с иллюстрациями и портретами.

1. **Б. П. Козьмин.** Революционное подполье в эпоху «Белого Террора».
2. **Л. Меньщиков.** Охрана и Революция. Ч. II, в. II.
3-4. **В. Н. Фигнер.** Собрание сочинений.
5-6. » » »
7-8. » » »
9-10. **П. А. Кропоткин.** Записки революционера. Т. I
11-12. » » » Т. II.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 год—15 руб., на ½ года—8 р.
Цена отдельного номера от 1 р. 50 коп. до 3 р.

В Издательстве имеются комплекты «Историко-Революционной Библиотеки» за 1928 г. Цена комплекта 17 рублей.

При одновременной подписке на журнал «Каторга и Ссылка» и «Историко-Революционную Библиотеку» 1 год—25 руб., ½ года—13 р. 50 к.

1-й год издания

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

1-й год издания

в очерках, воспоминаниях и биографиях. Библиотечка имеет целью в популярной форме дать материал для изучения отдельных этапов революционного движения в России. Каждая книжечка сопровождается кратким библиографическим указателем, портретами и иллюстрациями. 26 №№ в год, размером каждый 4 листа.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 1 год—9 р., ½ года—5 р.
Цена отдельного номера 50 к.

5-й год издания

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

5-й год издания

Рассчитана на самые широкие читательские массы. В общедоступной форме излагает отдельные моменты русского революционного движения. 52 №№ в год размером каждый в 32 страницы с иллюстративной обложкой.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1 год—4 р. 50 к.
Цена отдельного номера 12 коп.
Цена комплекта за 1928 год в 52 №№ 5 руб.